

©OMA

проект
россия/
project
russia

Главный редактор:
Алексей Муратов
Арт-директор: Евгений Корнеев
Редакторы разделов:
Анатолий Белов
(Город земля, Новый город),
Анна Броницкая (В фокусе),
Сергей Куликов (Градо),
Наталья Почечуева
(Сити-менеджмент)
Консультанты редакции:
Виктор Маслаков,
Григорий Ревзин
Дизайн, верстка, препресс:
Александр Альберт,
Дмитрий Горяченнов,
Александр Коробов
Переводы на английский:
Джон Николсон

Издатель и учредитель:
ООО «Объединенные проекты»
Печать: ЗАО «Алмаз-Пресс»
Периодичность: 4 раза в год
Тираж: 5 000 экз.
Дата выпуска: 29.01.2012

ООО «Объединенные проекты»
Москва, Б. Дровяной пер., 20, стр. 2
Тел.: +7 495 6980318

Новый город_Люди

Виктор Маслаков:
Мы стремимся обеспечить
архитекторам максимальную
свободу творчества 07

Новый город_План

Титаны празднуют свободу 12

Колонка_Председатель

Жан Пистр:
Что такое инновация? 20

Сити-менеджмент_Маркетинг

**Сити-маркетинг как часть
стратегии устойчивого развития** 21

Сити-менеджмент_Зеленый город

**«Дом-подсолнух» –
первое углеродно-нейтральное
здание в России** 25

Градо_Проект

**Гонконг: Конкурс на «Культурный
район Западного Коулуна»** 30

В фокусе_Колхаас

**Владимир Паперный
о Реме Колхаасе** 36

Урбанизм

ИННОВАЦИИ

**Журнал о «Сколково»
и городской среде
Январь 2012**

В гостевой зоне Центра инноваций «Сколково» архитекторы бюро OMA стремятся создать здание-символ, поэтому объединяют две трети предусмотренных проектным заданием площадей (гостиницу, арт-галерею, кинотеатр, магазины и проч.) в один объем – 100-метровую «Скалу».

New City_People

Viktor Maslakov: It's our aim to give architects designing for Skolkovo as much creative freedom as possible 07

New City_Masterplan

Titans celebrating their freedom 12

Column_Chairman

Jean Pistre:
What is innovation? 20

City Management_Marketing

**City marketing as a part of the
strategy of sustainable development** 21

City Management_Green city

**SunFlowerBuilding – first carbon neutral
building in Russia** 25

Urbanism_Project

**Hong Kong: West Kowloon Cultural District
Competition** 30

In the spotlight_Koolhaas

Vladimir Paperny on Rem Koolhaas 36

Вот и закончился 2011 год. Как оценить его итоги? Очевидно, что год был переходным – годом формирования новых взглядов на проблемы территориального развития, появления новых игроков и новых конфигураций профессионального взаимодействия. Подход, который, используя термин из социологии, можно назвать «объект-центричным», был серьезно потеснен более широкой «оптикой», нацеленной не на отдельные дома, а на связи между ними, стремящейся рассматривать обитаемые пространства комплексно. Нам показалось любопытным выделить людей, в деятельности которых наиболее отчетливо проявилась данная тенденция. Представляем десятку «передовиков» – коллективный портрет человека года. / Из представителей власти в эту десятку прежде всего нужно включить мэра Москвы **Сергея Собянина (1)** и главу столичного департамента культуры **Сергея Капкова (2)**. Первый – это в общем-то «зеркало» актуальных процессов. С одной стороны, он практически заморозил все новые проекты в Москве, с другой – выдвинул амбициозные задачи по развитию общественного транспорта и благоустройству общественных пространств. Образцовый пример последнего продемонстрировал Капков, превративший вместе с бюро Wowhaus Парк Горького в идеальное место для среднего класса. Сходную задачу в Петербурге решила Дарья Жукова (3), чья Iris Foundation с помощью Бориса Бернаскони создала на территории Новой Голландии современную среду для в меру расслабленного, в меру активного времяпровождения (см. i+U № 1). / Два других члена ТОП-10 – люди, которые стремятся активно влиять на выбор стратегии развития Москвы. Директора НИиПИ Генплана **Эрнста Мавлютова (4)** можно условно отнести к партии «расширителей» столицы. Мало того, что НИиПИ выиграл тендер на роль заказчика международного конкурса на концепцию развития Московской агломерации, так еще, говорят, именно Мавлютов нарисовал очертания Большой Москвы. Президента IRP Group **Булата Столырова (5)**, наоборот, правильнее причислить к сторонникам уплотнительного подхода. Проведенный им Урбанистический форум был сосредоточен главным образом на проблемах «малой Москвы», да и экспертные сессии, организуемые IRP совместно с Департаментом экономической политики столицы, тоже фокусируются на развитии города в его старых границах. / Говоря об образовании, выделим **Александра Высоковского (6)**, создавшего в «Вышке» школу урбанистики, а также **Юрия Григоряна (7)**, успешно совмещающего преподавательскую деятельность в МАРХИ и «Стрелке». Пусть плоды учебной работы обоих педагогов созреют только к лету, уже сейчас все выглядит довольно аппетитно. / Помимо Григоряна, из сколковской обоймы в ТОП-10 следует включить как минимум троих. Во-первых, **Сергея Чобана (8)**. Банк «Санкт-Петербург», штаб-квартира «Новатека», дом в Гранатном – кто еще может похвастать таким количеством и качеством завершенных построек? А ведь к этому надо приплюсовать замечательное здание phow Hotel в Берлине, выигрыш тендера на разработку проекта планировок «Сколково», назначение куратором русского павильона на Венецианской биеннале. Фантастика! / Если бы подобные десятки составлялись каждый год, то в них все время попадал бы другой член сколковского Градсовета **Григорий Ревзин (9)**. Просто потому, что никто лучше его не пишет об архитектуре. Но в прошлом году Ревзин завоевал новые высоты. Если Чобану можно отдать звание архитектора-2011, то Ревзину – консультанта года. Ревзин активно сотрудничает не только с девелоперами, но и с организаторами конкурсов. Более того, сам придумывает их. Сверхуспешный конкурс на застройку жилых кварталов в районе технопарка иннограда «Сколково» – стопроцентно ревзинское изобретение. / Но это изобретение не могло бы воплотиться в жизнь еще без одного человека – сити-менеджера «Сколково» **Виктора Маслакова (10)**. Несмотря на многочисленных скептиков, на проведении конкурса настоял именно он, сделав так, чтобы все прошло абсолютно прозрачно и честно. И опять же по его инициативе в сколковской программе предусмотрено еще около трех десятков творческих соревнований. Следите за новостями, читайте в новом году i+U!

Алексей Муратов
Главный редактор журнала i+U, член Градостроительного совета Фонда «Сколково»

Editorial So 2011 is over. What did it bring us? This was evidently a transitional year – a year for forming a new approach to problems of territorial development and for the emergence of new players and of new configurations of professional interaction. We thought it interesting to identify those people in whose activities the above tendency has been manifested most clearly. Below we give our 'top ten' – a collective portrait of the person of the year.

The most obvious candidates for inclusion in the top ten among representatives of the authorities are Sergey Sobyenin (1), Mayor of Moscow, and Sergey Kapkov (2), head of Moscow's Department of Culture. On the one hand, Sobyenin has practically frozen all new construction projects in Moscow, and on the other he has proposed ambitious objectives relating to development of public transport and improvement of public spaces. A good example of the latter has been achieved by Sergey Kapkov, who, together with the architecture firm Wowhaus, has turned Gorky Park into an perfect place for the middle classes. Something similar has been achieved in St Petersburg by Darya Zhukova (3), whose Iris Foundation, in collaboration with architect Boris Bernaskoni, has created on the island of Novaya Gollandiya a modern setting for leisure which is both moderately relaxed and moderately energetic (see i+U No.1).

Two other members of our Top 10 are people who are set upon influencing the choice of strategy for development of Moscow. Ernst Mavlyutov (4), Director of the Master Plan Institute, could be assigned to the party which is in favour of expanding Moscow. Apart from the fact that the Master Plan Institute won the bids competition for the position of client for the international competition to find a development concept for the Moscow agglomeration, it was Mavlyutov, they say, who sketched the outline of Greater Moscow. Bulat Stolyarov (5), President of IRP Group, could, on the contrary, better be described as a supporter of infill development. The Urban Forum that he organized focused mainly on issues to do with 'smaller Moscow', and the meetings of experts that IRP has set up together with Moscow's Department for Economic Policy likewise concentrate on the idea of developing the city within its old boundaries.

When it comes to education, the main running has been made by Alexander Vysokovsky (6), who has created a school of urbanism at the Higher School of Economics, and Yury Grigoryan (7), who manages to teach at both MArchI and Strelka. Even if the fruit of their teaching ripens only in the summer, it looks fairly tasty even right now.

In addition to Grigoryan, Skolkovo's contribution to the Top 10 should include, at the very least, three figures. First, there is Sergei Tchoban (8). What other architect could boast so many high-quality projects in a single year? Tchoban has designed the Bank Sankt-Peterburg building in St Petersburg and the Novateka headquarters and a house on Granatny pereulok in Moscow; but he is also responsible for the wonderful phow Hotel in Berlin, won the bids competition to plan one of the clusters at Skolkovo, and has been appointed to curate the Russian Pavilion at the Venice Biennale of Architecture in 2012. Amazing!

If we were to compile a Top 10 every year, then Grigory Revzin (9). If Tchoban might be named as best architect of 2011, Revzin was surely best consultant of the year. He has worked not just with developers, but with competition organizers as well. And he has come up with ideas for competitions himself. The extremely successful competition to develop residential areas in the vicinity of the Technopark at Skolkovo is 100% his idea.

The latter idea could never, however, have been realized had it not been for yet another of our Top 10, Viktor Maslakov (10), City Manager at Skolkovo. It was Maslakov who, notwithstanding widespread scepticism, insisted on holding the latter competition and ensured that everything proceeded absolutely transparently and honestly. And it is thanks to him that the Skolkovo programme will involve another 30 or so creative competitions. So keep your eyes on the news; read all about it in i+U next year! Alexei Muratov

10 ноября был объявлен куратор XIII Венецианской биеннале архитектуры – им стал член Градостроительного совета «Сколково», известный британский архитектор Дэвид Чипперфилд.

2 декабря в здании филиала Малого театра на Большой Ордынке состоялось седьмое заседание Градостроительного совета Фонда «Сколково».

9 декабря в рамках Московского урбанистического форума состоялся круглый стол на тему «Развитие центров образования, науки и инноваций», организованный при поддержке Фонда «Сколково».

16 декабря были объявлены финалисты конкурса на жилую застройку в зоне технопарка Инновационного центра «Сколково».

27 декабря Совет Федерации утвердил новые границы Москвы – в них вошел и Инновационный центр «Сколково».

Пензенские инновации

24 ноября на улицах Пензы появились троллейбусы, снабженные устройствами Wi-Fi. Пока таких троллейбусов всего шесть. Пользование интернетом бесплатное. Что называется, осяст-ливлив. В будущем планируется установить Wi-Fi во всем общественном транспорте Пензы. Подробности на pravda-news.ru

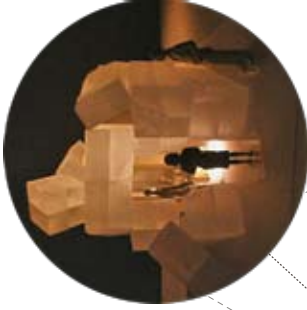
Мебельный гигант замкнулся на градостроительство

20 октября девелоперская компания LandProor, являющаяся подразделением IKEA Group, представила проект застройки территории к югу от Олимпийского парка в Лондоне. На площади в 10,5 га предлагается построить 1200 частных жилых домов, гостиницу на 350 номеров, школу, детский сад, больницу, а также 480 тыс. кв. м офисных площадей, магазинов, ресторанов и кафе. Подробности на www.huffingtonpost.co.uk

Хижина дяди Фрэнка

В октябре были объявлены результаты международного архитектурного конкурса Warming huts на строительство павильонов для отдыха лыжников в долине реки Ассинибойн в канадской провинции Манитоба, организованного при участии Ассоциации архитекторов Манитобы и спонсируемого корпорацией Forks. В пятерку победителей вошел всемирно известный архитектор Фрэнк Гери. Окончание строительных работ намечено на 27 января. Подробности на www.warminghuts.com

Тканая река

7 ноября Бюро земельного управления (Bureau of Land Management) Министерства внутренних дел США утвердило проект масштабной инсталляции под названием «Над рекой» (Over the river), придуманной известным художником Кристо и его женой Жанн-Клод, скончавшейся в 2009 году. Площадкой для сооружения инсталляции станет 67-километровый отрезок реки Арканзас между городами Салида и Энсон Сити в штате Колорадо: над выбранными Кристо участками реки общей протяженностью 9,5 км растянут множество прямоугольных полос серебристой светопрозрачной ткани. По плану инсталляция должна открыться в августе 2014 г. на срок в две недели, после чего она будет разобрана. Сооружение инсталляции и прочие работы оплачивает сам Кристо. Размер предполагаемых затрат – \$50 млн. Подробности на www.Overtheriverinfo.com

Конструктор Шигеру Бана

12 ноября в японском поселении Онагава, находящемся на восточном побережье острова Хонсю, состоялась церемония открытия временного жилья для жертв землетрясения Тохoku, случившегося восемь месяцев ранее. Строительство планировалось завершить еще в середине октября, но сроки сдвинулись из-за нагрянувшего тайфуна. Известный архитектор Шигеру Бан придумал селить беженцев в двух- и трехэтажные дома, собранные из морских контейнеров и стальных рам. Отстроенный на территории бывшего поля жилой квартал стал приютом для 188 семей. Подробности на www.detail-online.com

Бетонный остров

В начале ноября в Бангкокском районе Патум-Тани вырос новый жилой квартал. Это произошло буквально за пару недель. Все объясняется тем, что дома в традиционном смысле здесь заменяют временные структуры, собранные из бетонных блоков, которые используются при строительстве эстакад. Столь экзотическое жилье возвели для жертв наводнения, затопившего столицу Таиланда во второй половине октября. Подробности на [edition.cnn.com](http://www.edition.cnn.com)

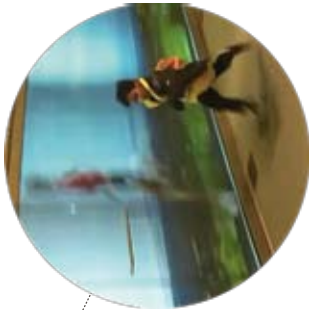
Кондиционер общегородского значения

В конце ноября в монгольской столице Улан-Баторе при поддержке властей был запущен экспериментальный проект по созданию искусственных наледей на реке Туул, названный «Ледяной щит». По расчетам специалистов из монгольско-британской геоинженеринговой фирмы ECOS & EMI, отвечающей за реализацию проекта, упомянутые наледы, нарастающие путем многократного бурения ледяного покрова в течение всей зимы, помогут снизить температуру в столице в жаркие месяцы. Оценочная стоимость проекта составляет 1 млрд тугриков (22,5 млн рублей). Подробности на www.guardian.co.uk

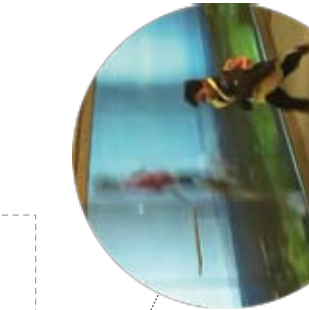
Экоустойчивость по-нигерийски

В декабре завершилось строительство первого в Африке дома из пластиковых бутылок. Это одноэтажное бунгало на две спальни, занимающее участок площадью 58 кв. м. Дом, расположенный в нигерийской деревне Сабонгарин Йелла в 400 км от города Кадуна, уже стал местной достопримечательностью. Технология следующая: бутылки наполняются песком, плотно закручиваются, укладываются друг на друга, скрепляются глинисто-цементным раствором и перевязываются крепкими нитями. По утверждению инициаторов проекта из нигерийской Ассоциации развития возобновляемой энергии (DARE) «бутылочная» кладка прочнее кирпичной в 20 раз. К тому же это экологично и, что немаловажно, недорого – стоимость всех работ составила в общей сложности 2 млн нигерийских найр (12700 долларов). Подробности на sreeforyou.blogspot.com

Марафон в метро

31 октября станцию нью-йоркской подземки «Коламбус Сёркл» украсила интерактивная видеоинсталляция «Беги с Райаном» (Run with Ryan), ставшая частью рекламной кампании по привлечению людей к участию в городском марафоне. 19-метровый экран, установленный в одном из подземных переходов, с определенной периодичностью транслировал запись забега знаменитого американского марафонца Райана Холла. В желающих помериться с ним скоростями недостатка не наблюдалось. Подробности на vitropress.wordpress.com

Сириль Заннеттаччи/Sirili Zannettacci

Куратор XIII Венецианской биеннале Дэвид Чипперфилд (лицом к камере) и куратор XII Венецианской биеннале Кадзуо Сейджима (на первом плане) на четвертом заседании Градостроительного совета «Сколково» в феврале 2011 года в Париже

Дважды кураторы

Twice the curators: November 10, it was announced that architect David Chipperfield will be the curator for the 2012 Venice Biennale for Architecture, which is due to open in the end of August. Chipperfield is a well-known British architect and member of Skolkovo Foundation's Town-planning Council. While Sergei Tchoban, another member of the Council and head of SPEECH, will be the curator of the Russian pavilion in Venice

10 ноября был объявлен куратор XIII Венецианской архитектурной биеннале, которая откроется в конце августа этого года. Им стал сэр Дэвид Чипперфилд – известный британский архитектор, руководитель бюро David Chipperfield Architects с офисами в Лондоне, Берлине, Милане и Шанхае, автор таких заметных работ, как реконструкция Нового музея в Берлине, судебный комплекс «Город закона» в Барселоне и др.

Дэвид Чипперфилд окончил Кингстонский университет (1976), а затем – Школу Архитектурной ассоциации в Лондоне (1980). Поработав в начале восьмидесятых у Ричарда Роджерса и Нормана Фостера, он открыл собственное бюро (1985), которое поначалу занималось главным образом интерьерами. Особенно плодотворным было сотрудничество с известным японским фэшн-дизайнером Исси Мияке, для которого Чипперфилд спроектировал серию фирменных бутиков в Англии и Японии. На рубеже 1980–1990-х годов Страна восходящего солнца переживала строительный бум, и заказы сыпались как из рога изобилия. Для многих западных архитекторов, чьи фамилии сейчас на слуху (Заха Хадид, Рем Колхаас и др.), работа в Японии стала хорошим трамплином для дальнейшей международной карьеры. Дэвид Чипперфилд как раз из таких. В начале 1990-х по его проектам были построены штаб-квартира компании Toyota в Киото, частный музей в Чибэ, а также штаб-квартира корпорации Matsumoto в Окаяме. С наступлением рецессии роман Чипперфилда с Японией благополучно закончился – со второй половины 1990-х архитектор работает преимущественно в Европе и Китае.

Сегодня Дэвид Чипперфилд – признанный мастер современной архитектуры. На его счету множество наград, в том числе золотая медаль Тессенова (1999), золотая медаль Королевского института британских

архитекторов (2011), премия Стирлинга (2007) и премия Миса ван дер Роэ (2011).

В 2010 году Чипперфилд вошел в Градостроительный совет Фонда «Сколково» и стал одним из кураторов района D1 Инновационного центра (см. с. 14). Теперь он еще и куратор Биеннале. Его японская коллега Кадзуо Сейджима, которая также является членом Градсовета Фонда и проектировщиком одной из зон сколковского иннограда, курировала Биеннале в 2010 году. Вскоре после этого ей была присуждена Притцкеровская премия. Может, следующий Притцкер достанется Чипперфилду? Он заслужил.

Стоит отметить, что Чипперфилд не единственный «дважды куратор» в составе Градсовета «Сколково». Сергей Чобан, являющийся партнером Чипперфилда по зоне D1, стал куратором экспозиции российского павильона на той же Венецианской биеннале. Уж на этот раз наш павильон точно должен получить награду!

Скала преткновения

Stumbling rock: December 2, the 7th meeting of the Skolkovo Foundation's Town-planning Council took place in the auditorium of the Maly Theatre 'second scene' on Bolshaya Ordynka

2 декабря в здании филиала Малого театра на Большой Ордынке состоялось седьмое заседание Градостроительного совета Фонда «Сколково». В качестве главной повестки мероприятия было заявлено рассмотрение окончательных вариантов проектов планировок пяти зон иннограда (см. с. 12–19).

С этого и предполагалось начать заседание. Однако в последний момент график сдвинулся. После того как сити-менеджер «Сколково» Виктор Маслаков, а также сопредседатели Градсовета Жан Пистр и Вениамин Голубицкий произнесли вступительные речи, слово взял Сергей Кузнецов, один из кураторов зоны D1 (совместно с Сергеем Чобаном и Дэвидом Чипперфилдом) и руководящий партнер архитектурной мастерской SPEECH, выигравшей в конце октября тендер на генеральное проектирование градостроительной части проектной документации Инновационного центра «Сколково». Он представил собравшимся консорциум, который будет заниматься

разработкой соответствующей документации, и куда наряду со SPEECH вошли такие компании, как Sweco (Швеция), Waterman (Великобритания), «Метрополис» и «ВТМ Дор-проект» (Россия). Сергей Кузнецов вкратце поведал о составе и сроках выполнения работ. Документация будет включать в себя проект планировки и проект межевания территории «Сколково», а также правила землепользования и застройки. Окончание работ намечено на конец февраля 2012 года.

В ходе своего выступления Сергей Кузнецов коснулся некоторых изменений, которые планируется внести в генеральный план. Среди прочего была озвучена идея о двукратном увеличении габаритов паркинга на юго-востоке зоны D4 (въезд со стороны МКАД) за счет сокращения вместимости северного паркинга на территории той же зоны (въезд со стороны Минского шоссе) с 3000 до 1500 машиномест. Намерения генпроектировщиков вызвали нескрываемое удивление Юрия Григоряна, который вместе с итальянским архитектором Стефано Боери курирует проект упомянутой зоны. По окончании речи Сергея Кузнецова он поинтересовался, не ошибка ли это. В беседе с нашим корреспондентом Юрий Григорян объяснил свою реакцию так: «Во-первых, подобное решение существенно влияет на инфраструктуру. Основным путем въезда в зону D4 становится дорога, идущая от МКАД – происходит пе-

нился. При въезде на территорию D1 со стороны технопарка появилось здание больницы (в мастер-плане AREP она располагалась в зоне D4 на противоположном конце иннограда). Офисы, предназначенные для компаний-мэйджоров, которые прежде были рассредоточены по всей длине бульвара, теперь собраны в одном месте, у границы с Минским шоссе. Основная часть этих площадей отойдет Сбербанку. Съезд к D1 с Минского шоссе, до этого плавно перетекавший в бульвар, архитекторы в конечном итоге сделали тупиковым – он заканчивается подземной автостоянкой. Вот, пожалуй, и все изменения, которые заслуживают упоминания. Публике также были продемонстрированы варианты архитектурного решения комплекса Сбербанка, разработанные бюро David Chipperfield Architects. Их всего три. Повышенное внимание Совета вызвала концепция, согласно которой комплекс предлагается решить как единую мегаструктуру с полукруглым двором, раскрывающимся в сторону МКАД.

Финальные версии зоны технопарка D2 (кураторы – бюро Valode & Pistre совместно с Мохсеном Мостафави), зоны университета D3 (кураторы – Жак Херцог и Пьер де Мерон) и зоны смешанного использования D4 тоже не особенно отличаются от первоначальных и промежуточных эскизов. Впрочем, в проекты было внесено немало уточнений и корректировок. К при-

2 декабря. Заседание Градсовета Фонда «Сколково» в филиале Малого театра на Б. Ордынке (слева направо): Рейнир де Графф, Сергей Чобан, Сергей Кузнецов и Юрий Григорян

Елена Петухова/Elena Petukhova

распределение транспортной нагрузки, меняется логистика. Многие придется переделывать. Во-вторых, это отменяет концепцию северного паркинга, которую мы со Стефано придумали и которая нас вполне устраивает. Паркинг делится на надземную часть, предназначенную для экологичного автотранспорта, и подземную часть, предназначенную для автомобилей извне. Получается как бы рай и ад. Теперь ад, судя по всему, переместится на границу с университетской зоной».

Вслед за Сергеем Кузнецовым выступил Сергей Чобан, который представил участникам заседания окончательный вариант градостроительной концепции зоны смешанного использования D1. За три месяца, прошедшие с момента проведения сентябрьского заседания Градсовета (см. i+U № 1), проект слабо изме-

меру, кураторы зоны D3 переместили комплекс старшей школы с севера на юг, в гущу жилой застройки – количество жилых домов поредело, зато детям теперь не придется пересекать бульвар, добираясь до места учебы. На участке, который до этого занимала школа, возник спортивный комплекс с бассейном, теннисными кортами и т. п. Подобные изменения важны с точки зрения средового комфорта, но при этом мало влияют на логику функционирования города в целом. А так, ключевые объекты – технопарк, университет – никуда не сдвинулись, бульвар на месте.

С гостевой зоной Z1 бюро SANAA и ОМА особая история. Возможно, именно поэтому презентацию данного проекта отложили напоследок. Проект шел довольно тяжело и пережил ряд серьезных пертурбаций. Так, купол SANAA раньше находился

1
В соответствии с Меморандумом о намерениях от 11 июля 2011 года, подписанным президентом банка Германом Грефом и президентом Фонда «Сколково» Виктором Вексельбергом, Сбербанк намерен разместить в иннограде бизнес-парк, а также центр обработки данных «МегаЦОД-2». Проектирование комплекса Сбербанка доверено Дэвиду Чипперфилду.

2
Джекобс Джейн. Смерть и жизнь больших американских городов. Пер. с англ. Мотылев Л. М.: Новое издательство. 2011.

в другом месте. В варианте, представленном Кадзуо Сейджимой на заседании Градсовета 2 сентября, он накрывал станцию Трехгорка и захватывал часть Минского шоссе. Впоследствии его пришлось сдвинуть в сторону бульвара, поскольку он заезжал на чужой участок. Все бы ничего, но, съехав на юго-восток, купол потеснил многофункциональный комплекс «Скала» бюро ОМА. Получился своего рода эффект домино. Колхаас с де Граафом задвинули «Скалу» вглубь своего участка, но на этом проблемы не закончились. Дело в том, что по территории иннограда проходят линии водоводов Западной станции водоподготовки, над которыми ничего нельзя строить. Они тянутся с севера на юг – от торгового комплекса «Три кита» на Минском шоссе до деревни Немчиновка – и съедают кусок земли протяженностью 1,5 км и шириной около 80 м, рассекая проектируемый Колхаасом и де Граафом участок на две неравные части. Так вот, голландцы поставили свою «Скалу» прямо на полосу санитарно-защитной зоны этих самых водоводов – видимо, не поняли, что к водоводам приближаться нельзя.

Впрочем, к заседанию в филиале Малого театра Рейнир де Грааф успел подготовить новую презентацию с предложениями касательно размещения «Скалы» с учетом проходящих по территории иннограда водоводов. Однако некоторая неприкаянность этой мегаструктуры дала членам Градсовета повод вернуться к вопросу о целесообразности строительства столь крупномасштабного и монументального объекта. Борис Бернаскони, проектирующий в гостевой зоне так называемый ГиперКуб – многофункциональный общественный центр, который призван стать первым инновационным зданием «Сколково» (см. *i+U* № 1), обратился к присутствующим с явно риторическим вопросом: «Можно ли считать подобную архитектуру экоустойчивой?» Разгорелась дискуссия. Архитектурный критик Григорий Ревзин заявил, что построить одновременно и купол, и «Скалу» невозможно, поскольку на все вместе элементарно не хватит денег, добавив к этому, что купол не просто дорог, но еще и абсолютно нефункционален – весь функционал оттянула на себя «Скала». Председатель совета Жан Пистр подхватил тему с нефункциональностью купола, заявив, что он «слишком пустой вну-

Члены жюри открытого конкурса на жилую застройку в зоне технопарка после заседания. Слева направо: главный архитектор «Сколково» Анна Тургенева, председатель Градостроительного совета Фонда «Сколково» и сокуратор зоны технопарка Жан Пистр, директор зон технопарка и университета Гари Вентворт

три», и высказал сомнения по поводу реализуемости проекта.

Впрочем, окончательное решение о судьбе двух знаковых объектов иннограда примут первые лица государства. По информации, поступающей из окружения Дмитрия Медведева, президент благосклонно относится к обоим проектам.

На панели

In the panel: December 9th, organized and supported by The Skolkovo Foundation, the discussion entitled 'Cities competing for human capital' took place at the Swissotel Red Hills as a part of Moscow Urban Forum

9 декабря в рамках Московского урбанистического форума, проходившего в конференц-центре гостиницы «Swissotel Красные холмы», состоялся круглый стол на тему «Города в конкуренции за человеческий капитал: развитие центров образования, науки и инноваций», организованный при поддержке Фонда «Сколково».

К участию были приглашены специалисты из самых разных областей: гендиректор инвестиционного агентства «Париж – Экономическая столица» Кьяра Корацца, партнер голландской архитектурно-градостроительной фирмы KСАР (в России известна во многом благодаря проекту мастер-плана Перми) Хендрик ван ден Борн, директор темы «Городская культура» Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»

Михаэль Шиндхельм, руководитель департамента науки, промышленной политики и предпринимательства города Москвы Алексей Комиссаров, а также старший советник Ernst & Young Уильям Хатчинсон. Последний был модератором дискуссии.

Мероприятие началось, как и полагается, со вступительной речи модератора. Первым делом господин Хатчинсон обратил внимание присутствующих на стоящие по бокам от сцены телеэкраны, на которых крутилась динамичная 3D-анимация иннограда «Сколково», выполненная архитектурным бюро SPEECH. Он произнес ряд хвалебных слов в адрес проекта иннограда и авторов анимации, после чего поочередно представил публике выступающих и вкратце рассказал о тематике дискуссии. Как создать город, привлекательный для проживания и работы представителей креативного класса – ученых, инноваторов, предпринимателей? По мнению Хатчинсона, идеальный город – это город, где «встречаются Джейн Джекобс и Роберт Мозес». Джейн Джекобс – канадско-американская писательница и социальная активистка, одна из родоначальниц движения нового урбанизма, ярый критик модернистского градостроительства. Ее знаменитая книга «Смерть и жизнь больших американских городов» в прошлом году вышла на русском языке. Роберт Мозес – крупный американский градостроитель, с 1946 по 1960 годы занимавший пост координатора строительства Нью-Йорка. За это время Мозес успел перестроить половину города, главным образом за счет сноса громадного количества старых зданий. Джекобс и Мозес никогда не встречались лицом к лицу, но активно полемизировали заочно. Посыл господина Хатчинсона очевиден: открытая дискуссия – единственный путь к достижению позитивного результата в таком серьезном деле, как планирование города.

Кьяра Корацца, выступавшая следом, поведала об устройстве инновационных центров в Парижском регионе, добавив от себя, что французский опыт в создании

подобных центров может оказаться полезен Фонду «Сколково». Михаэль Шиндхельм говорил преимущественно о своей деятельности в качестве директора исследовательской темы «Городская культура» в Институте медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». Тема посвящена проблеме переосвоения общественных пространств Москвы. По мнению Шиндхельма, ключ к успешному развитию города – в грамотном использовании этих самых пространств, которое выражается, к примеру, в крайне необходимом Москве упорядочивании парковки автотранспорта. Хендрик ван ден Борн рассказывал о комфортном городе... в основном на примере градостроительных проектов KСАР. Алексей Комиссаров, выступавший последним, показал проект «инновационной улицы». В ближайшем будущем столичное правительство планирует реконструировать одну из московских автодорог с применением новейших технологий – вдоль трассы установят светофоры, работающие от солнечной энергии, а пешеходные переходы оборудуют специальными стойками, которые будут создавать на пути водителей визуальную преграду в виде лазерной стены в момент движения пешеходов по зебре. Кто эта «счастливица», Комиссаров не сказал. На поступивший из аудитории вопрос, почему бы не реновировать всю дорожную сеть, господин Комиссаров ответил: «Были бы деньги».

Русские включаются в игру
Russians step in into the game: December 16th, a meeting of the jury of an open competition for the housing development of the technopark (D2), a part of Skolkovo Innovation Centre, took place in the DNK Hall of the Central House of Artist in Moscow

16 декабря в Центральном доме художника в Москве состоялось заседание жюри открытого конкурса на жилую застройку в зоне технопарка (D2) Инновационного центра «Сколково». Было отобрано 30 архитекторов для участия во втором, заключительном туре.

Старший советник Ernst & Young Уильям Хатчинсон мысленно сводит Джейн Джекобс с Робертом Мозесом

Круг № 1 «Архитектурная группа ДНК», Георгий Снежкин, «Проектная группа А2»
Круг № 2 ООО «Портнер», Игорь Наширин
Круг № 3 «Атриум», «Архи-до»
Круг № 4 Алексей Яблонов, Алексей Невзоров, ПТАМ Михаила Хазанова

Круг № 5 Дмитрий Буш, Никита Богачкин, «Паритет Поволжья», TOTEM/PAPER
Круг № 6 Евгений Жабров, Павел Никишин, Архитектурно-художественные мастерские Величина и Голованова, Saltans Architects International Ltd. (США) + Jaeger and Partner Architects Ltd. (Германия)

Круг № 7 Борис Крутин, Алексей Сорокин, Валентин Олейник, «А-Б Студия»
Круг № 9 Михаил Белов, БРТ РУС
Круг № 10 Виталий Ананченко, «Гинзбург архитекторс»
Круг № 11 Антони-Эммануэль Бешю (Франция), «АМ-Ю-ЭН-КЕЙ проджект», Артем Стаборовский, ООО «АБ Сергея Скуратова»

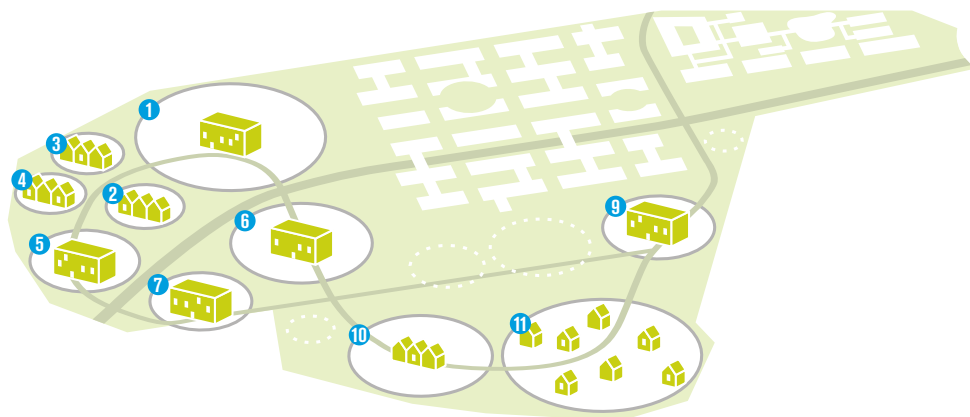

Схема распределения участков между финалистами конкурса на жилую застройку в зоне технопарка. Рисунок Александра Коробова

Жюри, в состав которого вошли куратор зоны технопарка и председатель Градостроительного совета «Сколково» Жан Пистр (он возглавил жюри и имел право вето), сити-менеджер «Сколково» Виктор Маслаков, вице-президент Союза архитекторов России Алексей Бавыкин, сокуратор зоны технопарка Мохсен Мостафави, архитектурный критик Григорий Ревзин, главный архитектор «Сколково» Анна Тургенева, а также директор зон университета и технопарка Гари Вентворт, заседали чуть ли не весь день. И это не удивительно: на конкурс было подано 337 проектов. Кроме того, общий уровень представленного материала, по словам Ревзина, в разы превысил ожидания – это здорово усложнило выбор.

В финал попали как москвичи, так и архитекторы из российских регионов, как мэтры – Дмитрий Буш, Михаил Белов, Михаил Хазанов, так и молодые архитекторы – Никита Богачкин, Алексей Невзоров, Артем Стаборовский. Есть среди победителей и иностранцы: француз Антони-Эммануэль Бешю, возглавляющий бюро АААВ, а также консорциум в составе американского бюро Saltans Architects International и транснациональной корпорации Jaeger and Partner Architects. Григорий Ревзин, инициировавший проведение конкурса, настаивал на том, чтобы иностранцы к участию не допускались, мол, русские и так напряжены из-за того, что им не дали участвовать в конкурсе на мастер-план «Сколково» (см. ПР60), пусть поконкурируют друг с другом и покажут, на что они действительно способны. И вроде бы к Ревзину прислушались, во всяком случае, пиарился конкурс как национальный. Однако иностранцы о нем все равно прознали и прислали проекты. Взвесив все за и против, организаторы решили не выкидывать их из конкурса.

Конкурс проводился по трем номинациям: многоквартирный дом, таунхаус, односемейный коттедж. Под каждую типологию был выделен конкретный участок. Напомним, жилье в зоне технопарка собрано в десять круглых «островков» разного диаметра, которые свободно рас-

средоточены вдоль линии главного бульвара. Каждый из таких «островков» имеет свой особый идентификационный номер. В первом туре выбор был ограничен тремя участками: круг № 1 диаметром 216 м, находящийся к западу от бульвара, отдален под многоквартирные дома, круг № 6 диаметром 166 м и круг № 11 диаметром 236 м, расположенные к востоку от бульвара, – под таунхаусы и коттеджи соответственно. Изначально подразумевалось, что один конкурсант может выиграть сразу в двух, а то и в трех номинациях, и многие выполнили несколько проектов в надежде одержать верх и там, и там. (На конкурс поступило 163 проекта многоквартирных домов, 116 проектов таунхаусов и 58 проектов коттеджей. При этом в конкурсе приняли участие 132 физических лица и 109 юридических лиц, то есть проектов было в 1,4 раза больше, чем самих участников.) Но за несколько дней до сдачи этот пункт был вычеркнут из условий. В итоге во второй тур прошло 17 многоквартирных домов, 9 таунхаусов и 4 коттеджа, и у каждого проекта свой автор.

22 декабря Фонд «Сколково» провел для финалистов ознакомительный семинар, в ходе которого представитель Фонда Наилия Бородин и координатор конкурса из Института «Стрелка» Ольга Хохлова поведали об условиях второго тура. На этот раз на разработку дали все десять участков. Конкурсантов разбили на соответствующее количество групп численностью от двух до четырех команд (см. схему) и попросили подготовить к назначенной на 2 февраля сдаче восемь планшетов в масштабе 1:100. Правда, в результате дискуссии, последовавшей за выступлением Бородиной и Хохловой, архитекторам пообещали сократить требуемый объем подачи материала до четырех планшетов в масштабе 1:200.

Итоги конкурса будут подведены 17 февраля. О проектах победителей читайте в следующем номере *i+U*.

Часть целого

Part of the whole: December 27th, the Federation Council of Russia approved of the borders, within which Moscow would be extended: by July 1st, 2012, the area of Russian capital will increase by 148,000 ha (from 107,000 to 255,000 ha), that is it will become 2,4 times larger

27 декабря Совет Федерации утвердил границы расширения Москвы – 1 июля 2012 года площадь российской столицы увеличится на 148 тыс. га (со 107 до 255 тыс.), то есть в 2,4 раза. Три недели ранее, 7 декабря, в рамках очередного заседания Московской областной думы было принято постановление «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью». В тот же день на заседание собралась и Московская городская дума. Столичные депутаты тоже голосовали по вопросу изменения границ Москвы и тоже все приняли.

Напомним предысторию. 17 июня президент Дмитрий Медведев, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, предложил пересмотреть границы Москвы и создать «столичный федеральный округ», выходящий за пределы города. Как сказал в ходе того выступления глава государства, это позволит «улучшить развитие московского мегаполиса» и «облегчит жизнь огромному количеству людей». 1 июля президент поручил мэру Москвы Сергею Собянину и губернатору Московской области Борису Громову подготовить предложение по изменению границ российской столицы. На исполнение поручения им было отпущено всего девять дней. И они исполнили. И вот, менее чем полгода спустя, идея президента обрела оформленный, и даже более того, узаконенный вид.

Антон Яковенко, генеральный директор «ОДАС Сколково»
Включение «Сколково» в состав Москвы позволит синхронизировать действия по развитию инфраструктуры: дорог, общественного транспорта и др., а также сулит значительную экономию за счет использования московских коммунальных сетей. Для нас это логичное развитие проекта, так как всегда было очевидно, что «Сколково» – это не вещь в себе

Елена Петрова

Москве отойдут территории к юго-западу от столицы, расположенные в секторе между Минским и Симферопольским шоссе (семь поселений, относящихся к Ленинскому району Подмоскovie, пять поселений, входящих в Нарофоминский район, семь поселений Подольского района, городские округа Троицк и Щербинка), а также территория Инновационного центра «Сколково», часть Одинцовского и Красногорского районов.

Наш корреспондент обратился за комментарием по поводу включения «Сколково» в состав Большой Москвы к Антону Яковенко – генеральному директору ООО «Объединенная дирекция по управлению активами и сервисами Центра разработки и коммерциализации новых технологий (инновационного центра «Сколково»)». На вопрос о том, как данное решение может повлиять на развитие проекта иннограда, господин Яковенко ответил следующее: «Прогноз оптимистичный, поскольку включение «Сколково» в состав Москвы позволит синхронизировать действия по развитию инфраструктуры: дорог, общественного транспорта и др., а также сулит значительную экономию за счет использования московских коммунальных сетей. Для нас это логичное развитие проекта, так как всегда было очевидно, что «Сколково» – это не вещь в себе. Уникальная исследовательская, образовательная и деловая инфраструктура, которая создается в «Сколково» по принципу хорошего соседства, неизбежно будет притягивать людей, и не только из области, но и жителей мегаполиса. Уже сегодня решение начать работы по строительству «Сколково» ускорило реализацию таких важных для москвичей проектов, как Северо-западная хорда и модернизация Минского шоссе».

В мае 2010 года был основан Фонд «Сколково», призванный создать одноименный Центр инноваций – построить нашу «Кремниевую долину» и обеспечить ее эффективное функционирование. Возглавил Фонд известный бизнесмен и общественный деятель, президент группы компаний «Ренова» Виктор Вексельберг, интервью с которым опубликовано в предыдущем номере *i+U*. Первым приказом по Фонду стало утверждение участка в подмосковном Сколково в качестве площадки для строительства иннограда, вторым – назначение Виктора Викторовича Маслакова на должность № 1 – сити-менеджера Центра инноваций.

Виктор Маслаков: Мы стремимся обеспечить архитекторам максимальную свободу творчества

В сферу профессиональной компетенции Виктора Маслакова вошло все, что связано с созданием нового городского организма: проектирование, строительство и обеспечение жизнедеятельности зданий, дорожной сети, общественных пространств и инженерных систем. Надо возвести более 1,6 млн кв. м площадей различного назначения и благоустроить территорию площадью около 400 га с целью создания комфортной среды, способной привлечь в «Сколково» продвинутые умы со всей России, а также из-за рубежа. Для архитекторов, инженеров и строителей сегодня Маслаков – один из главных заказчиков в стране. Достаточно только сказать, что инициированный Фондом открытый конкурс на проекты жилых кварталов иннограда собрал более пятисот заявок. Число беспрецедентное в истории отечественной архитектуры. Более того, Маслаков – один из немногих заказчиков, кто имеет дело со столь внушительным количеством архитектурных знаменитостей. Напомним, что концепции кластеров иннограда разрабатывают три притцкеровских лауреата (Кадзуо Сейджима, Пьер де Мерон, Рем Колхаас), а также такие авторитетные мастера, как Дэвид Чипперфилд, Стефано Боери, Сергей Чобан и Юрий Григорян.

Кто же этот человек, который руководит оркестром архитектурных виртуозов, который вовлек в процесс проектирования нового города специалистов со всей страны? В начале беседы мы попросили Виктора Викторовича Маслакова немного рассказать о себе.

В конце 1980-х годов я получил образование в Уральском университете по специальности «История партии». Очень хорошее образование. Оно формировало управленцев для политических структур с широким кругом знаний в сфере истории, экономики, юриспруденции. В процессе учебы я углубленно занимался историей развития городов. Уже с той поры вопросы создания и развития поселений стали для меня основополагающими. Буквально через несколько месяцев после окончания Университета я поступил на работу в одну из районных администраций Екатеринбурга, тогда еще Свердловска. Район насчитывал 300 тыс. жителей. Это был 1991 год. Я стал заместителем Главы района, занимался организационной работой, то есть, как сказали бы сейчас, менеджментом территории. В 1995 году перешел на работу в Управление пенсионного фонда по Свердловской области. Вел персонализацию и учет граждан, что позволило лучше понять, как строятся информационные потоки. Тогда же начал заниматься исследованиями так называемой экономической безопасности территорий. Защитил кандидатскую, потом докторскую – на примере регионов Свердловска, Челябинска, Новосибирска. Чтобы написать полноценную докторскую в 1998 году целиком ушел в науку – в течение двух лет работал в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН. Там мы создали обособленное подразделение, которое

занималось системным анализом поселений. Провели несколько конкурсов среди научных институтов на разработку концепций развития территорий. Это позволило в итоге собрать вполне приличный материал для того, чтобы написать стратегический план развития Екатеринбурга. Далее я уже старался воплотить этот план в жизнь, занимая на рубеже девяностых и «нулевых» годов должность председателя комитета по экономике администрации Екатеринбурга. В городе был очень сильный мэр – Аркадий Михайлович Чернецкий, который эту тему понял и поддержал. Воспоминания об администрации Екатеринбурга, той команде, в которой мне довелось работать, – очень позитивные. Многие и сейчас там трудятся, то есть налицо преемственность, город развивается. В 2001–2004 гг. я работал в правительстве Свердловской области, занимался земельной реформой, сделками с недвижимостью, вопросами территориального планирования и организации строительства, а затем принял предложение Виктора Феликсовича Вексельберга перейти в девелоперский бизнес для реализации крупного проекта комплексного освоения территории – создания нового района Екатеринбурга, названного «Академическим». Когда мы запускали этот проект, только профессионалы с большим опытом помнили, что есть такой термин «комплексное освоение территории». Из российского законодательства данное понятие выпало. Нам пришлось провести большую работу, чтобы восстановить эту терминологию, создать механизм частно-государственного партнерства в сфере девелопмента. «Академический» – пример того, что этот механизм работает. Район рассчитан на 325 тыс. жителей, он занимает площадь 1200 гектаров. Проект живет седьмой год. На сегодня мы построили 800 тыс. кв. м жилья. В районе уже проживает около 20 тыс. человек. Темпа мы не теряем, в прошлом году сдали 270 тыс. «квадратов», в этом – 200 тыс., в следующем планируем тоже 200 тыс.

Вы продолжаете участвовать в проекте?

Я остался акционером компании «Ренова-СтройГруп», но в операционном управлении уже не участвую. Работаю только в совете директоров. Занимаюсь стратегическими вопросами, не трата времени на операционный менеджмент. Механизмы функционирования нашей бизнес-структуры хорошо отработаны, поэтому постоянного участия и не требуется. Основное мое время уходит на «Сколково».

Как вы восприняли предложение стать сити-менеджером «Сколково» – долго колебались или сразу включились в работу?

Сначала был разговор с Владиславом Сурковым и Виктором Вексельбергом о том, что есть

The Skolkovo Foundation was set up in May 2010, tasked with creating the Centre for Innovation. The first directive issued with regard to the Foundation was the confirmation that a plot of land at Skolkovo, outside Moscow, was to be used as the site of the innovation centre. The second was the appointment of Viktor Maslakov to the post of City Manager for Skolkovo.

Viktor Maslakov: It's our aim to give architects designing for Skolkovo as much creative freedom as possible

Viktor Maslakov's responsibilities include everything that concerns the creation of the new urban organism: architectural design and planning; and the construction and running of buildings, streets, public and green spaces, and the transport and engineering systems. More than 1.6 million m² of buildings with different functions must be built, and an area of land approximately 400 ha in size must be landscaped in order to create a comfortable and interesting habitat that will be capable of drawing to Skolkovo some of the best minds in all Russia, as well as from other countries. For architects, engineers, and builders Maslakov today is in effect one of the most important clients in Russia. It is sufficient to say that the open competition held by the Skolkovo Foundation for design proposals for the new town's residential districts (see p. 5–6) attracted more than 500 entries, a number which is without precedent in Russian architecture. Furthermore, Maslakov is one of the few clients to deal with so many architectural celebrities. You will recall that the concepts for the 'clusters' at Skolkovo are being developed by three Pritzker Prize winners (Kazuyo Sejima, Pierre de Meuron, and Rem Koolhaas), as well as by respected architects David Chipperfield, Stefano Boeri, Sergei Tchoban, and Yuri Grigoryan.

So who is this man who conducts an orchestra of architectural virtuosi and who has engaged specialists from all over the country – from Kaliningrad to Vladivostok and from Surgut to Krasnodar – to take part in planning the new town? At the beginning of our conversation we asked Viktor Maslakov to say a few words about himself.

Could you tell us how you came to be involved in the Skolkovo project? Did you have doubts of any kind before you took on this job?

At the end of the 1980s I was a student at the Urals University, specializing in 'History of the Party'. This was a unique field of study which prepared people to work as managers in political structures. For instance, one of the subjects studied was the history of the programme; this taught you the skills needed to draw up strategic-development plans, and it involved 400 hours of study. The history of the charter involved 450 hours. This was a very good education. It produced specialists with extensive knowledge in history, economics, and law. During my time at the university I studied the history of the development of cities in depth. And even back then, issues to do with creating and developing settlements took on a fundamental significance for me. Then, literally a few months after graduating from university, I started working for one of the district administrations in Yekaterinburg, which was then still called Sverdlovsk. The district had 300,000 residents. That was in 1991. I became deputy to the head of the district, was involved in organizing things – in other words, I was, as we'd say now, manager for the area. In 1995 I moved to the Office for the Pension Fund in Sverdlovsk Region, where I was responsible for recording numbers of citizens – in order to get a better idea of how flows of information work. It was at that time that I began studying so-called 'local economic security'. I wrote a candidate's thesis, then a doctoral one – on the regions of Sverdlovsk, Chelyabinsk, and Novosibirsk. In order to write my doctoral thesis properly, in 1998 I gave myself up

people

задача построить новый инновационный город и есть вызовы, заключающиеся в том, что его надо создавать в кооперации с лучшими архитекторами и строителями. Следует признать, что мы имеем богатейший опыт строительства городов. Однако этот опыт относится главным образом к советскому времени. Налицо поколенческий разрыв между людьми, воплощавшими в жизнь советские «большие проекты», и менеджерами, призванными управлять подобными проектами в наши дни. Я оказался одним из немногих, кто на данный момент имеет опыт работы по созданию у нас в стране новых городов. Полагаю, что сейчас в России дееспособных специалистов с подобным опытом наберется всего пять–шесть человек. Успешность «Академического», наверное, была одной из главных причин, почему меня позвали заниматься «Сколково».

Колебания были?

Конечно. Проект ведь очень публичный – вся жизнь на виду. Работать в бизнесе проще: больше свободы, меньше оглядки на общество, деньги ведь частные и, соответственно, частные риски. Здесь же ты рискуешь государственными, то есть общественными деньгами и общественным доверием. Это и психологический пресс, и иная манера поведения. Ты встраиваешься в административную систему, делаешься гораздо более зависимым от слаженной работы всех ее частей. Так что колебания были.

А чем отличается сити-менеджер «Сколково» от сити-менеджера других городов, жизнь которых не регулируется особым федеральным законом?

Проблемы взаимодействия территории с ее пространственным и социальным окружением одинаковы для всех. Рядом со «Сколково» есть поселения, недалеко располагается Москва, и, как любому сити-менеджеру, мне приходится постоянно коммуницировать с их руководством, согласовывать те или иные шаги. Это обычная ситуация. К тому же на данный момент появилось уже довольно много участников проекта «Сколково», которые имеют конкретные потребности. Удовлетворение этих потребностей, их учет в процессе развития территории – тоже обычная менеджеральная задача.

Однако у сити-менеджеров существующих городов есть масса проблем, которых у нас нет. Эти проблемы во многом связаны с тем, что «социальная композиция» обжитых территорий подразумевает наличие больших групп населения, ответственность за которых ложится на власть: пенсионеров, инвалидов, бюджетников и проч. В этом плане мы находимся в выигрыше. Население у нас в основном активное. Причем активное не только в экономическом смысле, но и с точки зрения участия в формировании и совершенствовании своей жизненной среды. Намного эффективнее работать с людьми, которые активны, с которыми возможен диалог. Второй важный момент – мы создаем территорию с нуля. К сожалению, по многим причинам наши российские города не способны привлечь приток глобально и прогрессивно мыслящих людей, высококлассных специалистов, имеющих международную репутацию и опыт. Мы же просто обязаны сделать это, а, следовательно, обязаны учитывать самые последние наработки в сфере урбанистики, а также те значительные изменения, которые наблюдаются сейчас в системе потребления и образе жизни. Посмотрите, как у нас в России поменялся баланс времени за последние 20 лет. Если в 1990 году люди в среднем работали около 2100 часов в год, то сегодня – только 1800. У людей освобождается время, и его нужно занимать. Кто должен этим заниматься? В первую

очередь сити-менеджер и его команда. В отличие от других российских городов у нас собрана международная команда разных по культуре и профессиональному опыту людей, которые хорошо понимают ожидания современного образованного горожанина и представляют себе, что нужно сделать, чтобы создать адекватную этим ожиданиям среду. То есть у нас есть и понимание, как это делать, и все условия для воплощения наших планов в жизнь.

Важной особенностью «Сколково» является то, что это один из приоритетных госпроектов. Каким образом строится система управления им?

«Сколково» вписывается в определенную традицию государственных «больших проектов». Проведя индустриализацию, Советский Союз совершил громадный технологический прорыв. Несмотря на значительные социальные издержки, индустриализация принесла огромную пользу, помогла сформировать новые формы производства и адекватную для них структуру общества. Сегодня мы тоже ощущаем определенный вызов. Хорошо себя чувствуя в энергетической сфере, мы существенно отстаем в том секторе экономики, который является самым доходным и перспективным. Я имею в виду новые технологии. Это отставание началось еще в 1980-е годы, когда наша экономика перешла на путь экстенсивного развития, и количественные показатели стали безраздельно превалировать над качественными. Переход к рынку еще более усугубил ситуацию – в ходе приватизации были разорваны связи между производством и наукой. Не стало экономических субъектов, которые бы обеспечили создание и внедрение новых технологий. «Сколково» фактически является флагманом процесса, призванным исправить ситуацию. Речь идет о новой организационно-производственной форме, которую можно было бы назвать инновационным парком или даже скорее – инновационным городом. Чем отличается парк от города? В парке просто работают, а в городе еще и живут. Как раз «Сколково» – это инновационный город-парк. Хотелось бы, чтобы таких «сколковых» было больше. Однако пока руководители государства, которые выступили инициаторами проекта, хотя бы посмотрели, как это будет работать, а затем уже принимать решения о дальнейшем распространении полученного опыта.

Теперь о системе управления проектом. Эта система не может быть жестко иерархической. Здесь мы опять возвращаемся к отличию «Сколково» от флагманских советских проектов. У нас флагманский проект начала XXI века, основанный на новых технологиях. Здесь происходит сплав научного творчества, бизнеса и производства. Творческими людьми невозможно управлять в приказном порядке. Надо выстраивать горизонтальную, так называемую матричную структуру, основанную на равноправном взаимодействии различных рабочих групп. В Фонде, конечно, присутствует иерархия – правовая и финансовая, но все решения принимаются в режиме равноправного диалога. Следует отметить, что у Виктора Феликсовича Вексельберга очень развита способность сплавлять разных людей: собрать вместе представителей различных культур и дисциплин и создать им такие условия, чтобы вместе они работали максимально эффективно. Поначалу для меня этот творческий неиерархический режим работы был в новинку, ведь раньше я в основном трудился на госслужбе и на стройке, а там жесткая структура, почти как в армии. Впрочем, потихоньку привыкаю.

people

to academe completely and worked for two years at the Institute of History and Archaeology at the Urals Branch of the Russian Academy of Science. There we created a separate sub-department specializing in systemic analysis of settlements. We held several competitions among research institutes for concepts for development of areas. This made it possible in the end to put together some good-quality material to use as a basis for a strategic development plan for Yekaterinburg. Subsequently, I tried to put this plan into practice. At the turn of the 1990s I was Chairman of the Economics Committee at the Administration of Yekaterinburg. And I could say that I've been lucky. Yekaterinburg had a very strong mayor, Arkady Chernetsky, who had a good understanding of these ideas and supported them. My memories of the Yekaterinburg administration and of the team with whom I worked are very happy. Many members of this team continue to work there to this day, so there is good continuity and the city is developing. In 2001–2004 I worked in the government of Sverdlovskaya Region. My job involved land reform, real-estate deals, and issues to do with territorial planning and construction. Subsequently, I accepted Viktor Vekselberg's offer of a job in the development business, on a large 'systematic development' project involving the creation of a new district for Yekaterinburg – the Akademia District. The district is designed to have 325,000 residents and occupies 1200 hectares. To date, we have built 800,000 m² of housing, and there are already around 20,000 residents. Nor are we losing speed. Last year, we completed another 270,000 m². This year we've built another 200,000. And next year we shall also complete 200,000.

What was your reaction when you were asked to become City Manager at Skolkovo? Did you hesitate for long, or did you immediately get down to work?

To begin with, I met Vladislav Surkov and Viktor Vekselberg. We talked about the task of building a new innovative town and the challenges involved in building it in cooperation with the best architects and builders. It has to be said that we have a great deal of experience in building towns and cities. However, this is mainly experience from Soviet times. There is a clear generational gap between the people who carried out the 'grand projects' under Soviet rule and managers who are called upon to manage similar projects in our own times. We have a situation in which I'm one of the few who currently have experience in creating new towns in our country. I imagine that right now you would be hard pressed to find more than five or six effective specialists with experience of this kind. The success of Akademia District was probably one of the main reasons why I was asked to get involved with Skolkovo.

An important feature of Skolkovo is that it is a high-priority state project. How is it managed?

As for the system for managing the project, this system cannot be rigidly hierarchical. Here we again come back to what makes Skolkovo different from flagship Soviet production projects. What we have here is a flagship project for the beginning of the 21st century, based on new technology. Here there is a mix of scientific creativity, business, and production. You cannot manage creative people by ordering them around. You have to construct a horizontal or so-called matrix structure based on equitable interaction between different working groups. The Skolkovo Foundation, of course, possesses a certain hierarchy – both financial and legal – but all decisions are taken as part of an equitable dialogue. It should be noted that Viktor Vekselberg has a talent for joining up different people – for bringing together representatives of different cultures and disciplines and creating conditions in which they can work together to greatest effect. To begin with, this creative, non-hierarchical way of working was something new for me – given that previously I had mainly worked for the state or on building projects, where there is a rigid structure, almost like in the army. But I'm gradually getting used to it now.

“**Насколько целесообразно применять разные правила? Целесообразность в одном – в разнообразии. Важно понимать одно: «Сколково» – это пилотный проект. А раз так, здесь надо экспериментировать, пробовать, работать с разными системами норм и правил, смотреть, как они приживаются на нашей почве. «Сколково» – это испытательный полигон. Вот принципиальная особенность нашего проекта.**”

В перерыве между заседаниями: Виктор Маслаков и ответственный секретарь Градостроительного совета Фонда «Сколково» Илья Петрасов. Фото Елены Петуховой

Многих интересует вопрос применения в «Сколково» различных технических регламентов. В посвященном иннограду федеральном законе (244-ФЗ) сказано, что проектирование и строительство могут вестись здесь не только по российским, но и по иностранным нормам – нормам стран ОЭСР. Как избежать путаницы в этом вопросе?

Я убежден, что путаницы не возникнет. Процесс проектирования и строительства всегда опирается на жесткие правила. Но речь должна идти не о применении каких-то единичных, выхваченных из контекста нормативов, а о применении *системы правил*. К этому вопросу мы подходим комплексно. Если, скажем, во Франции или в другой стране ОЭСР существует набор нормативов, набор регламентов, набор режимов, которые позволяют архитектору проектировать, то и у нас в «Сколково» он будет работать, применяя весь этот корпус норм и правил.

Значит ли это, что, например, один дом может быть спроектирован и построен по английским нормативам, а соседний по французским?

Запросто. Мы стремимся обеспечить архитекторам максимальную свободу творчества. А уже наша задача как управленцев проверять, насколько их решения целесообразны, хорошо ли они совмещаются друг с другом. Это наша компетенция. Мы выстраиваем четкую систему экспертиз, которые позволяют принимать обоснованные решения, исходя из нормативов, опыта и сложившейся практики. И я не согласен с мнением о том, что применение различных систем норм и правил ведет только к бардаку. Считаю, что это мнение ошибочно и сформировано, исходя из отсутствия соответствующего опыта работы.

Насколько целесообразно применять разные правила? Целесообразность в одном – в раз-

нообразии. Есть несколько уровней технологического развития проектирования и строительства. Самый высокий уровень сегодня – это Америка и Китай. Но в Америке подход более системный, основанный на передовых экологических стандартах. В Совет по «зеленому» строительству (US Green Building Council) там входят 150 тыс. компаний, которые проектируют, производят и строят, опираясь на «зеленые» технологии. Второй уровень – это Европа. Но в Европе мало нового строительства, там в основном перестраивают старые здания и к вопросам, связанным с экологией строительства, относятся более спокойно. Третий уровень – это мы. У нас «зеленые» технологии в зачаточном состоянии – в основном потому, что пока нет запроса рынка. Для того чтобы он появился, надо показать пример.

Говоря о нормах и правилах, важно понимать одно: «Сколково» – это пилотный проект. А раз так, здесь надо экспериментировать, пробовать, работать с разными системами правил, смотреть, как они приживаются на нашей почве. «Сколково» – это испытательный полигон. Вот принципиальная особенность нашего проекта.

Российские планировщики и архитекторы нередко критикуют мастер-план «Сколково», созданный компанией AREP. И не только за то, что к работе не были допущены отечественные специалисты, но и за то, что, по мнению, в частности, президента Союза архитекторов России Андрея Бокова, предлагаемое решение несколько не инновационно. Начну с того, что выбор AREP был очень публичным. Приглашения на конкурс публиковались в СМИ, заявки принимались в течение трех месяцев. В итоге мы получили 28 досье, и только три из них были от российских

The federal law on Skolkovo (244-FZ) states that planning and construction work may be carried out here in accordance with not just Russian, but also foreign standards – the standards of the OECD. This theoretically means that in producing projects for Skolkovo Japanese architects, say, can follow Japanese standards, Americans American standards, and Europeans European standards. How can a muddle be avoided?

I am convinced that there will be no muddle. The planning and construction process always depends on rigid rules. But we should be talking about the use not of certain single rules taken out of context, but of the use of a system of rules. We take a systematic approach to this question. If, say, in France or any other OECD country there is a set of standards, a set of regulations, of regimes which allow architects to design, then at Skolkovo they will work using this entire body of rules and standards.

Does this mean that you'll have, for instance, one building designed and built in accordance with English regulations and the next-door building designed in accordance with French regulations? Quite possibly. It's our aim to give architects designing for Skolkovo as much creative freedom as possible. And it is our task as managers and people in charge of the process of design and construction at Skolkovo to check to what extent their designs are expedient and whether they go well with one another. This is our responsibility. We are constructing a very precise system of assessments that will generate well-founded decisions on the basis of the standards and regulations, experience, and established practice. And I do not agree when people say that using different systems of standards and rules leads only to chaos. I think this opinion to be mistaken, and I think it's based on a lack of the relevant experience.

So, when we talk about rules and standards, it's important to understand one thing: Skolkovo is a pilot project. And since that is the case, it is necessary to experiment, try things out, work with different systems of rules, and see how they fare in Russian conditions. Skolkovo is a testing ground. This is what's special about our project.

You say 'innovation', 'experiment', 'testing ground', but Russian planners and architects often criticize AREP's master plan for Skolkovo. And not just because Russian specialists were given no part in this work, but also because, in the opinion of Andrey Bokov, President of the Union of Architects of Russia, the proposed plan is not innovative in any way at all. First of all, I want to say that the choice of AREP was very public. Invitations to take part in the competition were published in the media, and applications were accepted over the course of three months. In the end, we received 28 portfolios, and only three of them were from Russian firms. The second important thing is that in selecting participants for the competition, the main criterion we employed was international experience. You will recall that companies from various different countries (France, England, America) were selected, and they are all global players. In Russia, on the other hand, we have very few companies that operate in a number of different markets. In fact, I know no more than five of them. For instance, the firm of Sergei Tchoban, who began his career in Germany and continues to work there with great success to this day.

As for the innovativeness of the plan, today innovativeness in urban design focuses not on the shape of the city, but on mechanisms governing its functioning as a social and spatial whole or, to use a different terminology, as a hub situated at the intersection of material and non-material flows. We specialists understand that there is three-dimensional design and there is linear design. What innovation is there in drawing a cube, cylinder, or bubble – or making a road straight or serpentine?! The innovativeness of AREP's plan is in that it allows us to work in a flexible manner. The town is divided into a number of separate clusters, and this allows us to structure the construction process

- 1) Юрий Григорян, руководитель бюро «Проект Меганом» / Yury Grigoryan, director of Project Meganom
- 2) Мохсен Мостафави, декан Гарвардской школы дизайна / Mohsen Mostafavi, Dean of the Harvard Graduate School of Design
- 3) Давор Попович, архитектор Boeri Architetti / Davor Popovic, architect at Boeri Architetti
- 4) Жан-Мари Дютйоль, президент AREP / Jean-Marie Duthilleul, President of AREP

- 5) Михаил Блинкин, научный руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства / Mikhail Blinkin, scientific adviser at the Research Institute for Transport and Road Infrastructure
- 6) Сергей Чобан, руководитель бюро SPEECH / Sergei Tschoban, partner at SPEECH
- 7) Виктор Маслаков, сити-менеджер «Сколково» / Viktor Maslakov, City Manager of Skolkovo

- 8) Вениамин Голубицкий, президент компании «Ренова СтройГруп» / Veniamin Golubitsky, President of Renova StroyGroup
- 9) Алексей Муратов, главный редактор *i+u* / Alexei Muratov, editor-in Chief *i+u*

- 10) Валери Поли, архитектор Valode & Pistre / Valérie Poli, architect at Valode & Pistre
- 11) Жан Пистр, руководитель Valode & Pistre / Jean Pistre, partner at Valode & Pistre
- 12) Этьен Трико, генеральный директор AREP / Etienne Tricaud, director of AREP
- 13) Борис Бернаскони, руководитель бюро BERNASKONI / Boris Bernaskoni, director, Bureau BERNASKONI
- 14) Антон Яковенко, руководитель Дирекции по управлению проектом «Городские коммуникации и гостевые зоны» Фонда «Сколково» / Anton Yakovenko, Head of the Managing Board for 'City services and guest zones' at the Skolkovo Foundation

- 15) Мишель Девинь, ландшафтный архитектор / Michel Desvigne, landscape architect
- 16) Клод Мезонье, заместитель генерального директора SETEC / Claude Maisonnier, deputy CEO at SETEC
- 17) Аарон Бетски, директор Центра современного искусства в Цинциннати (США) / Aaron Betsky, director of the Cincinnati Art Museum (USA)
- 18) Андреас Гейм, директор по международному развитию AREP / Andreas Heym, director, International Development at AREP
- 19) Стефано Боери, руководитель Boeri Architetti / Stefano Boeri, head of Boeri Architetti

- 20) Джон Мунт, вице-президент Шведского института по изучению окружающей среды / John Munthe, Vice-President of the Swedish Environmental Research Institute
- 21) Кадзуо Сейджима, руководитель бюро SANAA / Kazuyo Sejima, head of SANAA
- 22) Марина Дунаева, директор российского представительства Valode & Pistre / Marina Dunaeva, Head of Russian office of Valode & Pistre
- 23) Олег Алесеев, вице-президент Фонда «Сколково» / Oleg Alekseev, Vice-President of the Skolkovo Foundation

- 24) Джемал Сурманидзе, ведущий специалист Фонда «Сколково» по профессиональным коммуникациям / Jemal Surmanidze, expert in professional communication at the Skolkovo Foundation
- 25) Ольга Большанина, архитектор Herzog & de Meuron / Olga Bolshanina, architect at Herzog & de Meuron
- 26) Пьер де Мерон, руководитель бюро Herzog & de Meuron / Pierre de Meuron, Partner, Herzog & de Meuron
- 27) Александр Кудрявцев, президент РААСН / Alexander Kudryavtsev, President of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

- 28) Дэвид Чипперфилд, руководитель David Chipperfield Architects / David Chipperfield, Head of David Chipperfield Architects
- 29) Александр Шварц, архитектор David Chipperfield Architects / Alexander Schwarz, architect at David Chipperfield Architects
- 30) Александр Лаптев, директор департамента Фонда «Сколково» по регулированию и развитию территорий / Alexander Laptev, Director of of Department for the Regulation and Development of Territories at the Skolkovo Foundation
- 31) Йохан Станберг, научный сотрудник Шведского института по изучению окружающей среды / Johan Standberg, research consultant of the Swedish Environmental Research Institute

Виктор Маслаков с командой специалистов, занятых в процессе проектирования иннограда. Фото Сирила Заннеттачи

компаний. Второй существенный момент. Отбирая участников конкурса, во главу угла был поставлен международный опыт. Отобраны были компании из разных стран – французские, английские, американские, и все они являются игроками в глобальном масштабе. У нас же в России очень мало компаний, работающих на нескольких рынках. Я знаю таковых не более пяти. Это, например, бюро Сергея Чобана, который начинал свою карьеру в Германии и успешно там работает и по сей день.

Второй момент. Говорят, дескать, российских проектировщиков не позвали. Это не так. Ведь многие компании, которые заявили на конкурс, привлекали наших специалистов – и архитекторов, и инженеров. Речь шла о многонациональных командах с активным российским участием. Ошибочно говорить, что там не было россиян.

Теперь об инновационности решения. Сегодня инновационность в урбанистике фокусируется не на форме города, а на механизмах его функционирования как социально-пространственного целого или, если рассуждать в другой терминологии, как узла, расположенного на пересечении материальных и нематериальных потоков. Есть объемное проектирование, и есть линейное планирование. Что вы будете рисовать куб, цилиндр или пузырь, что вы будете делать дорогу прямой или змейкой – экая инновационность! Инновационность мастер-плана компании AREP состоит в гибкости решения. Город разделен на несколько обособленных кластеров, что позволяет эффективно структурировать процесс строительства по очередям. С одной стороны, поселение четко разделено на части, с другой – каждая такая часть является самодостаточной, то есть

строительство каждого фрагмента уже дает более-менее завершенную картину, и у жителей не возникает ощущения того, что они все время находятся на стройке. Именно поэтому мы выбрали AREP. Они нашли гибкую структуру, и для нас это было инновационно.

Почему же тогда AREP не дали делать проекты планировок кластеров?

Проект планировки – это контракт, который попадает под наше положение о закупках. Выбор контрагента осуществлялся в режиме открытого конкурса. AREP в нем не участвовал. Они решили ограничиться авторским надзором. И в общем-то я их понимаю. Для того чтобы делать планировочные чертежи в тысячном масштабе с совершенно иным уровнем детализации, необходимо иметь мощную базу в России.

Когда мы отбирали компанию, которая взяла бы на себя подготовку проектов планировок, то выдвинули три основных критерия. Во-первых, наличие опыта координации работы различных международных бюро, ведь на данный момент концепции кластеров иннограда разрабатывают восемь мастерских из разных стран – так называемые архитекторы-кураторы. Во-вторых – наличие опыта проектирования и в России, и за рубежом. И наконец – наличие кадрового состава, позволяющего выполнить эту работу качественно и оперативно. В итоге победил тандем российской компании SPEECH Чобан/Кузнецов и шведской Sweco. Вместе они обладают таким опытом и таким набором профессиональных компетенций, что конкурсной комиссии просто было некуда деваться, кроме того, чтобы сказать: да, это оптимальный вариант. Напомню,

with great precision into a number of different phases. On the one hand, the town is precisely divided into different parts; on the other, each such part is self-sufficient, i.e. each part, when built, is itself a more or less complete picture, and residents will not have the feeling that they are all the time living on a building site. This was why we chose AREP. They hit upon a flexible structure, and for us this was innovative.

Why then was AREP not given the chance to do the layout plans for the clusters?

A layout plan involves a contract which is subject to the Russian law on procurements. Contractors were chosen by means of an open competition, and AREP did not take part. They decided to confine themselves to monitoring the realization of the overall idea of their master plan. That is their right, and in general I can understand them. In order to produce plans at a scale of 1:1000 and with a completely different level of detail you need a powerful local office and strong local partners in Russia.

When we were selecting a company to handle preparation of the layout projects for Skolkovo, we set three criteria. First, the company should have experience in coordinating work by different international firms of architects, given that at the present moment the concepts for Skolkovo's clusters are being developed by eight firms from different countries (the so-called 'curators'). Secondly, the company should have already designed projects both in Russia and abroad. And finally, it should have sufficient and sufficiently qualified employees to be able to carry out this work to a high standard and in good time. Victory went to a partnership between the Russian company SPEECH Tchoban/Kuznetsov and Sweco of Sweden. Together, these two firms possess so much experience and such a wealth of professional competence that the competition jury simply had no choice but to say, "Yes, there could be no better option."

people

что Sweco участвовала в конкурсе на мастер-план и еще тогда продемонстрировала безупречный профессионализм в инженерно-технической сфере. Более того, Sweco купила несколько проектных институтов в Петербурге, то есть она участвует в процессе передачи знаний и технологий нашим специалистам.

Часто возникает вопрос по поводу «кураторов» отдельных зон: почему Фонд выбрал именно эту обойму архитекторов?

Выбор архитекторов не был простым. Во главу угла ставились не только профессиональный опыт и наличие дееспособных команд, но и присутствие ярких творческих лидеров, способных мыслить глобально и имеющих международное признание. Мы также исходили из того, что в этих бюро должны работать россияне. И практически у всех кураторов так оно и есть. Яркий пример – Ольга Большанина, сибирячка из Томска, работающая в бюро Herzog & de Meuron и являющаяся главным архитектором проекта университета «Сколково». Хороший русский филиал имеется у Valode & Pistre. К тому же в двух зонах нам удалось создать связи российских кураторов с зарубежными: Юрий Григорян работает со Стефано Боери, а Сергей Чобан с Дэвидом Чипперфилдом. Главное – наша архитектура постепенно становится международной. Есть наши специалисты, которые успешно трудятся в международных архитектурных бюро, есть международные компании, которые локализуются на нашем рынке, есть российские мастерские, которые начинают выходить на глобальный уровень. Надеюсь, что тенденция интернационализации нашей архитектуры в дальнейшем будет только усиливаться.

Фонд сейчас проводит открытый конкурс на жилые кварталы в зоне технопарка, который позиционируется как главным образом российский. Не тревожит ли вас как заказчика отсутствие в конкурсе западных проектировщиков, опыт которых в сфере проектирования массового жилья гораздо обширнее, чем у их российских коллег? Мы хотели провести конкурс именно среди российского архитектурного сообщества. У нас была цель достучаться до него, и мы ее достигли. Мы хотели привлечь разных архитекторов: от опытных компаний с ярко выраженным почерком до молодых, которые только начинают свой путь. Предполагая, что опыт у наших победителей будет разным, мы договорились между собой, что в зависимости от их профессионализма определим им объем работ. С молодыми мы остановимся на архитектурном эскизе и договоримся о том, что затем они будут вести авторский надзор. С более опытными бюро будем договариваться о разработке всех основных разделов проекта.

На данный момент вы, наверное, являетесь российским заказчиком с самым широким кругом контактов в архитектурной среде. Замечаете ли вы отличия между нашими и иностранными архитекторами?

Большой разницы не ощущаю. Было бы желание. Когда есть мотивация, работают все одинаково. Нет мотивации, глаза не горят – качества нет. В последние годы Россия выступает заказчиком очень крупных проектов, таких как АТЭС, Олимпиада в Сочи, Универсиада в Казани, «Сколково». Россия становится крупным игроком на архитектурном рынке, а это, в свою очередь, должно подразумевать двустороннее движение: чтобы не только международные компании шли к нам, но и наши архитектур-

ные бюро шли за границу – хотя бы в Индию, Китай. И становились глобальными игроками с офисами в разных странах, где работают представители разных национальностей и разных культур, наделенные пониманием того, какая архитектура требуется современному обществу и как нужно создавать такую архитектуру.

Вы неоднократно общались с руководством Союза архитекторов России. Каково ваше впечатление об этой организации?

Много в юности работал в комсомоле и понимаю, что без определенного организующего начала сложно. Должна быть площадка, где можно встречаться и разговаривать с коллегами. Я побывал в трех Союзах: Московском, Питерском и Уральском. Везде есть люди, которые готовы к позитиву. У кого «стакан всегда наполовину полон». Но и скептиков тоже хватает. Мы стараемся вести диалог, не скажу, что картина идеальная – менталитет медленно меняется. А должен бы, наверное, быстрее. Нашим архитекторам стоит переориентироваться на более реалистичные проекты. Они должны стремиться к конкурентоспособности в условиях нормального рынка, в которых, скажем честно, крупные столичные проектные институты никогда не работали. И надо понимать, что заказы на уникальные объекты, которые создают образ архитектора, всегда единичны. У нас в «Сколково» нет задачи сделать каждый дом иконой. У нас задача сделать каждый дом эстетичным, комфортным и эргономичным. Мы не строим по цене 100 тыс. рублей за квадратный метр, мы хотим уложиться в гораздо меньшую сумму.

Интервью подготовили Алексей Муратов и Ирина Зельцман

“Россия становится крупным игроком на архитектурном рынке, а это, в свою очередь, должно подразумевать двустороннее движение: чтобы не только международные компании шли к нам, но и наши архитектурные бюро шли за границу. И становились глобальными игроками с офисами в разных странах, где работают представители разных национальностей и разных культур.”

Елена Петухова/Elena Petukhova

People often ask with respect to the 'curators' of the particular zones: Why did the Skolkovo Foundation choose precisely these architects, and what were the criteria in making this choice?

Choosing the architects was no easy matter. The most important things for us were not just professional experience and the possession of an effective team, but also possession of creative leaders who have flair, are capable of thinking globally, and enjoy international recognition. We also insisted that these firms of architects should have Russians working for them. And that is so in the case of almost all our curators. A good example is Olga Bolshanina, who is from Tomsk in Siberia, and works for Herzog & de Meuron and is principal architect for the Skolkovo University project. Valode & Pistre also have a good Russian office. Furthermore, in two zones we managed to create links between Russian and foreign curators. Yury Grigoryan is working with Stefano Boeri and Sergei Tchoban with David Chipperfield. The main thing is that Russian architecture is gradually becoming international.

At the present moment you must be the Russian client with the most extensive circle of contacts in the architectural community – and, moreover, among both foreign and Russian architects. Do you notice any differences between architects from Russia and abroad? Whom do you find it easier and more pleasant to work with?

I'm not aware of any big difference. The main thing is having the will. When there's the right motivation, then everyone works just as well as each other. But if there's no motivation, no fire in people's eyes, then you just won't get the quality you need. Russia right now is a fairly interesting market. In the last few years it has commissioned some very large projects – such as APEC, the Olympics in Sochi, the Universiada in Kazan, and Skolkovo. Russia is becoming a major player when it comes to commissioning architecture, and this, in its turn, should involve a two-way development: it's not just international companies that should come to us, but also our architecture firms that should go abroad – even if only to India or China. And they should become global firms with offices in different countries – offices staffed by people from different countries and different cultures and with an understanding of what kind of architecture is needed by modern society and how such architecture should be created.

You have had a number of meetings with the heads of the Union of Architects of Russia and its president, Andrey Bokov. What is your impression of this organization?

A good one. As a young man, I worked a lot for the Komsomol and I am well aware that without a certain amount of organization things can be very difficult. I have visited three unions of architects – in Moscow, St Petersburg, and the Urals. Everywhere, there are people who are ready to be positive. People for whom the glass is always 'half full'. But there are plenty of sceptics as well. We are trying to get a dialogue going. I can't say that everything is perfect: people's mentality is slow to change (it should be faster, I suppose). Our architects have to switch to more realistic and well-balanced projects. They must strive to be competitive in a normal free market – in conditions in which the planning institutes in Moscow have never worked before. And you have to understand that commissions to design unique buildings – buildings which have the power to make an architect's image – are few and far between. Our task at Skolkovo is not to make an icon out of each building. Our task is to make each building aesthetic, comfortable, and ergonomic. We're not building at a cost of 100,000 rubles per square metre; we want to fit into a much smaller budget.

Титаны празднуют свободу

С момента завершения работ над мастер-планом инновационного центра «Сколково» прошло чуть больше полугода (см. *i+U* № 1). За указанный период градостроительная схема французской компании AREP Ville претерпела ряд изменений. Инициаторами произошедших трансформаций стали архитекторы, приглашенные Фондом «Сколково» к разработке планировочных и объемно-пространственных решений пяти территориальных зон (кластеров) иннограда, – так называемые кураторы.

Итак, что же поменялось?

Во-первых, почти отовсюду исчезла сетка кварталов, формировавшая ткань города. В расположенной на северо-восточной границе иннограда зоне смешанного использования D4, которую проектируют Юрий Григорян и Стефано Боери, а также в примыкающей к ней с запада университетской зоне D3, которой занимаются Жак Херцог и Пьер де Мерон, систему кварталов сменила строчная застройка. В проекте зоны технопарка D2, выполненном бюро Valode & Pistre совместно с деканом Высшей школы дизайна Гарвардского университета Мохсеном Мостафави, сетка уступила место круглым в периметре скоплениям жилой застройки, дисперсно рассредоточенным вдоль линии городского бульвара ❶. Комплексы технопарка и университета, которые у AREP были разбиты на корпуса, кураторы решили как мегаструктуры. Бюро OMA и SANAA, выбранные в качестве проектировщиков гостевой зоны Z1, которая размещается у главного въезда в инноград, вообще отказались от какой бы то ни было регулярности. На территории площадью 20 га, находящейся на изломе бульвара, Рем Колхаас и Рейнир де Грааф (OMA) предложили создать пейзажный парк со свободно раскиданными зданиями-скульптурами различных функций – от культурно-развлекательной до жилой. Кадзуо Сейджима (SANAA), которой досталась территория между железнодорожной станцией Трехгорка и бульваром, накрыла свой участок стеклянным куполом-полусферой высотой 130 м. Под куполом разбит зимний сад, в котором плавают смотровая башня, пункт розничной торговли, рынок, а также несколько кафе и выставочных центров. Первоначальный характер застройки сохранен лишь в проекте, выполненном бюро SPEECH Сергея Чобана и Сергея Кузнецова совместно с Дэвидом Чипперфилдом. Эти архитекторы являются кураторами зоны смешанного использования D1 в юго-западной оконечности «Сколково». В проекции сверху их кластер представляет собой прямоугольные кварталы с периметральной застройкой средней этажности, сгруппированные вокруг бульвара и в некоторых случаях разделенные небольшими площадями (от 3 до 10 тыс. кв. м).

Во-вторых, более чем в три раза сократилась протяженность пассажа, который, дублируя бульвар, пронизывал инноград с запада на северо-восток и соединял зону технопарка с зоной смешанного использования D4. Пассаж – в том виде, в котором он присутствовал в проекте AREP, где его длина составляла 2,3 км, – играл важную социально-коммуникативную и градоформирующую роль. Будучи центром торговли и развлечений, он одновременно служил альтернативой пешеходному движению по бульвару – функция

немаловажная, если учесть, что длина бульвара составляет порядка пяти километров. Сейчас от пассажа остался лишь тот отрезок, который пролегает через зону технопарка: это крытый променад шириной 30 м, образуемый корпусами технопарка – прямоугольными объемами 350 м в длину, расположенными параллельно друг другу. Прямо древнеримский военный лагерь, разве что покрупнее масштабом. По какой причине пассаж так укоротился? Его участь решилась в тот момент, когда кураторам зон D2, Z1, D3 и D4 пришла мысль избавиться от квартального деления и уменьшить количество отдельно стоящих зданий в центральной части иннограда путем создания нескольких мегаструктур. Уход от планировочной конфигурации AREP в сторону строчной и дисперсной схем привел к увеличению расстояний между объектами, концентрирующимися вокруг гостевой зоны, и в то же время к снижению пешеходной проницаемости территорий к востоку оттуда (количество перекрестков существенно уменьшилось, улицы стали длиннее). В результате идея пассажа-дублера утратила жизнеспособность. Впрочем, следует заметить, что пешее перемещение из технопарка в зону D4 и обратно в обход бульвара по-прежнему возможно. В уровне первого этажа университетского здания Херцог и де Мерон запроектировали цепь внутренних дворов, обеспечивающих сквозной проход через комплекс. От западного и восточного фасадов университета отходят остекленные галереи шириной 7,5 м, примыкающие к бульвару и соединяющие комплекс с куполом SANAA и торговым центром в южной части зоны D4. Пассаж технопарка, в свою очередь, также подсоединен к куполу крытым наземным переходом. Таким образом, возникает пешеходная связка «пассаж технопарка – купол – университетские дворы – торговый центр в зоне D4», объединяющая ключевые объекты иннограда.

Изменения, внесенные в градостроительную схему AREP, коснулись главным образом пешеходной инфраструктуры и общего характера застройки. Транспортный скелет города остался практически нетронутым – территория по-прежнему разделена на кластеры. Правда, если принять во внимание тот факт, что «Сколково» позиционируется как город для пешеходов, перечисленные метаморфозы представляются весьма существенными. Как будет ощущать себя пешеход, перемещаясь по центральной части иннограда? Впереди – полуторакилометровый отрезок бульвара. По сторонам, словно могучие титаны, вырвавшиеся из недр Тартара, – университет Херцога и де Мерона 700-метровой длины, купол Сейджимы диаметром 250 м и спроектированный ею же гостиничный комплекс не менее 200 м в охвате, многофункциональный комплекс «Скала» Колхааса и де Граафа 100-метровой высоты, продолговатые корпуса технопарка Валода, Пистра и Мостафави, уходящие вдаль стройными рядами... Причем расстояние между упомянутыми объектами варьируется от 50 до 400 м. (Для сравнения – размер Красной площади 330 на 70 м.) Да, кому-то предстоит провести не одну неделю в мучительных раздумьях о том, как связать все эти громады воедино. И этим кем-то, скорее всего, будет ландшафтный архитектор Мишель Девинь, чье бюро задействовано в проектировании иннограда.

Что сказать? Звездным архитекторам, талантливым и амбициозным, дали абсолютную свободу. И они воспользовались ею сполна.

Titans celebrating their freedom

A little more than six months has passed since work on the master plan for the Skolkovo Centre for Innovation came to an end (see *i+U* No. 1). Over this period the layout proposed by French company AREP Ville has undergone a number of changes initiated by the architects ('curators') engaged by the Skolkovo Foundation to design the site plans and architecture for Skolkovo's five zones (clusters). So what has changed?

Almost everywhere the grid of street blocks making up the town's tissue has disappeared. In D4, the mixed-use zone on the north-eastern border of the town, which is being planned by Yuriy Grigoryan and Stefano Boeri, and likewise in D3, the area which lies immediately to the west of D4 and which is being planned by Jacques Herzog and Pierre de Meuron, the system of street blocks has been replaced by a 'line' pattern. In the plans for D2, the Technopark area being planned by Valode & Pistre together with Mohsen Mostafavi, Dean of the Harvard Graduate School of Design, street blocks have been replaced by circular aggregations of linear development scattered along the line of the town's boulevard. ❶ The Technopark and university complexes, which in AREP's master plan were broken up into individual blocks, here take the form of megastructures. OMA and SANAA, who were chosen to design Z1, the visitors' area at the main entrance to Skolkovo, have renounced regularity altogether. On this 20-hectare area situated at the kink in the boulevard Rem Koolhaas and Reinier de Graaf (OMA) propose creating a landscape park with scattered sculptural buildings serving a variety of functions (ranging from residential to cultural and entertainment). Kazuyo Sejima (SANAA), who was allocated the area between Trekhgorka Railway Station and the boulevard, has covered her site with a 130-metre-high glass semispherical dome. Under the dome is a winter garden containing a viewing tower, a shop, a market, and several cafes and exhibition centres. The original type of layout has been preserved only in the project by SPEECH (Sergei Tchoban and Sergey Kuznetsov) and David Chipperfield, the curators of the mixed-use zone D1 at the south-western tip of Skolkovo. Seen from above, their cluster consists of rectangular street blocks laid out in a perimeter pattern of mid-rise buildings and grouped around the boulevard; in some cases the blocks are divided by small public spaces ranging from 3000 to 10,000 m² in size.

The changes made to AREP's site layout have mainly concerned the pedestrian infrastructure and the general character of the development; the town's transport structure has remained almost untouched, with the site continuing to be divided into clusters as before. Admittedly, if we take into account the fact that Skolkovo is being promoted as a habitat for pedestrians, the above transformations are extremely significant. How will pedestrians walking about the town centre actually feel? In front of them is a 1.5 km long section of boulevard. To the sides, like mighty Titans who have broken out of the bowels of Tartarus, are the buildings of Herzog and de Meuron's 700-metre-long university, Sejima's 250-metre-diameter dome, and her hotel complex (whose perimeter is again not less than 200 metres), Koolhaas and de Graaf's 100-metre-high 'Rock' (mixed-use complex), the elongated blocks of Valode, Pistre and Mostafavi's Technopark disappearing into the distance in neat rows... And the distance between these structures varies from 50 to 400 metres (compare this with Red Square, which is 330 by 70 metres). Yes, someone is going to have to spend a considerable amount of time figuring out how to link all these enormous blocks together. And this someone will probably be landscape architect Michel Desvigne, whose firm has been appointed to work on Skolkovo's landscape.

What can we say? Talented and ambitious celebrity architects have been given absolute freedom. And they have used it to the maximum.

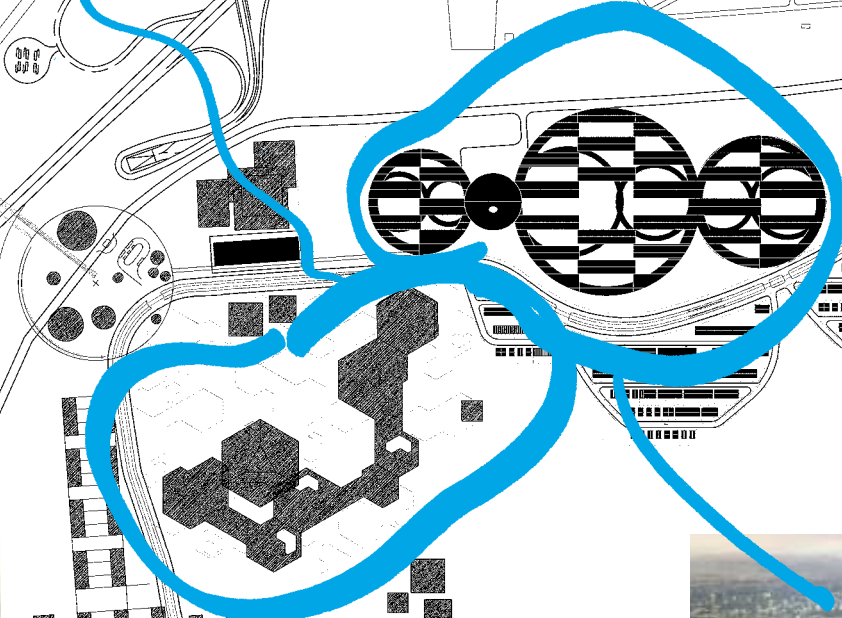

Вид гостевой зоны Z1 центра инноваций «Сколково». Кураторы зоны – бюро SANAA и OMA. Завершение строительства намечено на 2015 год

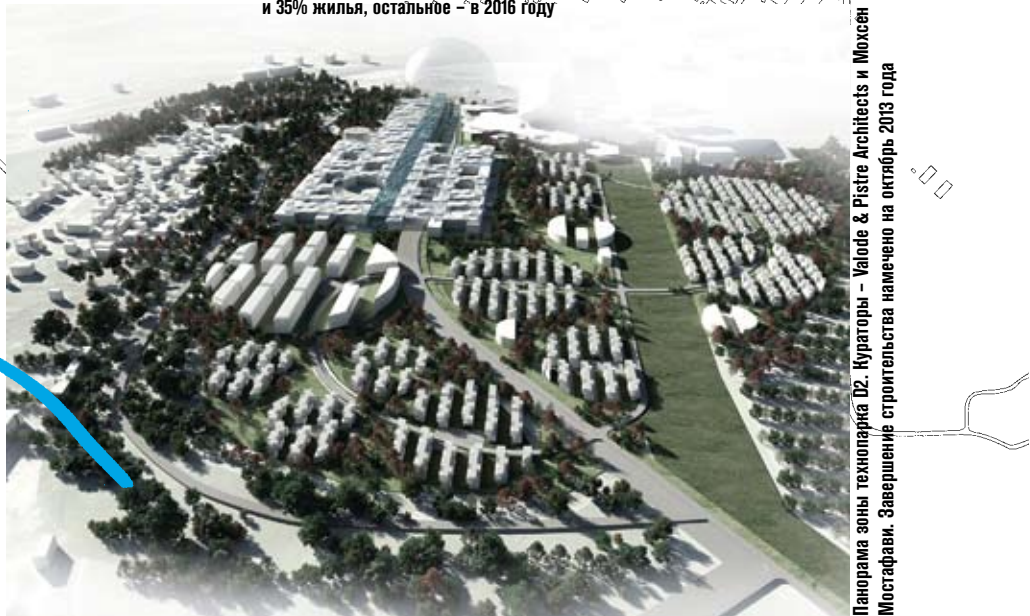
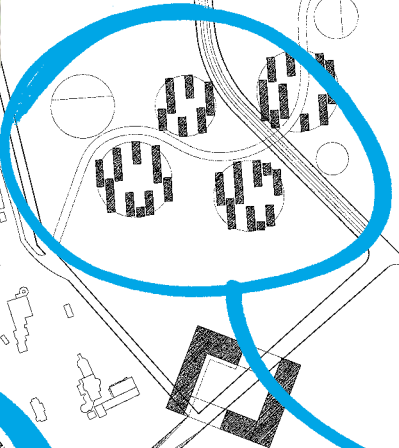
Вид зоны смешанного использования D4 в северо-восточной оконечности инновационного района. Кураторы – бюро «Проект Меганом» и Stefano Boeri Architetti. Завершение строительства намечено на 2017 год

Зона смешанного использования D1 в юго-западной оконечности инновационного района. Кураторы – бюро SPEECH Tchoban/Kuznetsov и David Chipperfield Architects. Завершение строительства намечено на май 2015 года

Вид университетской зоны D3. Кураторы – Herzog & de Meuron Architekten. Проект будет реализовываться в две стадии: к 2014 году будет построено 65% университетского комплекса и 35% жилья, остальное – в 2016 году

Панорама зоны технопарка D2. Кураторы – Valode & Pistre Architects и Мохсен Мосафаки. Завершение строительства намечено на октябрь 2013 года

Сергей Кузнецов

Дэвид Чипперфилд

Сергей Чобан

Для нас было важно создать регламент, в рамках которого разные архитекторы чувствовали бы себя относительно свободно, но который одновременно исключал бы вероятность потери исходной градостроительной идеи

Визуализация одной из площадей зоны смешанного использования D1, выполненная к заседанию Градостроительного совета «Сколково» 2 декабря 2011 года

Mixed use zone D1

Planned by SPEECH and David Chipperfield, Zone D1 occupies an area of 50 hectares and is situated in the south-western tip of Skolkovo. To the west, the site is bordered by the Minsk Highway; to the south, by Odintsovo District and the Mamonovo Garden Cooperative; to the east, by the village of Nemchinovka; and to the north, by the Technopark zone, transport and pedestrians links with which are by provided by the town's boulevard. The entrance to Zone D1 from the Technopark is flanked by hospital buildings with a total floor area of 60,000 m2. The plans envisage a slip road leading to Skolkovo town from the Minsk Highway ❶: this road will end in an underground car park for 650 vehicles situated under land which has been set aside for construction on the southern side of the boulevard. At the very edge of Skolkovo there is another slip road off the highway; this is likewise a dead end, leading to a car park for 1350 vehicles, which will serve Sberbank's IT Development Centre. Designed by David Chipperfield, the latter 65,000-m2 complex consists of six free-standing blocks forming some small open spaces leading to a ring route that fringes the site. (This project, however, has yet to be given final approval – which must come from German Gref, President of Sberbank). Next to Zone D1's south-west border are a school and kindergarten. The central part of the zone consists of a mix of 3-and 4-storey buildings arranged in a street-block pattern; these include houses, offices for post-start-ups ❷, and a cultural and entertainments centre. The zone has retail units concentrated around the boulevard.

masterplan

Зона смешанного использования D1

Зона D1, разработанная бюро SPEECH совместно с Дэвидом Чипперфилдом, охватывает площадь в 50 га и располагается в юго-западной оконечности «Сколково». С запада к участку примыкает Минское шоссе, на юге территория граничит с Одинцовским районом и садовым товариществом «Мамоново», на востоке – с деревней Немчиновка; севернее начинается зона технопарка, транспортную и пешеходную связь с которой обеспечивает городской бульвар. Въезд со стороны технопарка фланкируют корпуса госпиталя общей площадью 60 тыс. кв. м. Проект предполагает наличие съезда к иннограду с Минского шоссе ❶: дорога идет с запада на восток и упирается в подземную стоянку на 650 машиномест, которая занимает пространство под участками вдоль южной стороны бульвара. У самой границы «Сколково» от упомянутой дороги отходит тупиковое ответвление, ведущее к автостоянке на 1350 машиномест, которая будет обслуживать бизнес-парк и центр обработки данных Сбербанка. Комплекс Сбербанка площадью 65 тыс. кв. м, проектируемый Дэвидом Чипперфилдом, разделен на шесть прямоугольных корпусов, образующих небольшие, перетекающие друг в друга дворовые пространства. (Окончательный вариант еще не утвержден – решение за президентом банка Германом Грефом.) От Сбербанка тянется объездная трасса, огибающая северную, восточную и южную границы территории. У юго-западной границы D1 размещается школа с детским садом. Центральную часть зоны формирует смешанная 3- и 4-этажная квартальная застройка, включающая жилье, офисы постстартапов ❷, а также культурно-развлекательный центр. Торговые пункты сконцентрированы вокруг бульвара.

1 Под вопросом прокладка дороги от здания больницы к Сколковскому шоссе. / The new road linking the hospital and Skolkovo shosse is under discussion.

2 Компании с короткой историей операционной деятельности, вышедшие на стадию роста. / Young companies which have reached the growth stage.

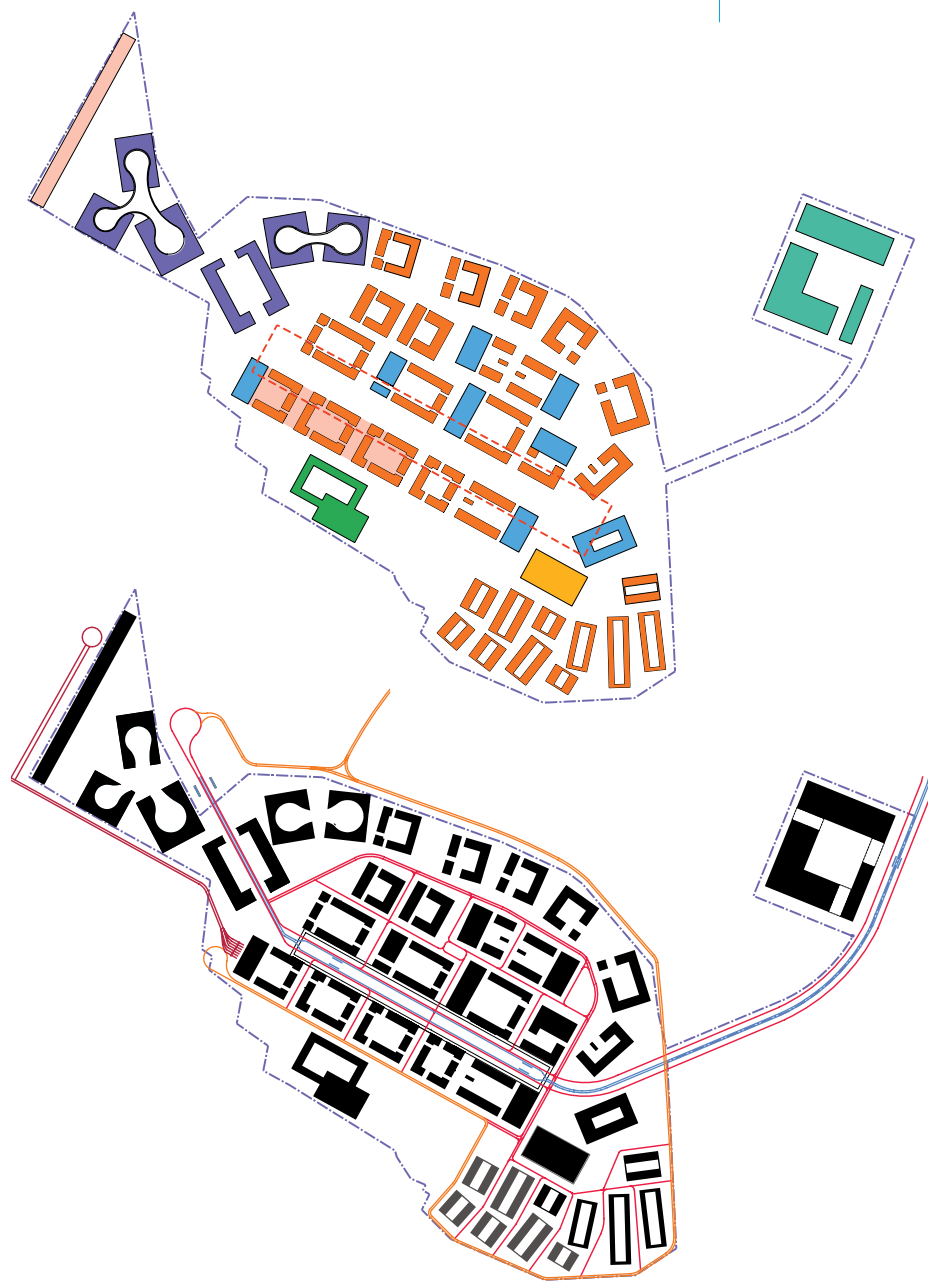

Схема функционального зонирования района D1

- Паркинги (1350 машиномест – Сбербанк, 650 машиномест – подземная стоянка под жилыми домами к югу от бульвара)
- Центр разработки IT-инфраструктуры «Сбербанка» (65 тыс. кв. м)
- Офисы постстартапов (65 тыс. кв. м)
- Жилье (172 тыс. кв. м)
- Школа с детским садом (22 тыс. кв. м)
- Госпиталь (60 тыс. кв. м)
- Культурно-развлекательный комплекс (6 тыс. кв. м)
- Торговые и сервисные пункты (7 тыс. кв. м)

Транспортная схема зоны D1

- Связь с Минским шоссе
- Внутрирайонная транспортная сеть
- Объездная трасса
- Путь движения общественного транспорта

Новый город – план

Жан Пистр

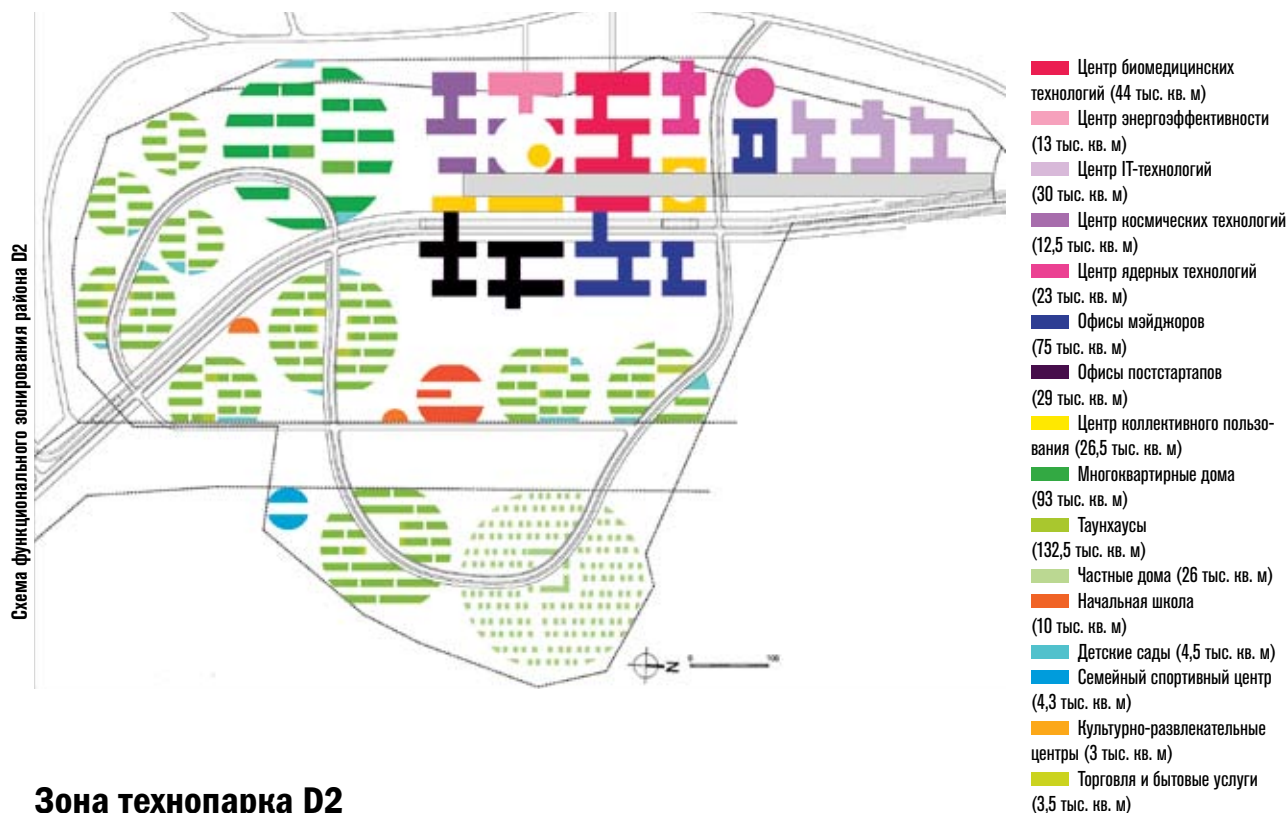

Дени Валод

Мохсен Мостафави

Разрабатывая концепцию зоны технопарка, мы в первую очередь отталкивались от ландшафта. Вместе с тем нам хотелось создать что-то наподобие нотного письма, где каждая строка – определенный набор звуков

Зона технопарка D2

Зона D2, проектируемая бюро Valode & Pistré совместно с деканом Гарвардской школы дизайна Мохсеном Мостафави, расположена между гостевой зоной Z1 и зоной смешанного использования D1. На востоке она граничит с деревней Сколково, на западе – с территорией усадьбы Мамоново, возведенной столетие назад. До недавнего времени усадьба принадлежала дому отдыха «Полет», сейчас здесь располагается штаб строительства иннограда.

Площадь зоны D2 составляет порядка 60 га. 25 процентов участка занимает комплекс самого технопарка – это около 146 тыс. кв. м. Технопарк находится в северной части зоны и захватывает 400-метровый отрезок бульвара, то есть главная артерия «Сколково» пролегает прямоком сквозь комплекс. Объем технопарка решен как четырехэтажная мегаструктура, состоящая из восьми корпусов длиной 350 м, вытянутых вдоль бульвара и соединенных несколькими надземными переходами. Между центральными корпусами технопарка проходит 750-метровый пассаж, соединяющий комплекс с куполом SANAA. Корпуса технопарка к востоку от бульвара архитекторы отвели под офисы мэйджоров ① и постстартапов, корпуса с противоположной стороны вмещают производственно-исследовательские центры пяти главных отраслевых кластеров ②, а также центр коллективного пользования. Вокруг здания технопарка рассредоточены скопления разнотипной жилой застройки ③, а также школа, детские сады и другие объекты социальной инфраструктуры. Упомянутые скопления соединяет автомобильная дорога, змеей обвивающая бульвар и пересекающая его в трех точках – на плане это похоже на осыпавшееся жемчужное ожерелье.

Technopark zone D2

Zone D2, which is being planned by Valode & Pistré in collaboration with Mohsen Mostafavi, Dean of Harvard Graduate School of Design, lies between Zone Z1 (Visitors' Zone) and Zone D1 (mixed-used zone). Its eastern side is bounded by the village of Skolkovo, and its western by the Mamonovo country house, which was built a century ago. Until recently, the latter house belonged to Polet House of Recreation; it now accommodates the headquarters for the Skolkovo construction project.

Zone D2 has an area of approximately 60 ha. 25% of the site is occupied by the Technopark itself, which has a floor area of approximately 146,000 m². The Technopark is in the northern part of the zone and includes a 400-metre section of the boulevard – which is to say that Skolkovo's main artery runs straight through the complex. The structure containing the Technopark is a four-storey mega-structure consisting of eight 350-metre-long blocks stretching along the boulevard and linked by several above-ground passages. Between the central blocks runs a 750-metre-long passageway linking the complex with SANAA's dome. The Technopark blocks to the east of the boulevard are to be allocated as office space for majors ① and post-start-ups, while the blocks on the opposite side are to accommodate manufacturing and research centres for Skolkovo's five clusters ② and a centre for collective use. Around the Technopark building there is a scattering of accumulations of residential buildings of different types, ③ as well as a school, sports centre, kindergartens, and other types of social infrastructure. These accumulations are linked by a road which winds in a serpentine fashion around the boulevard and intersects it in three places (seen on the plan, its shape resembles a necklace that has fallen to pieces).

1
Крупные рынокообразующие компании. / Large companies which have a formative influence on the market.

2
Биомедицинские технологии, энергоэффективность, IT-технологии, космические технологии, ядерные технологии. / Biomedicine, energy saving, IT, space technology, nuclear technology.

3
Проектировщики жилой застройки в зоне технопарка определяются по итогам проводимого в настоящее время открытого архитектурного конкурса (см. с. 5-6). / The choice of architects for residential buildings in the Technopark area is to be determined by the results of an international competition. At the present time, the second stage of this competition is underway; the results will be announced in the second half of February.

Генеральный план зоны технопарка D2. Пассаж, проходящий по оси технопарка, связывает комплекс с куполом SANAA в Гостевой зоне

Вид комплекса технопарка с вершины купола SANAA

Каэзуо Сейджима

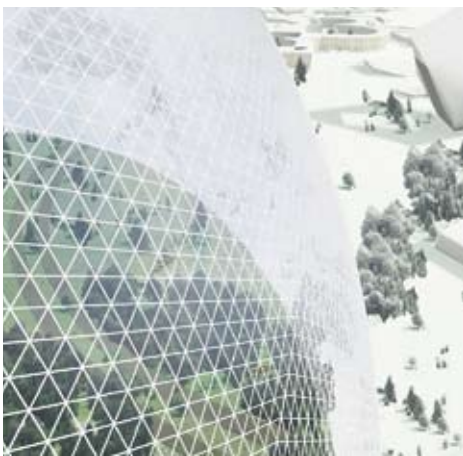
© SANAA

Купол бюро SANAA – главные «ворота» иннограда. Высокотехнологичная структура отсылает к Монреальской биосфере (бывший павильон США на ЭКСПО-67 в Канаде) Ричарда Бакинминстера Фуллера

Master plan

Guest zone Z1

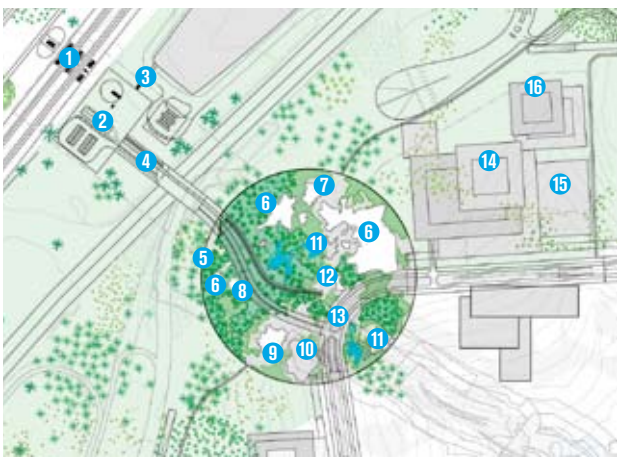
Zone Z1, which is being curated by SANAA and OMA, forms the central part of Skolkovo and occupies an area of approximately 30 hectares. The zone's north-western boundary abuts the Minsk Highway (on the other side of this main

© SANAA

Схема участка бюро SANAA в зоне Z1

1 Станция Трехгорка	6 Выставочные павильоны
2 Пассажирский зал с автобусной остановкой, стоянкой такси и пунктом проката электромобилей	7 Политехнический музей «Сколково»
3 Связь с проектируемым шопинг-моллом	8 Павильон для проведения воркшопов
4 Связь с бульваром и подкупольным пространством	9 Обзорная башня
5 Купол	10 Торговый павильон
	11 Рынок
	12 Парковые павильоны
	13 Инфоцентр
	14 Бульвар
	15 Мультибрендовая гостиница
	16 Арт-центр
	17 Офисы гостиничной администрации

© SANAA

Гостевая зона Z1

Зона Z1, курируемая бюро SANAA и OMA, формирует центральную часть «Сколково» и занимает площадь равную приблизительно 30 га. Северо-западная граница зоны прилегает к Минскому шоссе – с противоположной стороны магистрали располагается станция Трехгорка. На востоке территория соседствует с гольф-клубом, принадлежащим компании ООО «Глория» Романа Абрамовича. В юго-восточном направлении зону пересекает кривая бульвара, разграничивающая «подконтрольные» кураторам территории: Каэзуо Сейджиме (SANAA) достался участок к северо-западу от бульвара, участок к юго-востоку

от бульвара – за Ремом Колхаасом и Рейниром де Граафом (OMA). Близость зоны Z1 к станции Трехгорка и Минскому шоссе, а также ее местоположение относительно других районов «Сколково» позволяют говорить о ней как о крупнейшем коммуникационном хабе иннограда. Объемно-пространственное решение зоны, предложенное кураторами, под стать ее градоформирующей роли: стеклянный купол-полусфера бюро SANAA 1, стоящий прямо по оси вокзала Трехгорка, и многофункциональный комплекс «Скала» 2 бюро OMA, высящийся посреди живописного парка и как бы замыкающий эту ось, смотрятся более чем

road is Trekhgorka Station). The eastern part of the site adjoins a golf club which belongs to Roman Abramovich's OOO Gloriya. In the south-east the zone is crossed by a curving boulevard which forms a boundary between its different parts: Kazuyo Sejima (SANAA) is 'in charge' of the piece of land to the north-west of the boulevard, while the area to the south-east is under the control of Rem Koolhaas and Reinier de Graaf (OMA).

The architectural solution for the Visitors' Area proposed by the curators is in keeping with its place in Skolkovo's layout: SANAA's glass semispherical dome, 1 which stands directly on the axis leading from Trekhgorka Station, and The Rock, OMA's mixed-use complex, 2 which rises up in the middle of a picturesque park and closes off this axis, look very impressive – both together and when seen separately. The dome is linked to the station by two bridges – one for pedestrians and cyclists, the other for public and rented transport. For those who arrive at Skolkovo in their own cars there is an underground car park for 5700 vehicles, the entrance to which is directly from the highway. OMA's Rock includes an apartment hotel, a cinema, shops, restaurants, and an art gallery. The building's core is hollow, in the form of a 65 x 65 x 65 metre atrium. The Rock is surrounded by a hotel and congress hall, 3 an apartment complex, 4 a theatre, 5 and a one-level gallery space which is intended for various public functions and consists of an intricate combination of hexagonal and rectangular modules. The precise locations of the above structures by OMA have yet to be determined.

Елена Петухова/Elena Petuhova

© OMA

Схема озеленения территории гостевой зоны Z1. В центральной части парка, спроектированного бюро OMA, находится искусственный водоем

Рем Колхаас

Рейнир де Грааф

Мы хотели создать здание-символ. Для этого мы объединили большую часть (около двух третей) предусматриваемых техзаданием площадей в один объем

1 Диаметр – 250 м, высота – 126,5 м. / Diameter: 250 m; height: 126.5 m.

2 Здание имеет форму усеченного параллелепипеда, опирающегося на угловую часть. Его высота – 100 м. Общая площадь составляет примерно 180 тыс. кв. м. / This building is a truncated parallelepiped resting on its corner. Height: 100 m. Total floor area; approximately 180,000 m².

3 Пятиэтажное здание высотой 18 м и общей площадью 10,5 тыс. кв. м. / A five-storey building; height: 18 m; floor area: 10,500 m².

4 Восмизэтажное здание высотой 24 м и общей площадью 40 тыс. кв. м. / An eight-storey building. Height: 24 m; floor area: 40,000 m².

5 Четырехэтажное здание высотой 35 м и общей площадью 15 тыс. кв. м. / A four-storey building. Height: 35 m; floor area: 15,000 m².

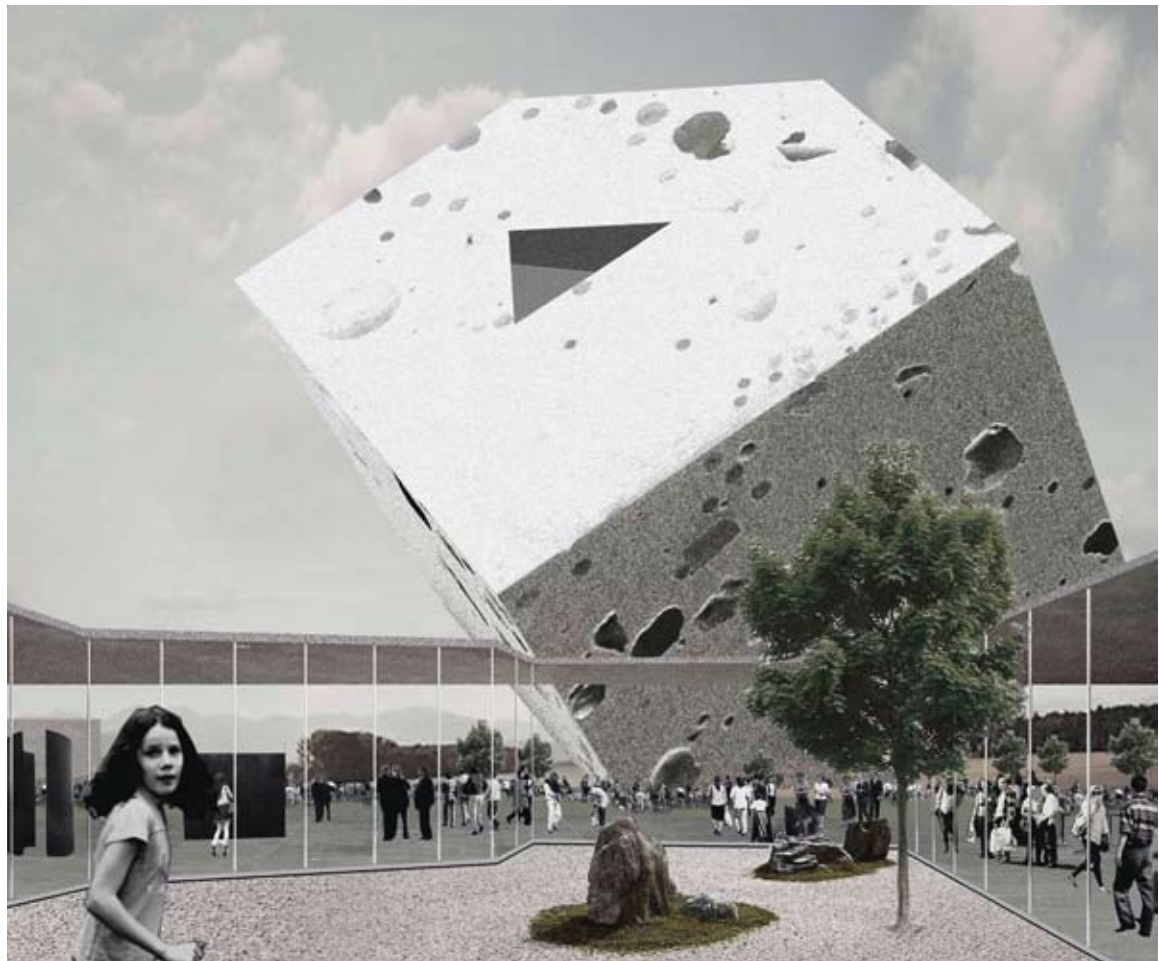
эффектно – как вместе, так и по отдельности. С вокзалом купол связывают два моста: один для пешеходов и велосипедистов, второй – для автотранспорта. Для людей, приезжающих на собственных автомобилях, предусмотрена подземная автостоянка на 5700 машиномест, въезд на которую осуществляется прямо с магистрали. Рядом с куполом японцы запроектировали гостиницу. Многофункциональный комплекс «Скала» бюро ОМА включает апартаменты, кинотеатр, магазины, рестораны и художественную галерею. Сердцевина объема поляя – внутри комплекса расположен много-светный атриум 65 x 65 x 65 м. «Скалу» окружают: гостиница с конгресс-холлом ③, комплекс апартаментов ④, театр ⑤, а также одноуровневое галерейное пространство для различных общественных нужд, в плане представляющее собой замысловатую комбинацию из шести-угольных и прямоугольных модулей. Точное место размещения перечисленных объектов ОМА пока не определено.

План галереи бюро ОМА

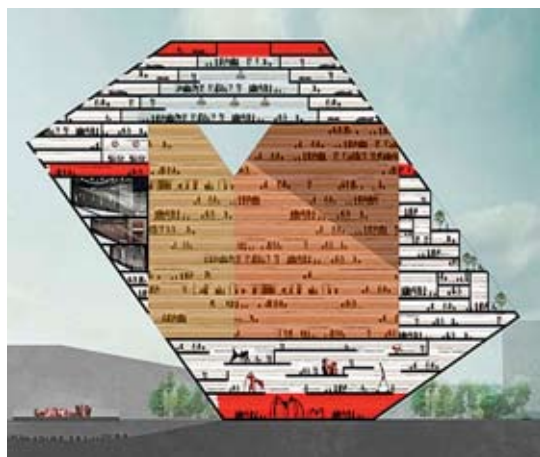
- 1 Музычный клуб (600 кв. м)
- 2 Универсальный выставочный зал (2,2 тыс. кв. м)
- 3 Книжный магазин (1,6 тыс. кв. м)
- 4 Медиамакет (1 тыс. кв. м)
- 5 Рестораны (1,5 тыс. кв. м)

- 6 Рынок (2,7 тыс. кв. м)
- 7 Универсальное выставочное пространство (1 тыс. кв. м)
- 8 Выставочный зал миниатюр (1,5 тыс. кв. м)
- 9 Выставочные и проекционные залы (900 кв. м)
- 10 Рестораны (1,4 тыс. кв. м)

- 11 Универсальное выставочное пространство (1,1 тыс. кв. м)
- 12 Универсальный выставочный зал (2,3 тыс. кв. м)
- 13 Зал аукциона идей (650 кв. м)
- 14 Театр (15 тыс. кв. м)
- 15 Крытая галерея (23,5 тыс. кв. м)

Вид на многофункциональный комплекс «Скала» бюро ОМА со стороны крытой галереи. На первом плане – озелененный дворик, образуемый изгибами галереи

© OMA

Разрез по многофункциональному комплексу «Скала». Внутри объема находится атриум 65 x 65 x 65 м

© OMA

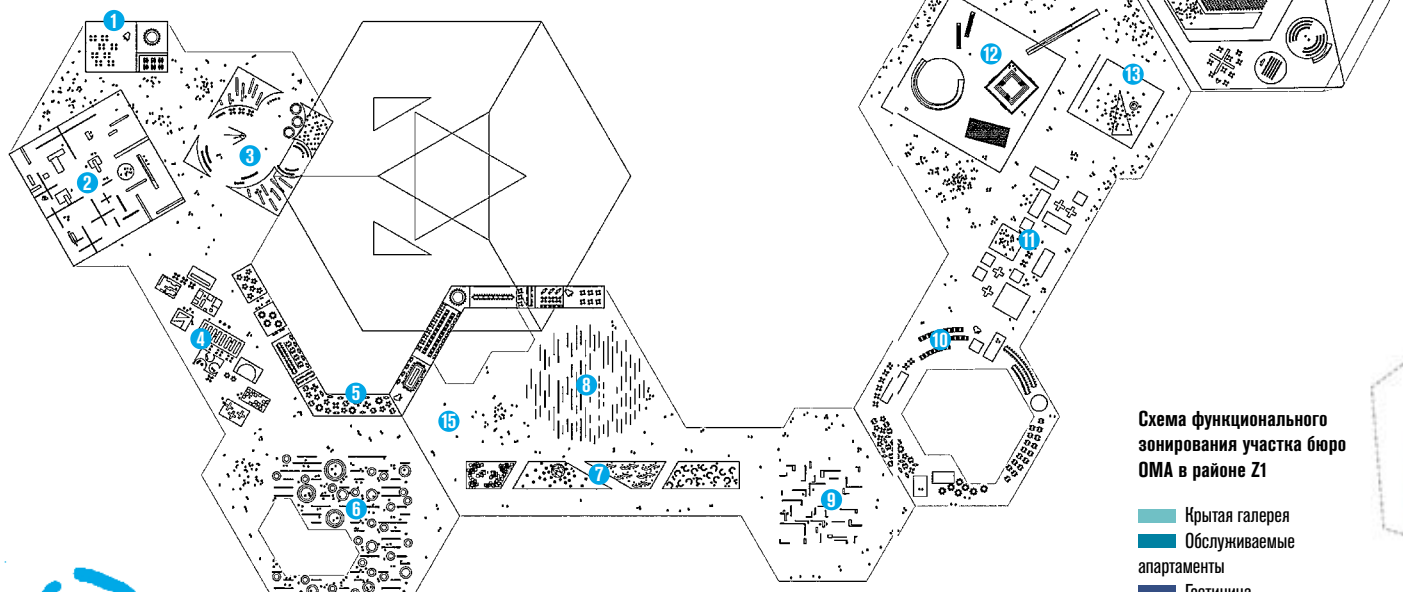

Схема функционального зонирования участка бюро ОМА в районе Z1

- Крытая галерея
- Обслуживаемые апартаменты
- Гостиница с конгресс-холлом
- Магазины
- Театр

© OMA

17

Жак Херцог

Пьер де Мерон

Свою задачу мы видели в том, чтобы придумать университету узнаваемый и неповторимый облик. Так мы пришли к образу калейдоскопа

Вид университетского комплекса со стороны городского бульвара. В центре — шести-этажный объем «Агоры», вмещающий входную группу, администрацию, сервисные помещения, библиотеку и бар-ресторан

© Herzog & de Meuron

Схема университетской зоны D3

- 1 Комплекс университета (1-я очередь — около 130 тыс. кв. м)
- 2 Университетская площадь
- 3 Крытые галереи
- 4 Комплекс университета (2-я очередь — около 65 тыс. кв. м)
- 5 Бульвар
- 6 Старшая школа (52 тыс. кв. м)
- 7 Семейный кампус (22 тыс. кв. м)

- 8 Разнотипная жилая застройка (150 тыс. кв. м)
- 9 Культурно-развлекательный комплекс (2,4 тыс. кв. м)
- 10 Офисы постстартапов (27,7 тыс. кв. м)
- 11 Крытые теннисные корты
- 12 Многофункциональный спортивный центр (3,2 тыс. кв. м)
- 13 Крытый бассейн (9,8 тыс. кв. м)

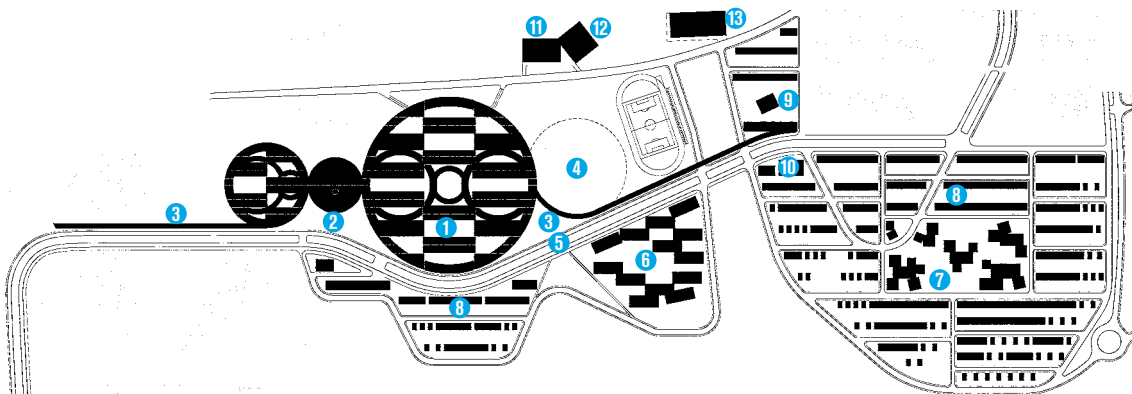

Схема университетской зоны. Бульвар четко разделяет жилую и нежилую группы застройки © Herzog & de Meuron

Зона университета D3

К востоку от территории OMA и SANAA располагается зона университета D3, проектируемая Жаком Херцогом и Пьером де Мероном. Ее площадь составляет примерно 60 га. Из всех зон она наиболее приближена к Сколковскому шоссе 1. Проект швейцарцев, однако, не предусматривает прямого транспортного сообщения с данной магистралью. Зато он предусматривает прокладку двусторонней автотрассы вдоль южной границы деревни Марфино, которая свяжет университетскую зону с МКАД. С запада на восток территорию прорезает бульвар. Участки, пристающие к бульвару с юга, заняты жильем, объектами социальной инфраструктуры и офисами постстартапов. Участок к северу от бульвара почти целиком заполняет университетский комплекс 2.

Структура университета представляет собой напластование пространств разной геометрии и разных функций. Своими очертаниями планировка комплекса напоминает ванька-встаньку — это симметричная композиция из четырех соприкасающихся окружностей, выстроенных вдоль линии бульвара. Объем с наименьшим диаметром, названный архитекторами «Агорой», вмещает входную группу, сервисные помещения (2-й этаж), администрацию (3-й этаж), библиотеку (4-5-й этажи) и бар-ресторан (6-й этаж). «Агора» — самая высокая часть комплекса. Шайбы по бокам от «Агоры» — двухэтажные. Все объемы связаны кольцевидными опен-спейсами, расположенными в уровне второго этажа. В этих опен-спейсах находятся рекреации и офисы. Первый этаж занимают преимущественно лаборатории. Помещения рекреации здесь заменяют внутренние дворики, дробящие округлые в плане скопления объемов.

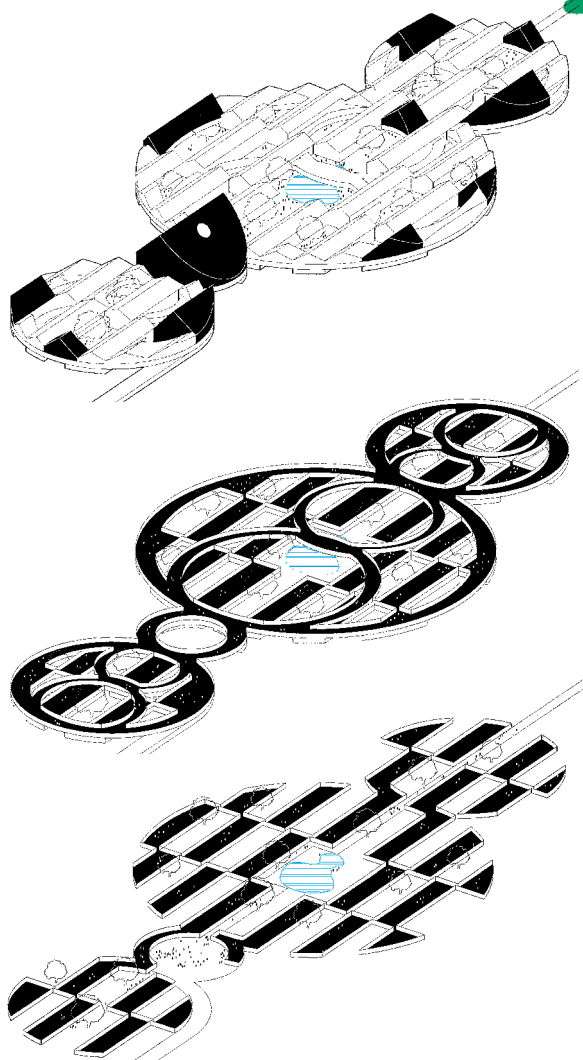
University zone D3

To the east of the site being planned by OMA and SANAA is Zone D3, the university zone, which is being designed by the famous Swiss duet of Jacques Herzog and Pierre de Meuron. This is a 60-hectare site. Of all the zones at Skolkovo, it is closest to the Skolkovo Highway 1; however, the plans make no provision for a direct link to the latter road (they do, though, provide for a two-way road along the southern boundary of the village of Marfino; this road will link the university zone with the Moscow Ring Road).

The boulevard cuts through the site from west to east. The plots of land flanking the boulevard on its southern side are occupied by a mix of housing, social infrastructure and post-startup offices. The plot to the north of the boulevard is almost entirely occupied by the university complex. 2

The university has a fairly complex structure consisting of a layering of spaces of different shapes and functions. Its outline is reminiscent of a tumbler toy, and its layout is a symmetrical composition made up of four contiguous curves placed along the line of the boulevard. The volume with the smallest diameter — which the architects call 'the Agora' — contains entrance spaces, service spaces (2nd storey), administrative offices (3rd floor), a library (4th–5th storeys), and a restaurant/bar (6th storey). The Agora is the highest part of the complex. The discs to the sides of it are two-storey. All the volumes are linked by annular open-space areas at second-storey level. These circles contain recreational spaces and offices. The ground floor is taken up mainly by laboratories; here the recreational spaces are replaced by internal courtyards which fragment the circular accumulations of volumes.

© Herzog & de Meuron

1
Расстояние до магистрали не превышает 600 м. / The maximum distance to the highway is 600 metres.

2
Кроме университета там предполагается построить культурно-развлекательный центр, крытый бассейн, крытые теннисные корты и многофункциональный спортивный центр. / In addition to the university, it will also accommodate a cultural & entertainment centre, a swimming pool, tennis courts and a multifunctional sports centre.

Взрыв-схема университетского комплекса. Первый этаж занимают в основном лаборатории. Кольцевидные опен-спейсы на втором этаже вмещают офисы и рекреацию

masterplan

Стефано Боери

Юрий Григорян

В своем проекте мы стремились добиться максимально низкой этажности застройки и одновременно минимизировать количество транспортных потоков в пределах зоны. Так родилась идея строк – плотных образований, как бы преграждающих путь автомобилям

Зона смешанного использования D4

Проектируемая бюро «Проект Меганом» и Stefano Boeri Architetti зона D4 находится на северо-востоке «Сколково» – между университетом, деревней Марфино и поселком Новоивановское. Северная часть зоны соединена с Минским шоссе, восточная – с МКАД. Ее общая площадь составляет порядка 50 га. Тот же показатель имеет зона D1 Чипперфилда–Чобана. Сходство упомянутых районов этим не исчерпывается – и там, и там преобладает жилая застройка: в проекте Григоряна–Боери ее общая площадь почти дотягивает до 200 тыс. кв. м (95 тыс. кв. м приходится на офисы пост-стартапов и мейджоров, 50 тыс. кв. м – на школу, детский сад, спорт-центр и торговлю). Планировки этих зон, тем не менее, кардинально отличаются.

Зона D4 представляет собой в некотором роде сито. Участок поделен на двенадцать полос разной ширины, которые идут поперек бульвара – с запада на восток. Каждая из этих полос заполнена домами определенного морфотипа. Жилая застройка занимает девять из двенадцати полос. Дома выстроены в линии. В отдельных местах застройка разорвана – руководитель бюро «Проект Меганом» Юрий Григорян называет эти сквозные проходы «микробульварами». Напрашивается сравнение с полуразрушенными оборонительными валами – обилие зелени на фасадах и крышах домов только усиливает это сходство. К числу достопримечательных объектов зоны можно отнести гаражный комплекс на севере – торообразное сооружение, обтянутое металлической сеткой, и многофункциональный комплекс на юге – элегантный стеклянный параллелепипед, стоящий у кромки искусственного водоема.

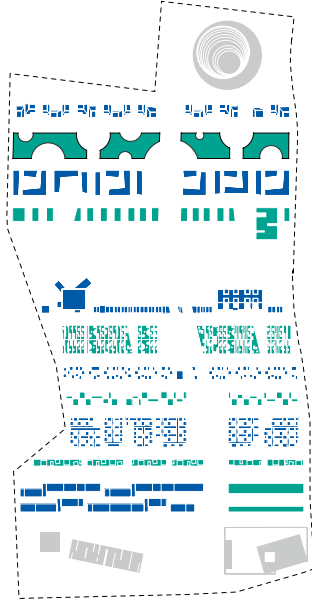

Схема распределения объектов проектирования между бюро «Проект Меганом» и Stefano Boeri Architetti

Бюро «Проект Меганом»
Бюро Stefano Boeri Architetti
Бюро «Проект Меганом» совместно с бюро Stefano Boeri Architetti

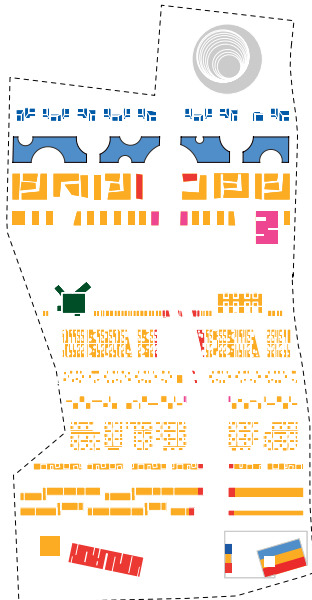

Схема функционального зонирования района D4

Паркинг (115 тыс. кв. м)
Офисы мейджоров (39,3 тыс. кв. м)
Офисы пост-стартапов (54,7 тыс. кв. м)
Жилье (194,8 тыс. кв. м)
Спорт-центр (5 тыс. кв. м)
Социальная инфраструктура (22 тыс. кв. м)
Торговые и сервисные центры (21,5 тыс. кв. м)

Mixed use zone D4

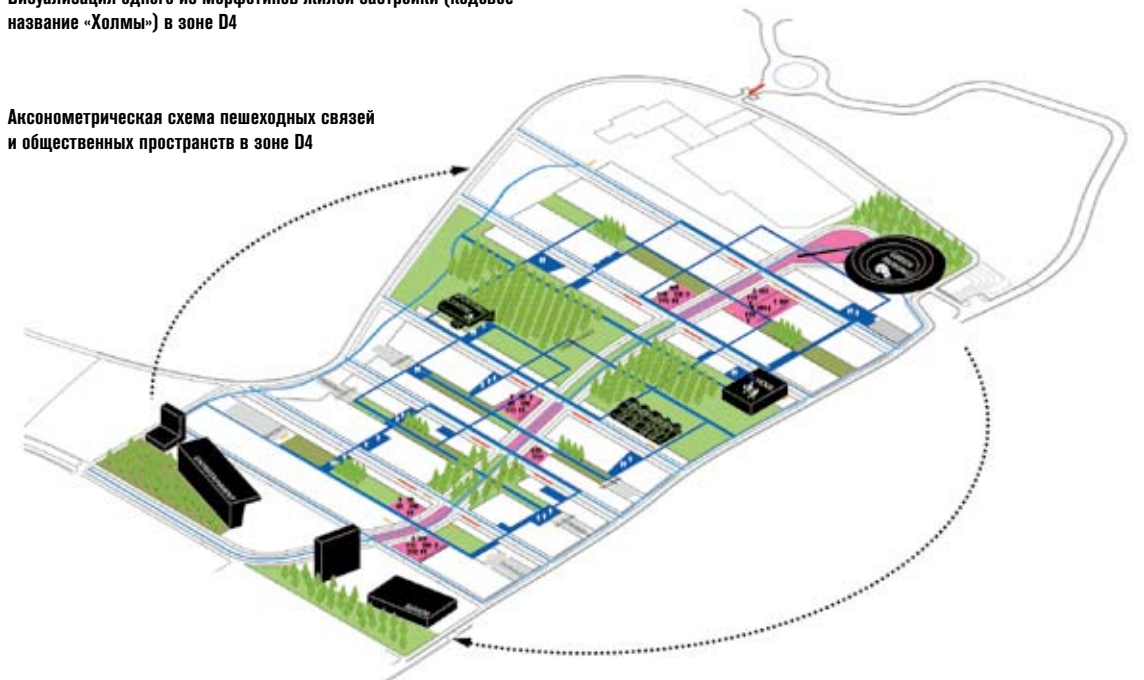
Zone D4, which is being planned by Project Meganom and Stefano Boeri Architetti, is in the north-east of Skolkovo – between the university, the village of Marfino, and the settlement of Novoivanovskoe. The northern part of the zone links with the Minsk Highway and the eastern part with the Moscow Ring Road. The zone has a total area of 50 hectares (the same as zone D1, which is being designed by Sergei Tchoban and David Chipperfield). Size is not the only point of similarity between these two zones. Both have a prevalence of housing: Project Meganom and Stefano Boeri Architetti allocate a total of 200,000 m² to this function (they provide 95,000 m² for offices for start-ups and majors and 35,000 m² for schools, kindergartens, and shops). However, the layouts of these zones are completely different. From the point of view of pedestrian infrastructure,

Zone D4 is a kind of sieve. The site is divided into strips of different widths running across the boulevard – from west to east (altogether there are twelve of them). Each of these strips contains buildings of a particular type arranged in lines. In certain places the line of development is ruptured; Yuriy Grigoryan, head of Project Meganom, calls these passageways 'micro-boulevards', and the abundance of greenery on the facades and roofs only reinforces this similarity. Notable features of this zone are the garage complex in the north (a toric structure covered in a metal mesh) and a mixed-use complex in the south (an elegant glass parallelepiped standing at the edge of a manmade reservoir).

Визуализация одного из морфотипов жилой застройки (кодовое название «Холмы») в зоне D4

Аксометрическая схема пешеходных связей и общественных пространств в зоне D4

Что же такое инновация?

В середине сентября прошлого года мне выдалась возможность представлять проект «Сколково» на Экономическом форуме в Сочи. И один из зрителей сказал: «Я могу понять цель технологических инноваций. Но что касается города, тысячу раз слышал истории о поселениях на лоне природы, электромобилях, скоростном общественном транспорте и проч. Что же в этом инновационного?»

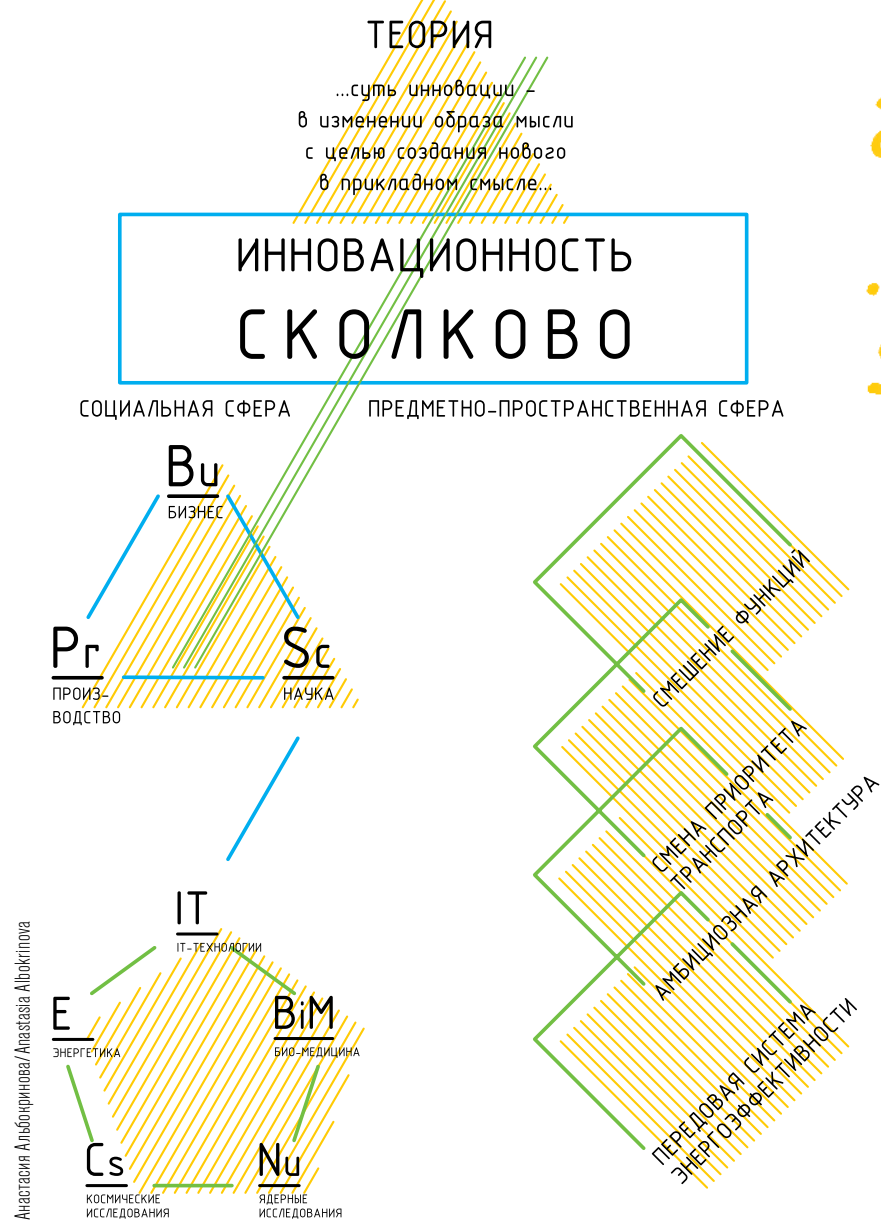
Резонный вопрос: что же действительно нового в самой идее «Сколково»?

Поиски ответа на вопрос отсылают нас непосредственно к определению инновации. Если суммировать теоретиков в этой области, суть инновации заключается в изменении привычного образа мысли с целью порождения, создания чего-то нового в прикладном, прагматическом смысле. В этом, собственно, отличие инновации от изобретения или открытия, не обязательно преследующих какую-то утилитарную цель.

Инновация в контексте проекта «Сколково» как раз заключается в том, чтобы с помощью реализации комплексной стратегии развития создать такое место, где бы научные исследования и разработки обрели эффективную внедренческую базу. Наука, производство и бизнес призваны сформировать здесь плодотворный альянс. Таким образом, каждый шаг по реализации данного проекта не должен обязательно быть нов сам по себе. Новизну в случае «Сколково» следует искать не во взятых по отдельности компонентах города, но в их связях, соединениях, формах соседства. Это касается и социальной сферы, и предметно-пространственной.

«Сколково» – это сложный, «ком-позитный» продукт. Он является одновременно и воплощением политической воли к модернизации, построению в России подлинной «экономики знаний», и олицетворением полного научно-производственного цикла, когда образовательные учреждения, исследовательские лаборатории, высокотехнологичные производства находятся буквально бок о бок и работают в тесном контакте. Инноград является также площадкой междисциплинарного сотрудничества – в одном городе собраны представители пяти ключевых научных областей: ядерных и космических исследований, биомедицины, энергетики, IT-технологий.

Каждый из вышеперечисленных аспектов сложно назвать инновацией – их более-менее близкие аналоги можно обнаружить в разных уголках мира. Но их сочетание инновационно, оно коренным образом меняет механизмы работы научного парка, создает огромный потенциал для технологического прорыва.

То же самое можно сказать и о процессе создания архитектурно-пространственной среды иннограда. Проект разрабатывается в рамках тесного сотрудничества между ведущими урбанистами и архитекторами мира. Люди, которые обычно конкурируют между собой, в случае «Сколково» оказываются в постоянном диалоге, в ситуации не конфронтации, а активного сотрудничества. Режим работы, немыслимый в ходе директивной разработки генерального плана, позволяет не только, анализируя каждый конкретный проект, держать в поле зрения всю структуру в целом, но также выдвигать самые разнообразные идеи, сочетание и объединение которых как раз и формирует инновационный характер сколковской среды. Смещение функций, приоритет пеших перемещений, выбор в пользу электромобиля и трамвая, вывод автотранспорта за пределы городской черты, посадка тысяч деревьев, передовая стратегия энергоэффективности, амбициозная архитектура – все это в совокупности и делает «Сколково» инновационным.

Выходит, что неперенным условием успеха «Сколково» является цельность этого проекта. Подобная цельность призвана отразить открытость нового города навстречу миру людей и вещей во всем его пестром многообразии – деятельную увлечен-

ность сколковцев происходящим вокруг, которая позволяет сказать вслед за Стивом Джобсом: «Инновации – это состояние, которое мы выбираем, поскольку испытываем к чему-то жгучую страсть».

Отправлено с iPhone.

Жан Пистр
французский архитектор,
руководитель бюро
Valode & Pistre, председатель
Градостроительного совета
Фонда «Сколково»

Jean Piste What is innovation?

In the middle of September 2010 I had the opportunity to present the Skolkovo project at the economic forum in Sochi. There was a member of the audience who said, “I can understand the goal of technological innovation. But when it comes to new towns, well, I must have heard so many stories about settlements created in the bosom of nature, electric cars, high-speed public transport, and so on. What’s so innovative about all this?”

It is a reasonable question: What indeed is new in the Skolkovo concept? In search of an answer to this question we must look first to the definition of innovation. If we summarize what theoreticians in this field are saying, then the essence of innovation is in changing the customary way of thinking in order to generate or create something new in an applied or pragmatic sense. This is, in fact, the difference between innovation and invention or discovery: the latter do not necessarily pursue a utilitarian goal.

Innovation in the context of the Skolkovo project is a matter of using a multi-faceted development strategy to create a place in which scientific research and development are accompanied by the facilities that are necessary in order introduce new technology in practice. The idea is that science, manufacturing, and business should come together in a productive alliance. This means that each step taken to realize the project should not necessarily be new in itself. Innovation in the case of Skolkovo should be sought not in particular components of the town, but in the links and connections between them, and in forms of contiguity.

Skolkovo is a complex, ‘composite’ product. It is simultaneously both the embodiment of the political will for modernization, and a personification of the complete research and production cycle in which educational establishments, research laboratories, and high-tech production facilities are situated literally side by side and work in close contact with one another. Skolkovo is likewise a place for interdisciplinary collaboration. A single town will bring together representatives of the five key scientific fields – nuclear research, space research, biomedicine, energy, and IT.

None of the above aspects could really be called innovative. But what is innovative is their combination; it radically changes the mechanisms by which a science park functions and creates enormous potential for a technological breakthrough.

The same may be said of the process of creating Skolkovo’s architectural and spatial environment. The project planning involves close cooperation between some of the world’s leading urbanists and architects. People who usually compete against one another are at Skolkovo in constant dialogue with one another, in a situation not of confrontation, but of active collaboration. A method of working that would be unthinkable in the context of directive drawing up of a master plan makes it possible not merely to retain a clear overview of the entire structure while analyzing each specific project, but also to put forward all kinds of different ideas, the combination of which is what shapes the innovative character of the environment at Skolkovo. The mixing of different functions; the priority given to getting around on foot and by electric car, and tram; the planting of thousands of trees; the advanced energy-efficiency technology; the ambitious architecture: taken together, this is what will make Skolkovo innovative.

It turns out that a necessary condition of Skolkovo’s success is the project’s integrality. This integrality is intended to reflect the openness of the new town to the world of people and things in all their motley diversity – to reflect Skolkovo residents’ active fascination with what is happening around about them, a fascination which makes it possible to say, along with Steve Jobs, “Innovation is a condition which we choose because we feel a burning passion for something.”

Sent from my iPhone

chairman

1 В узком смысле – деятельность по продвижению городов и территорий.

2 Пожалуй, лишь Пермь близка к тому, чтобы стать первым примером такого рода.

3 SWOT-анализ – метод стратегического планирования, используемый для оценки факторов и явлений, влияющих на проект или предприятие. Все факторы делятся на четыре категории: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).

Родион Китаев

Джемал Сурманидзе

Сити-маркетинг как часть стратегии устойчивого развития

В последнее время федеральные чиновники и представители местной власти как-то все разом заговорили о том, что города России являются участниками глобальной конкуренции за необходимые для развития ресурсы. Показательно, что важнейшим из них признается население, которое в российской традиции ценностью никогда не считалось. Прежде такие речи можно было слышать только от экспертов в области урбанистики; казалось, что они никогда не станут теоретической основой для муниципальной практики. Пока трудно понять, произошло ли реальное осознание ограничений для развития страны или просто мода такая – на интеллектуальную риторику. Но в любом случае тенденция обнадеживает. Российские города стали предметом общей заботы, отсюда всплеск интереса к сити-маркетингу ❶ – инструменту, помогающему аккумулировать необходимые ресурсы. Самое время разобратся, почему российским регионам до сих пор не удавалось добиться успехов в этой области. И наметить контуры результативных стратегий сити-маркетинга.

Одна из причин – люди. Нет, желающих поучаствовать в «раскрутке» города, области или района много. В этом-то как раз и проблема. Муниципальные и региональные власти, способные предложить масштабный и долгосрочный контракт, очень интересный заказчик для маркетологов, психологов, специалистов по брендингу. Эксперты, раньше помогавшие продавать макароны и кандидатов на выборах, взялись за города и регионы. Бесспорно, это тоже товар, но товар особый. Хотя бы потому, что у него очень много владельцев-пользователей. Ровно столько, сколько насчитывается жителей. Каждый из них прямо или косвенно влияет на процесс принятия решений, в том числе связанных с продвижением территории. Как если бы новую модель автомобиля запускали по результатам голосования всех, кто ездит на машинах этой марки. Беда в том, что ответственные «специалисты по сити-маркетингу», даже если они владеют теорией, как правило, не имеют опыта работы внутри муниципальных структур, а потому плохо понимают реальные потребности

российских городов, механизм функционирования органов местного самоуправления и мотивы, движущие губернаторами, мэрами, сити-менеджерами. Вдобавок специалисты – чаще москвичи, наблюдающие жизнь страны за пределами МКАД лишь наездами. Обратная сторона этой же проблемы – дефицит «кейсов», примеров работы доста-

тинг территории в его нынешнем российском варианте не более чем субпродукт личной активности регионального лидера, что не способствует накоплению и сохранению полученного позитивного эффекта. Часто губернатор или мэр определяет не только стратегию, но и стиль кампании по продвижению территории, характер событий, которые в результате могут не совпасть с ожиданиями тех, с прицелом на кого она затевалась. Несоответствие запросам внешней аудитории плохо, но еще хуже расхождение с приоритетами жителей региона. Не свершенная

Какие цели ставит перед собой город или регион? Каким он видит себя в будущем? Ответы на эти вопросы не могут быть высосаны из начальственного или экспертного пальца, они появляются в ходе дискуссии с участием максимального количества людей, связывающих свое будущее с территорией, местными компаниями и общественными организациями. Их участие в разработке стратегии превращает процесс продвижения территории из личного проекта мэра или губернатора в часть политической культуры региона. Параллельно происходит ревизия ресурсов. Природные достопримечательности, богатая история, архитектура, научные школы и учреждения, крупные предприятия, местные традиции и интересные события – все это позволяет привлечь внимание к территории. Еще важнее, что перечисленные выше феномены, рукотворные и нерукотворные, сами по себе

точно продолжительной, для того чтобы получить ощутимый и поддающийся оценке результат ❷.

Но свято место пусто не бывает и даже при отсутствии системной деятельности по маркетингу регионов, одни из них находятся в лучшем положении, то есть, применительно к нашей проблематике, вызывают больший интерес, чем другие. В разное время «модными» были Самара, Новгородская область, Нижний Новгород. То, что всплески популярности имели место, подтверждает их сопоставление с регионами, не выходившими из тени, такими как Волгоград. Эти недолгие истории успеха имеют кое-что общее – они обусловлены наличием в регионе деятельного политического лидера. За неимением других козырей, он часто становился едва ли не главной составляющей бренда территории. Сегодня на слуху переживающий экономический бум Краснодарский край, который затмил в медиапространстве и общественном сознании своих соседей: Ростов-на-Дону и Ставрополь. А также Пермская и Калужская области, руководители которых демонстрируют наличие долгосрочной стратегии и желание привнести в жизнь вверенной их попечению территории полезные новшества – в отличие от многих коллег по цеху, воспринимающих свои посты просто как лицензию на «кормление».

Напрашивается вывод – марке-

с ними стратегия неизбежно сворачивается, как только политик, с которым она ассоциируется, теряет свой пост. Запущенные проекты, как правило, некому подхватить и довести до конца. Отставка амбициозного лидера, связывающего свои жизненные планы не с экспресс-ограблением региона, а с его эффективным развитием, практически всегда отбрасывает территорию назад. На точку, с которой началось восхождение. Достаточно вспомнить, как снизился интерес к Самаре с уходом Сысуева.

Получается, что ключевая проблема российского сити-маркетинга не в дефиците средств или специалистов, а в отсутствии представляющего территорию «постоянного заказчика», который способен сформулировать «техническое задание», длительное время удерживать работу по продвижению территории в числе приоритетов местной власти и убеждать общественность в том, что это не блажь, а необходимость.

Стратегия и коммуникация Заказчик, так же как и специалист, может сформироваться только при наличии реальной интересной практики. Шанс «вырастить» системного заказчика, который является соавтором эксперта по сити-маркетингу, возникает уже на стадии постановки задачи по продвижению территории. Если этот процесс носит неформальный характер.

притягивают нужных и важных для региона людей, способных принести с собой инвестиции и компетенции. Людей, которые являются не только целью кампании по продвижению, но и важнейшим орудием для ее осуществления, потому что могут привести за собой еще людей. Это как запуск цепной реакции.

Самый важный результат проделанной работы – внутренний. У местной элиты появляется видение идеального будущего и представление о пути, который к нему ведет. Следующий шаг – достижение согласия по вопросу о том, как преподнести свой регион. Когда «послание миру» сформулировано, стоит подумать о тех, кому адресовано сообщение. Какие аргументы использовать и на каком языке с ними разговаривать. Это и есть первые шаги по формированию стратегии маркетинга территории.

В сказанном выше нет новизны. Для многих территорий проводится SWOT-анализ ❸, пишутся стратегические планы, но чаще всего они остаются на бумаге. Наверное, потому, что их создателям не хватает знания целевой аудитории, внимания к деталям, умения объективно оценить имеющиеся ресурсы. Обычны две крайности. Недооценка действительно яркого и самобытного (деревянная застройка Иркутска) или переоценка, основанная на стереотипах: обитатели Крыма искренне верят, что нет лучше места на земле и тури-

сты никуда от них не денутся. Избежать подобных перегибов помогают опыт и культурный багаж, позволяющие объективно оценить «удельный вес» каждого фактора. Вот здесь как раз уместно привлечь внешних консультантов, способных вернуть с небес на землю население и местную власть.

Важная составляющая стратегии – выбор и формирование каналов коммуникации для общения с целевой аудиторией. С чего начинать точно не стоит, так это с рекламы. Порой достаточно задуматься, а есть ли у получателей рекламного сообщения возможность откликнуться на заложенный в нем мессидж. Зачем, спрашивается, рекламировать город, куда невозможно добраться? Еще недавно препятствием развитию туризма в Астрахани было не то, что никто не знал, как это здорово – рыбачить в дельте Волги, а дороговизна (по причине монополии) перелета из Москвы. Прямая реклама, вообще, более уместна для продвижения регионов, нацеленных на массовый туризм.

зависеть от приложенных интеллектуальных усилий, умения смотреть на ситуацию, в том числе глазами целевой аудитории, что требует осведомленности об ее культурном багаже и поведенческих стереотипах.

Инструменты территориального маркетинга. Очевидные и не очень

События, в том числе городские праздники, – мощный инструмент продвижения территорий. Достаточно вспомнить засушенный до туристического зрелища венецианский карнавал или вполне живые Октоберфест в Мюнхене и карнавал в Рио. Даже если событие придумали корыстные

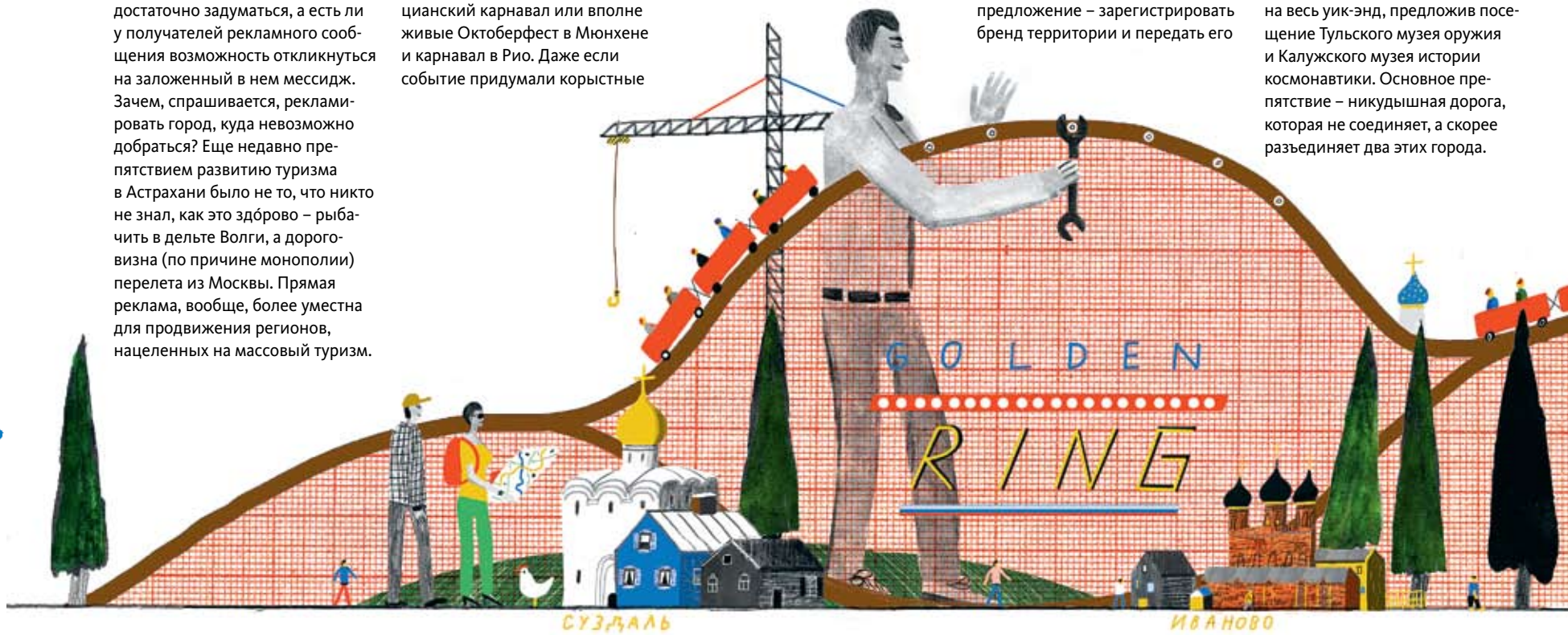
плебсу, чтобы отвлечь внимание от проблем.

Содержание и качество городского праздника определяется внутренней жизнью территории, но при этом он оказывает воздействие на потенциально интересную для региона аудиторию. Результат отчасти поддается прогнозированию. Джаз – «музыка толстых», а городу зачастую нужны как раз «толстые», а, скажем, не хипстеры. Джазовый фестиваль – хорошая площадка и повод для общения важных

ные форты Калининграда вполне могут стать основой для интересных тематических парков. Наряду с хорошей идеей решающую роль играют качество предоставляемых услуг и работа по развитию созданного бренда.

Тысячи людей вкладывали ум и талант, чтобы сделать Суздаль популярным местом. Эта популярность, являющаяся залогом пополнения городского бюджета, абсолютно не защищена от коммерсантов, оказывающих под привлекательной вывеской некачественные услуги. Радикальное предложение – зарегистрировать бренд территории и передать его

решать и глобальные проблемы, например, связанные с экологией красивейшей русской реки и ее долины. То, что территориальный маркетинг – это инструмент воплощения в жизнь стратегии устойчивого развития, доказывает пример реабилитации городов Рура. Кооперация была бы уместна на Урале и в Тверской области, где созвездия малых городов явно нуждаются в выработке совместных стратегий продвижения и развития. Если бы Калуга и Тула договорились между собой, то могли бы удержать туриста на весь уик-энд, предложив посещение Тульского музея оружия и Калужского музея истории космонавтики. Основное препятствие – никудышная дорога, которая не соединяет, а скорее разъединяет два этих города.

За это средство обычно хватаются, потому что оно, во-первых, несложно в реализации, а во-вторых, сулит участникам процесса, заработок на откатах. На самом деле строительство системы коммуникаций надо начинать с использования возможностей, которые есть под рукой и которые ничего не стоят. Так, реальный союзник в деле продвижения территории – местные СМИ, через них можно найти агентов влияния в центральных и зарубежных медиа. Регион всегда может предложить какую-либо информацию, а это востребованный товар. И только исчерпав все возможности бесплатного продвижения, можно планировать действия, предполагающие специальное финансирование. Нетрудно догадаться, что такой здравый подход противоречит интересам консультантов, особенно выходцев из рекламной индустрии. Это еще одна причина, почему стратегия продвижения территории должна вырабатываться внутри нее.

Конечно, любая стратегия коммуникаций с какого-то момента предполагает использование рекламных технологий, формирование пакета промоматериалов, организацию событий. И здесь тоже дьявол кроется в деталях. Где губернатор принимает гостей – в ресторане, который местной элите представляется крутым, или в картинной галерее? Послевкусие от встречи останется разным. В большей степени, чем от потраченных денег, оно будет

маркетологи, оно имеет шанс стать настоящим, как праздник «Божоле нуво». Важно, чтобы к месту и ко времени. Собрали урожай – насладились молодым вином. Все органично!

Праздник должен соотноситься с естественным ритмом жизни, служить знаком начала или конца. Это момент, когда сбрасывается социальное напряжение, когда всем надо отдохнуть или, наоборот, встряхнуться. Нет настоящих праздников – значит, община нездорова. Представим день города в постсоветской провинции. Рассчитывать на то, что это мероприятие, как правило, ориентированное на не самый взыскательный вкус, привлечет к территории хоть какой-то интерес, не приходится. Но бывает, праздник вдруг становится настоящим. Горожане с удовольствием принимают участие в подготовке и проведении торжеств. Возникает чувство общности, происходит кристаллизация идентичности, связанной с городом или регионом. Праздник начинает привлекать жителей близлежащих и отдаленных территорий и превращается в реально работающий инструмент маркетинга. Такая трансформация происходит не по причине особого мастерства приглашенных мэриев артистов, а потому что горожане почувствовали – «отцы города» разделяют их цели и ценности. Событие наполняется смыслом, становится маркером жизненного цикла, а не костылем, брошенной

гостей: предпринимателей, спонсирующих музыкантов, или дипломатов, поддерживающих культурные проекты своих стран. В город приезжает атташе по культуре, завязываются дружеские контакты городской администрации с посольством. Пример такого события – фестиваль гитарной музыки в Калуге.

Очень эффективна слаженная работа трех муниципальных подразделений: управления культуры, международного отдела и управления экономики. Частью маркетинговой стратегии должен быть годовой цикл культурных событий. Каждый сезон наполняет событие своим содержанием, особым ассоциативным рядом. К тому же сезонность позволяет более равномерно распределить нагрузку на инфраструктуру гостеприимства.

Особый случай – места, где всегда праздник: колониальный Вильямсбург, Каркасон, Суздаль. Такие города-аттракционы создают возможность синергии субъектов, работающих на продвижение региона. Они могут быть и платформой для развития кластера предприятий HoReCa, и готовыми декорациями для исторических фильмов. В Каркасоне снимался «Робин Гуд», а в Ростове Великом – «Иван Васильевич меняет профессию». Создание привлекательных историко-тематических зон – недооцененный пока в России способ продвижения территории. Например, Кронштадт и старин-

в управление одной из муниципальных структур или общественной организации, например, альянса местных туроператоров. Пример эффективного менеджмента – деревня Мандроги под Петербургом, предлагающая полный комплекс услуг от проживания и питания до соответствующих сезону развлечений. Такие проекты всегда имеют конкретных вдохновителей (отнюдь не оторванных от жизни мечтателей) и лучше реализуются при активном участии бизнеса. Вильямсбург, город-музей под открытым небом, рассказывающий о жизни Америки конца XVIII в., был задуман и создан при участии одного из представителей династии Рокфеллеров (этот тематический парк обеспечивает около трех тысяч рабочих мест).

Наряду с такими понятными способами привлечь внимание, есть набор менее очевидных инструментов. Например, кооперация при реализации масштабных маркетинговых проектов, которая помогает преодолеть нехватку финансов. Кооперация не только между властью и бизнесом, но и между территориями и городами. В России есть успешный опыт – проект «Золотое кольцо». Почему бы городам, расположенным вдоль Оки (Ступино, Кашира, Коломна, Зарайск, Калуга) не создать подобный альянс? Для начала с целью продвижения единого турпакета. В перспективе навык объединения усилий и координации расходов помог бы

Еще один важный момент. Любой регион способен проецировать свой образ за пределы собственных границ, создавая «имиджевые щупальца» – объекты и институты, формирующие опережающее представление о территории, ее культуре и уровне жизни. Пример – фирменные поезда и авиакомпании. Иллюстрация от обратного – советский «Аэрофлот» сделал для разрушения положительного образа СССР, наверное, больше, чем ЦРУ и «Голос Америки» вместе взятые.

Город в ощущениях

Убогая общественная инфраструктура – препятствие притоку в российские регионы деловых посетителей и туристов. Причина ее плачевного состояния – отнюдь не только нехватка денег. Отцы регионов не ездят на общественном транспорте, не сидят с другими пассажирами в обычных залах ожидания аэропортов и вообще не живут в той среде, в которой обитает обычный человек. А значит, не представляют, как ее улучшить. Против нашей страны работает стойкое нежелание копировать те блага, которыми россияне так охотно наслаждаются за рубежом. Существует массовое неверие в то, что они приживутся на нашей почве, хотя есть яркий пример плодотворности такого подхода. Жители Одессы с первых дней ее существования стремились соответствовать самым высо-

ким стандартам и подражали лучшим образцам. В результате появился город с яркой индивидуальностью, которая не потускнела и во время постсоветской разрухи.

Город – это целая гамма ощущений. Не только визуальных, но также тактильных. Комфорт среды пребывания в значительной степени обусловлен наличием и качеством разнообразных микроэлементов, от уличных кафе до туалетов. И состоянием городского партера. Московские мостовые – яркий пример того, что люди, возглавлявшие в последние годы город, пешком по нему

Часто именно общественный транспорт формирует представление о городе. Вспомним метробусы Куритибы или кабельный трамвай Сан-Франциско. Последний, если воспринимать его как маркетинговый инструмент, прошел полный жизненный цикл – от полезной услуги к интересной достопримечательности. То же самое можно сказать и о московском метро, которое стало частью городского бренда. Транспорт вполне способен быть носителем смыслов. Достаточно дать идущей из Москвы электричке имя «ОКА», и напоминая о приятном отдыхе на речном берегу увеличит число желающих посетить, например, Каширу. Пример практичного и малоэ-

образы городов России. Не в силу какой-то особой нелюбви, а просто потому, что дома и предметы здесь не столь необычны, как, например, в Японии. Мы не такая экзотичная декорация. Русская культура текстоцентрична. И в этом, как ни парадоксально, есть шанс. Потому что текст – возможно, самый эффективный инструмент маркетинга территории. Созданный единожды, он работает веками и приносит прибыль. Связанный с городом нарратив – такой же капитал, как приятный климат или живописная природа. Очень часто люди приходят в города вслед за книгами. Такими как «Стамбул» Орхана Памука и «Улисс» Джеймса Джойса. Умные муниципальные власти актуализируют эти тексты, изящно вплетают их в ткань повседневного существования города. Пример – отмеченный на улицах Дублина маршрут Леопольда Блума.

Возьмем на себя смелость заявить, что появление великих, привязанных к месту текстов не случайность. Вспомним ту же

его картина «Я шагаю по Москве» сгубила немало юных девушек, устремившихся в город, где, как им казалось, живут только такие хорошие люди, как герои фильма. Превращение региона в площадку для кинопроизводства означает не только прямой доход, но и перспективу туристического бума. Яркий пример – Новая Зеландия, она же Средиземье.

Люди являются не только наблюдателями, но и объектами наблюдения. «Весь мир театр, и люди в нем – актеры». Именно уличная толпа в Иерусалиме, Токио и Нью-Йорке делает эти города незабываемыми. Желание или нежелание делать бизнес на территории возникает как результат контактов с людьми. Отказавшиеся от взятки вологодские работники транспортной полиции сделали для положительного образа области больше, чем рекламные ухищрения

Маркетинг территории – часть стратегии по созданию условий для ее устойчивого развития. Наиболее сильный и дающий долговременный эффект способ заявить о своей ценности – создание и продвижение собственных стандартов в самых разных областях: культуре, морали, образе жизни. Цель этой деятельности – обретение идентичности. Чтобы о городе могли сказать как об Одессе или Нью-Йорке: «Он такой один».

Главный ресурс – не деньги, а люди. Потому что интересные люди привлекают внимание окружающего мира, потому что люди – это лучший канал коммуникации, потому что именно люди создают ту атмосферу, которая делает территорию привлекательной или отталкивающей. А все люди,

не ходили вообще. Комфортная городская среда может появиться только как результат совместной работы капиллярных социальных сетей. Муниципалитет поддерживает музей, но от этого не будет толку, если в отеле гостю не выдадут карту с местными достопримечательностями. Система навигации по территории – один из показателей заботы об удобстве гостей и резидентов. Уже есть отрядные примеры, скажем, подмосковный Дмитров, где местные власти поставили большие понятные указатели. Вроде мелочь, но как-то цивилизованно. В России с навигацией свои специфические проблемы – непонятная многим приезжим кириллица плюс поголовное незнание иностранных языков. Выходом могли бы стать Visitor Centre, системно работающие с иноязычными гостями города.

Образ территории – это мозаика. Некоторые фрагменты, из которых она состоит, поддаются коррекции, например, общественный транспорт. Как-то сидя в уличном кафе на Украине, автор этих строк услышал слова венгерского предпринимателя. Глядя на проезжающий по брусчатой мостовой подержанный, но симпатичный трамвай (подаренный муниципалитетом Цюриха), он промолвил: «У вас же здесь настоящая Европа». «Городской голова», окажись в этот момент рядом, был бы счастлив, это как раз тот образ «міста», который он мечтает создать.

тратного маркетинга.

Фактор, создающий образ территорий, но при этом не поддающийся быстрому изменению, – архитектура. Нельзя сказать, чтобы России в этой сфере особенно повезло. Но ведь даже то, что имеем, не храним. Происходит постоянное оскудение и без того бедной среды. Социалистическое градостроительство уничтожало уютные пространства старинных городов, заменяя их гигантскими парадными площадями и типовыми микрорайонами. В погоне за сиюминутной прибылью современные инвесторы рушат историческую застройку с не меньшим остервенением. Возможно, проблема лежит в культурном разрыве, непонимании реальных запросов внешних потребителей, на которых нацелены многие проекты по продвижению территории. Главы городов не осознают, что архитектура конструктивизма такая же ценность, как старинные храмы. Про поздний советский модернизм и говорить нечего. Но именно эти объекты делают наши города интересными, например, для архитекторов из Европы.

Особенность российской культуры, с точки зрения маркетинга территории, состоит в том, что она не экзотична, как китайская или арабская. Российская культура является ветвью европейской и при этом достаточно элитарна. До рядового западного обывателя с этим не достучаться. Голливуд не будет рисовать яркие

Одессу. Несокрушимая вера жителей в свой город, его неповторимость стала одним из условий, сделавших возможным появление плеяды ярких писателей: Катаева, Ильфа и Петрова, Багрицкого. Созданные ими тексты, в свою очередь, способствовали тому, что воспетый в них город стал еще более желанен для посещения. Анекдотичный пример роковой роли литературного текста. Жителям Винницы при знакомстве часто задают обидный вопрос: «Это где-то возле Жмеринки?» Притом что Жмеринка не более чем скромный районный центр Винницкой области. Винничане винят в этом Ильфа и Петрова, упомянувших Жмеринку в романе, который читали, наверное, все советские люди. Свежий пример литератора, формирующего отношение к региону, – пермский писатель Алексей Иванов с его книгой «Message: Чусовая». Пермьякам в последнее время вообще везет с культурой. Те регионы, которым пока не посчастливилось занять своих писателей такого калибра, должны обратить внимание на путешествующих эссеистов, таких, каким был Петр Вайль, который так умел написать про понравившийся ему город, что не посетить его кажется преступным.

Кинематограф играет ту же роль, что и литература. Кто, посмотрев «Римские каникулы» не захочет ощутить беззаботную атмосферу Вечного города? Георгий Данелия упомянул в своих мемуарах, что

местной власти. В конце концов определяющую роль в формировании отношения к территории играет дружелюбность социума.

Несколько поспешных выводов

Работа по формированию репутации региона – это деятельность, в первую очередь направленная внутрь. Успешны те начинания, которые реализуются не с оглядкой на внешних потребителей, а в интересах местного населения и с его активным участием. Инструментом могут стать проекты в формате частно-государственного или частно-муниципального партнерства. Синхронизация кампании по продвижению территории с маркетинговыми усилиями местных предпринимателей – шаг в верном направлении.

Джемал Сурманидзе
эксперт в области территориального маркетинга,
Объединенная дирекция по активам и сервисам
Фонда «Сколково»

4
Термин, обозначающий индустрию гостеприимства; происходит от первых букв в словах Hotel, Restaurant, Café/Catering (Отель, Ресторан, Кафе/Кейтеринг).

Город должен быть самодостаточен

Про «зеленые» города. Я надеюсь, что «Сколково» станет действительно «зеленым» городом. Во-первых, по сравнению с российскими нормами, мы заложили здесь более высокий процент озеленения. Во-вторых, мы используем только экологически чистые материалы: а) вторично переработанные, б) энергоэффективные, с) без вредных выделений.

Вообще, очень важно определить, как мы, то есть город, воздействуем на окружающую среду. Имеется в виду вторичное использование ресурсов. Есть модель линейная. Сколько в город вошло, столько из него и вышло. Допустим, десять тысяч кубометров воды вошло, мы их использовали, переработали и в природу выпустили. Но эта модель — не самый лучший вариант. Природный баланс все-таки нарушается. Мы стараемся быть более активными, создавать специальные программы по переработке ресурсов.

Приведу пример. Сбербанк сейчас проектирует в «Сколково» центр разработки IT-инфраструктуры. Этот центр выделяет большое количество тепла (компьютеры и прочая техника). Так вот, мы разрабатываем программу по использованию этого тепла для обогрева зданий. Получается замкнутый цикл функционирования с минимальным выбросом во внешнюю среду. Сам город превращается в самодостаточный организм.

Про международные стандарты. В «Сколково» мы используем американские стандарты LEED. По очень простой причине: Америка — это огромный рынок, поэтому процент построенных по международным стандартам, уже введенных в эксплуатацию, то есть апробированных объектов там очень высок. Для сравнения — на каждые сто американских зданий, которые прошли сертификацию по стандартам LEED, приходится десять европейских и всего одно российское.

Внутри LEED есть разные уровни оценки: стандартная оценка, «серебро», «золото», «платина». «Платина» нам не нужна — она по определению предполагает наличие суперсовременных технологий, которые в сегодняш-

ней экономической ситуации использовать нецелесообразно. Вот лет через 20–30, когда произойдет удешевление, тогда да. Подобные технологии пока нужны лишь в порядке эксперимента — поставил несколько систем, посмотрел, как они работают, сделал замеры. Это такой пилотный вариант. Нам же сегодня требуются технологии, которые уже доказали свою эффективность.

Про устойчивое развитие. Эффективность технологий напрямую связана с термином «устойчивое развитие». Сейчас о нем не говорит только ленивый. Но если переложить сложные наукообразные термины на обычный язык, то это означает простую вещь — нужно строить сегодня свою экономику так, чтобы не залежать в доходах будущих поколений. Допустим, к примеру, что инвестиции в строительство здания составляют три рубля, а расходы на эксплуатацию при стандартных технологиях — семь. В таком случае в целом мы тратим десять рублей. Предположим, мы вложили в современные технологии один рубль, то есть инвестиция составит уже четыре рубля, но зато эксплуатация будет стоить не семь рублей, а три. Получается, что мы сэкономили три единицы на жизненном цикле здания. Вот такой простой пример устойчивого развития.

Сейчас во многих регионах принимают решение изменить стандарты, чтобы улучшить качество жизни людей. Не 20 кв. м на человека, а 30. Потолок не 2,50, а 3,20. Но сразу возникает вопрос, насколько возрастут при этом расходы на содержание квартиры. При повышении потолка на 25 см в 10-этажном доме набегает целый этаж. То есть расходы энергии на обогрев жилья и мест общего пользования повышаются на 10 процентов. То же проис-

ходит и с увеличением нормы жилищной обеспеченности. Поднимая планку до 30 кв. м на человека, мы фактически вымываем доходы будущих поколений, транжиря ресурсы на коммунальное хозяйство.

Про условия жизни в «Сколково». Как же создать комфортные условия, не тратя слишком много? Мы увязали комфорт с деньгами и провели опрос. Оказалось, компромисс найти можно. Людей вполне устраивает высота потолков 2,75. К тому же в разных странах существуют разные стандарты комфорта. У нас, как известно, средняя комнатная температура в жилых домах составляет 22–23 градуса, а для Англии и Швеции норма — 19 градусов в зимнее время. Мы не собираемся кого-то заморозить. Но механизмы регулировки и точной настройки климатических параметров использовать планируем.

Виктор Маслаков
сити-менеджер Центра
инноваций «Сколково»,
доктор экономических наук

Зеленая Миля

Наша голубая планета становится все зеленее. Но, к сожалению, не от хорошей жизни. Перед человечеством маячит угроза глобального потепления, истощения природных ресурсов и коллапса всей экосистемы. В этих условиях «зеленое» строительство – просто вынужденная мера. Мировая стройиндустрия уже не может функционировать по-старому. По данным Совета по экологическому строительству в России (RuGBC) здания всего мира съедают сегодня около 40 процентов всей потребляемой первичной энергии, 67% всего электричества и 14% всех запасов питьевой воды, а также выбрасывают 35% всего углекислого газа и половину всех твердых городских отходов. Цифры страшные, но зато они ясно показывают, что возведение домов с использованием современных экологических технологий должно стать для всех приоритетом.

А что же Россия? А у нас, как всегда, – политика двойных стандартов. То есть, с одной стороны, требования к энергоэффективности и экологичности новых зданий довольно высоки, с другой – действуют они только на бумаге. Добавьте к этому изобилие природных ресурсов, господдержку традиционной энергетики в течение нескольких десятилетий, плохую информированность о современных «зеленых» технологиях и вы получите НЕэнергоэффективную и НЕконкурентоспособную

Справка Совет по экологическому строительству (Russian Green Building Council, RuGBC) – представитель России во Всемирном совете по экологическому строительству (WorldGBC). Миссия RuGBC состоит в продвижении на российском рынке инновационного подхода, получившего в международной практике название «экологическое строительство» («зеленое строительство», green building), и объединении участников всей цепочки процесса, начиная с разработки проекта до эксплуатации и утилизации здания. Цели Совета: **1** Создание единого сообщества профессионалов, выступающих за применение принципов ответственности, устойчивости и инноваций в своей ежедневной деловой практике; **2** Внедрение национальной системы сертификации «зеленых» зданий в условиях российского рынка с привлечением международного опыта; **3** Информирование участников рынка о технологиях экологического строительства, а также разработка образовательных программ и тренингов в этой области для представителей различных направлений архитектурно-строительной индустрии. Кроме того, RuGBC организует туры для ознакомления с лучшими примерами экологичной архитектуры в разных странах мира. Стало традицией посещение европейской выставки Ecosolve в Лондоне (в этом году мероприятие пройдет в марте) с обязательными экскурсиями на самые экологичные новостройки.

строительную индустрию, которую даже смешно сравнивать развитыми индустриальными странами.

Хорошо, что это осознают на самом верху. Президент Дмитрий Медведев признал, что «энергетическая интенсивность», то есть

потребление энергии на душу населения, в России втрое выше, чем в странах Евросоюза и вдвое выше, чем в США. В рамках выполнения межгосударственных соглашений по сокращению выбросов парниковых газов Россия планирует к 2020 году повысить энергоэффективность на 40 процентов – прежде всего за счет строительства.

Но сделать это будет непросто. Вроде бы все понимают, что энергоэффективность, экологичность материалов, социально ответственное проектирование призваны минимизировать негативное влияние на окружающую среду, обеспечить безопасность пользователя и сэкономить потребление ресурсов. Но на деле оказывается, что участники рынка недвижимости не заинтересованы в экологическом строительстве. Наши девелоперы, как правило, не эксплуатируют возведенные ими объекты, поэтому думают только о снижении себестоимости строительства, конечного же потребителя волнует цена приобретаемой недвижимости, а не экология. Отсутствие государственного стимулирования и финансовой поддержки делает применение «зеленых» технологий нерентабельным.

В «Сколково» действует иная модель. Резиденты арендуют жилье у города, город внедряет «зеленые» строительные технологии, которые обернутся экономией в процессе эксплуатации зданий. Проектировщики иннограда начинают не с нуля. В мире уже накоплен огромный опыт экологического строительства. Разобраться в этой информации нам поможет Алексей Поляков, генеральный директор «Прогности Проджект Менеджмент» и член правления Совета по экологическому строительству в России (RuGBC).

Откуда берет свое начало история экологического строительства?

Ее легко проследить по кризисам мировой экономики, сопровождающимся ростом цен на углеводородное сырье. Все началось в 1973 году – с череды арабо-израильских конфликтов, известных как война Судного дня. Война закончилась нефтяным эмбарго и резким ростом цен на нефть и газ. Потом в 1991-м была «Буря в пустыне» и последовавший за ней очередной энергетический кризис. В ответ США приняли Акт о развитии новых технологий и использовании альтернативных источников энергии. Затем в 2003–2008 гг.: новая интервенция США в Ираке и Афганистане, увеличение стоимости углеводородов, осознание того, что климат планеты меняется, и в потеплении во многом виноват человек. 2009 год – крупнейший после Великой депрессии финансовый кризис. Происходит запуск «Программы 20–20–20» **1**. В процесс строительства энергоэффективной экономики включаются такие гиганты, как Россия и Китай. И, наконец, после катастрофы на атомной станции Фукусима в марте 2011 года введены ограничения на использование традиционных источников энергии.

То есть, если мы хотим, чтобы будущим поколениям достались хоть какие-то ресурсы земли, мы должны умерить свои аппетиты и «не залезать в карман» к детям и внукам? Это и есть устойчивое развитие, о котором все твердят сегодня?

Применительно к строительству это означает, что важно учитывать не только стоимость стройки, но и затраты на эксплуатацию здания на протяжении всего срока его жизни, а также его воздействие на окружающую среду. Международные «зеленые» стандарты,

принимают в расчет в первую очередь именно это. Но давайте обо всем по порядку. Первой появилась система BREEAM – Building Research Establishment’s Environmental Assessment Method (метод экологической оценки Организации по исследованию зданий, BRE), созданная в Великобритании в 1990 году. Самые разные постройки (от школ до тюрем) оцениваются по девяти категориям: управление проектированием, строительством и зданием; здоровье и благосостояние пользователей; использование (экономию) энергии; транспортная доступность; использование (экономию) воды; строительные материалы; переработка мусора; эффективность использования земельного участка; загрязнение окружающей среды. Категории имеют разный вес (например, энергия – максимум 19%, здоровье – 15%, вода – 6% от общего количества баллов). В зависимости от оценки здание получает степень от «сертифицировано» (от 35% от общей суммы баллов) до «выдающийся рейтинг» (от 85%). Более двухсот тысяч зданий сертифицировано и около полутора миллионов зданий зарегистрировано для сертификации по BREEAM во всем мире; сертификацию проводят 2500 лицензированных оценщиков.

В России что-то сертифицировано по этой системе?
Шестнадцать зданий зарегистрированы для сертификации, десять из этих объектов входят в программу строительства к Олимпиаде-2014 в Сочи. В 2010 году было сертифицировано первое здание по стандарту BREEAM для офисов – это Ducat Place III в Москве.

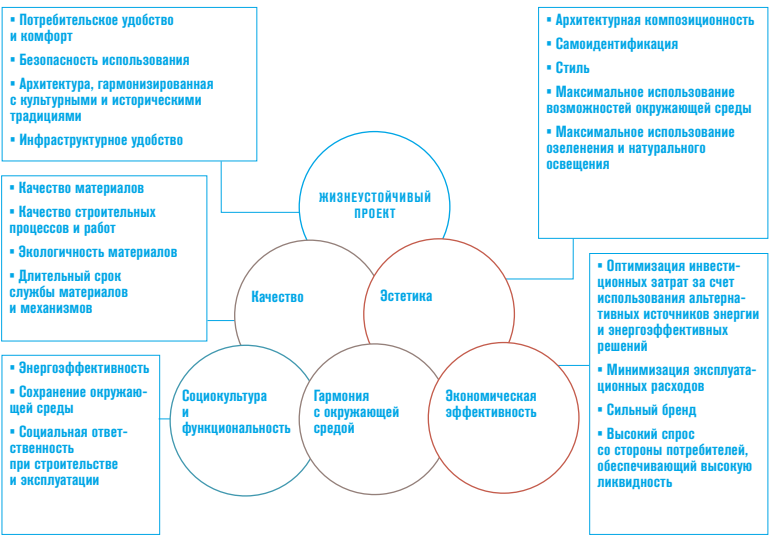
Главный конкурент BREEAM – это LEED?
Совершенно верно. LEED – Leadership in Energy and Environmental Design (Лидерство в энергоэффективном и экологическом проектировании) – система рейтингов для зданий, разработанная Советом по экологическому строительству США (USGBC) в 1998 году по образцу BREEAM. Здания оцениваются по шести параметрам: эффективное использование земельного участка (26 баллов); расход воды (20 баллов); энергоэффективность и выбросы в атмосферу (35 баллов); материалы и ресурсы (14 баллов); внутренний микроклимат здания (15 баллов); инновации проектирования (10 дополнительных баллов). Проекты, получившие от 40 до 49 баллов, просто сертифицируются. Более выдающимся зданиям присваиваются «серебряная» (50–59 баллов) или «золотая» (60–79 баллов) категории. Наивысшие достижения (80 и более баллов) соответствуют «платине». Сертификация по LEED применима к новым и старым постройкам, общественным интерьерам, зданиям без отделки, торговым и образовательным сооружениям, жилым домам и целым микрорайонам. LEED располагает сетью из 23 тыс. оценщиков (аккредитованных профессионалов); на ноябрь 2011 года сертифицировано 9 тыс. проектов и более 24 тыс. зарегистрировано. В России одиннадцать проектов зарегистрированы в LEED, первым сертифицированным зданием в октябре 2010 года стал завод подшипников SKF в Твери.

Понятно, что сравнивать стандарты сложно, но все-таки... Попробуйте!
BREEAM и LEED имеют свои сильные и слабые стороны, собственные философию и модель бизнеса. BREEAM основан на научной базе, больше внимания уделяет социальным вопросам, адаптируется под местную специфику. LEED более прозрачен и целиком базируется

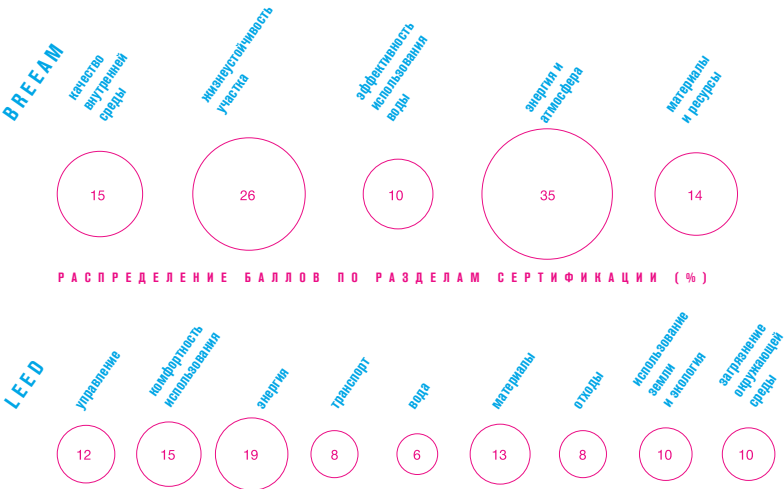
Энергоэффективность - принципы проектирования

Что такое жизнеустойчивый проект (Sustainable Design&Development)

Принципы жизнеустойчивого девелопмента, определенные ведущими международными стандартами LEED и BREEAM, учитывают как процедуру и стоимость строительства, так и затраты на эксплуатацию и поддержание здания на протяжении всего срока его жизни.

от экозданий к экогородам

1
Первенцем экостроительства считается дом, построенный в Дармштадте в 1990 г. по стандарту Passivehaus. С тех пор по этому стандарту сертифицировано более 25 тыс. домов. Основной критерий пассивных домов – потребление всей первичной энергии (отопление, горячая вода и электричество) не должно превышать 120 кВт на кв. м в год

2
«Солнечное поселение» (Solar Sendlung) – бывшая военная база во Фрайбурге, преобразованная в жилой квартал. К 2040 г. поселение должно обеспечивать себя энергией исключительно за счет солнца. Речь идет о 100 домах со сверхнизким потреблением энергии, и о 60 энергетически активных зданиях, переправляющих излишки энергии в городскую сеть

3
Экопрообразом «Сколково» можно считать университетский кампус Eco-Viikki (23 га) в пригороде Хельсинки. Для этого объекта были разработаны собственные стандарты. Финансирование и реализация проекта велись с участием государства. Основные характеристики экодомов: остекленные балконы, наличие водосберегающей сантехники, систем использования дождевой воды и проч.

4
BedZED – Beddington Zero Energy Development, жилой комплекс, построенный в Хакбридже, южном пригороде Лондона. Архитектор Бил Данстер [Bill Dunster] получил за него множество наград, включая номинацию на премию Стирлинга 2003 г. Энергоэффективность достигнута за счет ориентации домов на юг, тройного остекления и усиленной теплоизоляции. Внутри квартала жители перемещаются на электро- и газомобилях. Для дальних поездок предусмотрена система совместного использования автомобилей (car sharing)

5
Лестер (Leicester) в 1990 г. стал первым экогородом (Environment City) в Великобритании. Здесь решили сократить к 2025 г. выбросы углекислого газа на 50% от уровня 1990 г. и повысить на 20% использование альтернативной энергии к 2020 г. Объекты Лестера имеют уникальные экологические характеристики

Справка Роберт Уотсон. Родился в Чикаго, штат Иллинойс, США. В середине 1990-х разработал систему сертификации LEED (Leadership in Energy and Environmental Design). До 2006 г. возглавлял Американский совет по «зеленому» строительству (US Green Building Council, USGBC). В настоящее время является председателем правления, генеральным директором и главным научным сотрудником основанной им корпорации Eco Tech International Group (ETI) и всех ее дочерних компаний. Единственный иностронец, удостоенный китайской награды Green Award (2005). В 2002 г. стал первым лауреатом американской премии Green Building Council за выдающиеся достижения в области экологического строительства

на американских стандартах. LEED скорее ориентирован на бизнес (комфорт арендаторов зданий) и прибыль (эффективное использование земельного участка), в то время как BREEAM больше ценит экологические аспекты. Высокая оценка здания по одному стандарту не гарантирует высокого рейтинга по второму. По числу сертифицированных и зарегистрированных зданий BREEAM лидирует десятикратно, но LEED заявляет о превосходстве по общей площади рассматриваемых проектов.

Помимо лидеров есть ведь и другие стандарты?

На основе BREEAM созданы системы рейтингов в других странах: Канаде, Корее, Австралии, Гонконге, Нидерландах. Специально для Европы и стран Персидского залива были разработаны стандарты BREEAM International. Американский LEED в неадаптированном виде применяется и в других странах, где активны американские девелоперы и где хотят повысить инвестиционную привлекательность проектов. Отсутствие учета местной специфики ведет к тому, что, например, в Малайзии здание может получить высокую оценку за использование биотоплива, в то время как активная выработка его из пальмового масла ведет к вырубке девственных лесов.

«Зеленое» строительство динамично развивается.

Каков ваш прогноз? Что нас ждет впереди?

От элементарных «зеленых» технологий (пассивные дома и нулевое потребление энергии) мы постепенно переходим к созданию экологических поселений. На уровне кварталов и домов это выражается в принципе «тройного нуля» – нулевое потребление энергии из внешних источников, отсутствие выбросов парниковых газов и полная безотходность. Британская компания BioRegional внедряет во всем мире концепцию «Одна планета». Суть ее вот в чем. Население развитых стран потребляет огромное количество природных ресурсов. Если бы все жители Земли потребляли столько же, нам не хватило бы и трех планет. Последователи этой концепции создают поселения (Dongtan, Tianjin, Nanjing, Meixi Lake, PlanIT Valley), сокращая потребление ресурсов и негативное влияние на окружающую среду до минимума – чтобы будущие поколения могли довольствоваться одной-единственной планетой.

Роберт Уотсон

LEED – это прежде всего баланс. С одной стороны, это вызов, с другой – гибкость

Анастасия Альбокинова

Роберт Уотсон: Мы все в одной команде – стараемся защитить планету!

Наличие у здания сертификата LEED – рыночное преимущество и одновременно признак ответственного отношения к судьбам мира. Сочетание нечастое. При этом получение сертификата остается добровольным делом. За время существования стандарта таких добровольцев набралось уже более семи тысяч. Среди них есть явные архитектурные удачи и ничем не примечательные постройки, тем не менее получившие золотые, серебряные и платиновые сертификаты – в зависимости от воздействия на окружающую среду. Об этом и о многом другом нам рассказал Роберт Уотсон, автор американской системы. Кстати, для «Сколково» в качестве эталона был выбран именно LEED. По крайней мере, пока. Возможно, в дальнейшем он будет доработан и превратится в первый национальный «зеленый» стандарт. Поживем – увидим!

Меня часто спрашивают, обходится ли «зеленое» строительство дороже обычной стройки. Я отвечаю: нет, нет и нет! Все исследования говорят – цена квадратного метра не зависит от соответствия «зеленому» сертификату. Возьмите стол – его можно сделать из красного дерева очень дорогим, но не «зеленым», а можно дешевым и «зеленым». Экологичность, энергоэффективность сами по себе не повышают цену. А вот новые технологии всегда дороги, это нормально.

Еще один важный вопрос: можно ли «пожечь» хорошую архитектуру и заботу об экологии? Можно. Вот, например, башня Тайбэй 101 (в 2007 году владельцы вложили \$1,8 млн в «зеленые» улучшения небоскреба, построенного в 2003 г.). Прекрасный «зеленый гигант» высотой 500 метров, только что получивший платиновый сертификат. Я работал над этим проектом почти два года вместе с архитектурно-консалтинговой фирмой Стивена Лича и компанией Siemens. Мы ломали голову над тем, как сделать небоскреб экологичным. Энергоэффективность, хорошее естественное освещение и проч. – всего этого мы добились за счет использования правильного стекла, но здание никогда не получило бы «платину», если бы не было хорошо спроектировано. Не просто хорошо, блистательно! Другой пример здания, хоть и незавершенного, – «Зеленый парк» в Пекине. Пирамидальная мегаструктура с жилой и офисной функцией общей площадью 200 тыс. кв. м была спроектирована бюро Integrated Design Associates в сотрудничестве с Arup. Несомненно, постройка станет одним из архитектурных символов города, наряду с олимпийским бассейном, стадионом-«гнездом» и т.д. Но вклад объекта в защиту окружающей среды будет не меньшим. Мы усиленно экономим воду, фильтруем воздух и пытаемся сократить потребление энергии на 40% по сравнению с обычными зданиями.

Что касается России, некоторые строительные нормы тормозят пока появление продвинутых разработок. Одна из главных задач «Сколково» – быть наглядным примером таких «зеленых» технологий. Скажем, безопасности использования «серой» воды в технических целях. Об этом волновались чиновники мини-

стерств здравоохранения многих стран, но, проведя, выяснили, что все нормально работает.

Кстати, если уж говорить о влиянии на окружающую среду, давайте разберем пример «Сколково». Казалось бы, забирать сельхозземли (пусть даже под инновационный центр) – не очень хорошее решение. Однако преобладание пешеходной инфраструктуры, улучшенные транспортные и строительные технологии, дополнительные лесопосадки полностью перекрывают негативный эффект. Кроме того, проект должен оживить соседние участки, сейчас заброшенные и замусоренные. Приведенная в порядок территория окажется много больше той, которую займет новый город. Проект можно считать позитивным для России, да и для всего мира. Уверен, в процессе его разработки и реализации мы увидим много интересных изобретений – русские очень находчивы. Мне уже приходилось с этим сталкиваться, я работал в России в конце 1980-х – начале 1990-х, пытался улучшить местные стандарты. Но это был период серьезных потрясений, наши идеи оказались не ко времени. Так что работа не дала конкретных результатов, зато обеспечила задел на будущее. Моя роль в ней была отнюдь не ведущая. Настоящие герои – Юрий Матросов и Игорь Бутовский (оба сейчас заведуют лабораториями в Научно-исследовательском институте строительной физики РААСН). Это они разработали первые энергосберегающие стандарты для Москвы, адаптированные потом для всей России. Я горжусь тем, что участвовал в этом, и рад новому шансу что-то сделать для вашей страны.

Вступление России на стезю «зеленого» строительства – верное решение. Конечно, ваша страна благословенна в смысле запаса природных ресурсов, но лучше их экспортировать, чем тратить. Россия станет богаче и экономически, и экологически. И в процессе «зеленого» строительства будет не столь важно, какой стандарт вы предпочтете. Считаю представителей BREEAM друзьями. Конкуренция существует не между ними и нами, а между сертифицированным и несертифицированным строительством. Мы все в одной команде, стараемся защитить планету. И как защитник природы я рад за проект, который проходит сертификацию – нашу, не нашу, любую. А как бизнесмен считаю, что LEED более успешен, потому что коммерчески ориентирован. У него правильно подобраны средовые показатели, тогда, как BREEAM иногда оказывается сложнее, чем рынок способен воспринять.

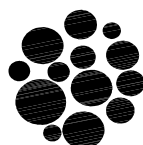
Наша система была создана совместными усилиями архитекторов, инженеров, строителей. Она совмещает профессиональное видение разных специалистов. В системе есть смысл, только когда она востребована рынком, поэтому мы хоть и стараемся быть впереди, но всего на несколько шагов – не убегаем настолько, чтобы нас не могли догнать.

И не стоит забывать – важно не только правильно построить, но и правильно эксплуатировать. Сам я, например, живу в обычном доме (он был построен в 1976 году, до появления термина «зеленая архитектура»). Но мой образ жизни можно назвать вполне экологичным: у меня нет машины, я занимаю небольшую квартиру, оборудованную светодиодными и компактными лампами, у меня энергоэффективный холодильник. В общем, делаю, что могу!

Наталия Почечуева

SunFlowerBuilding «Дом-подсолнух» – первое углеродно-нейтральное здание в России

На это здание возложено две миссии. Во-первых, оно должно стать форпостом «зеленого» строительства в «Сколково», демонстрирующим передовые методы устойчивого домостроения, энергоэффективные технологии и здоровый офисный стиль. Во-вторых, никто не отменяет использования пространства по прямому назначению. «Дом-подсолнух» будет удобным офисом, в котором разместится один из резидентов иннограда, какая-нибудь динамичная современная компания.

Идея SunFlowerBuilding возникла во время осмотра президентом России Дмитрием Медведевым «Дома-маяка» в Копенгагене. Так что не случайно созданием сколковского аналога занимаются датчане – архитектурное бюро Arkitema Dot (рук. проекта Йорген Бах, в разработке здания также активно участвует российский архитектор Павел Лысихин) и инжиниринговая компания Rumboll. Именно баланс между архитектурно-планировочными и инженерными решениями позволяет обеспечить нулевой уровень выделения CO₂.

SunFlowerBuilding обязан своим образом цветку, который следует за солнцем. Как и этот прототип, здание получает максимальное количество света и тепла. Свет проникает внутрь сквозь стеклянную кровлю, скошенную в сторону юга. Тепло аккумулируют фотоэлектрические панели и тепловые солнечные коллекторы, закрепленные на «капителях» колонн. Эти элементы (по форме напоминающие подсолнухи) выполняют несколько функций. Они служат несущими опорами каркаса здания, обеспечивают эвакуацию талой и дождевой воды – сквозь стебли-колонны, как сквозь трубки, вода с кровли поступает в подземный накопительный резервуар.

Благодаря солнечным коллекторам вода летом в резервуаре нагревается до 80°C. Тепло, накопленное в емкости в течение летнего сезона, зимой используется для обогрева здания.

Все этажи «Дома-Подсолнуха» объединены атриумом. Вместе с двойным остеклением он обеспечивает полный цикл естественной вентиляции, при которой теплый воздух поднимается между оболочками фасада и опускается в атриум охлажденным. Помимо этого, двойная оболочка фасада является защитой здания от перегрева летом и холода зимой. При необходимости для затенения могут использоваться вертикальные ламели с высокими теплоизоляционными характеристиками, выполняющие роль жалюзи. Они работают в нескольких режимах. Закрыты в ночное время, полуприкрыты во время сильной жары и открыты в прохладное время года.

В интерьере созданы оптимальные условия для работы. Вредные материалы здесь использоваться не будут. Сплошное остекление и свободная планировка дают возможность обеспечить все рабочие места максимальным количеством естественного света. Благодаря системе вентиляции и естественному кондиционированию воздух в здании всегда свежий. В таких пространствах люди меньше болеют.

«Дом-подсолнух» уже зарегистрирован для получения сертификации по стандарту LEED (первым в проекте «Сколково»). SunFlowerBuilding станет первым углеродно-нейтральным зданием в нашей стране.

Основные элементы SunFlowerBuilding

Двойное остекление фасада

Колонны, по форме напоминающие подсолнухи

Перекрытия из бетонных плит

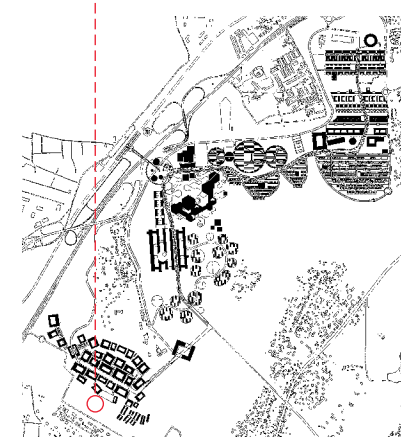
Подземное хранилище дождевой воды

Кровля наклонена и развернута на юг – в сторону солнца. Установленные на кровле фотоэлектрические панели (солнечные батареи) и солнечные тепловые коллекторы снабжают здание электроэнергией. Через стеклянную оболочку внутрь проникает достаточное количество естественного света

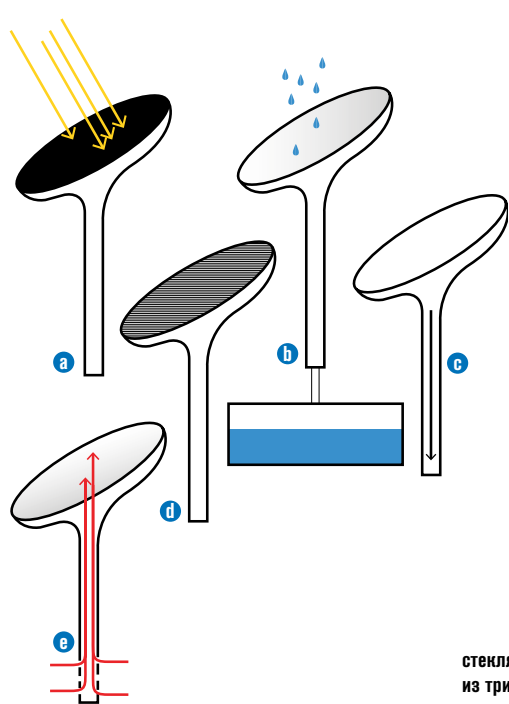
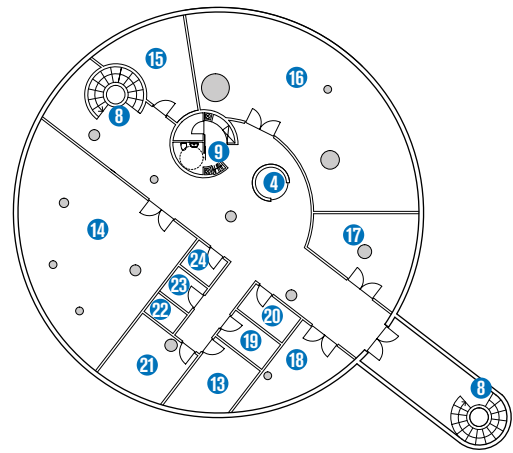
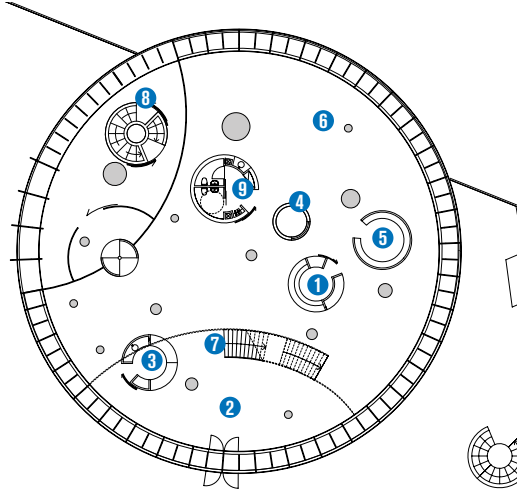
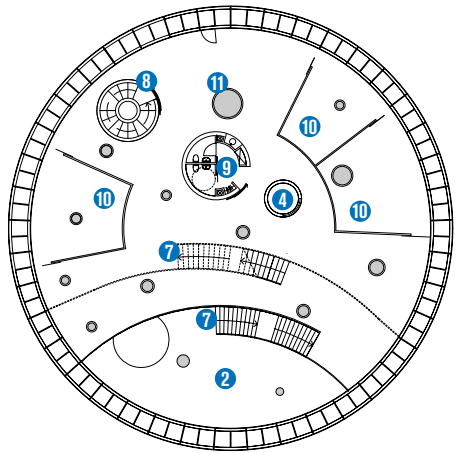
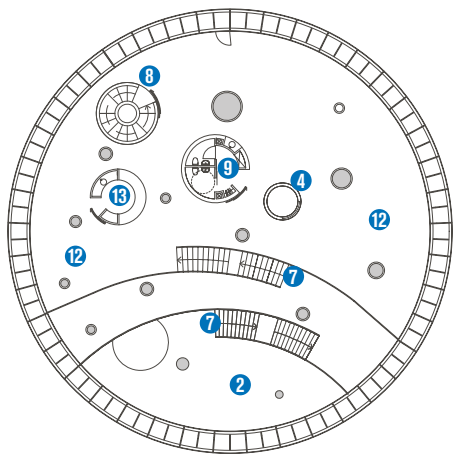

Положение SunFlowerBuilding на мастер-плане «Сколково»

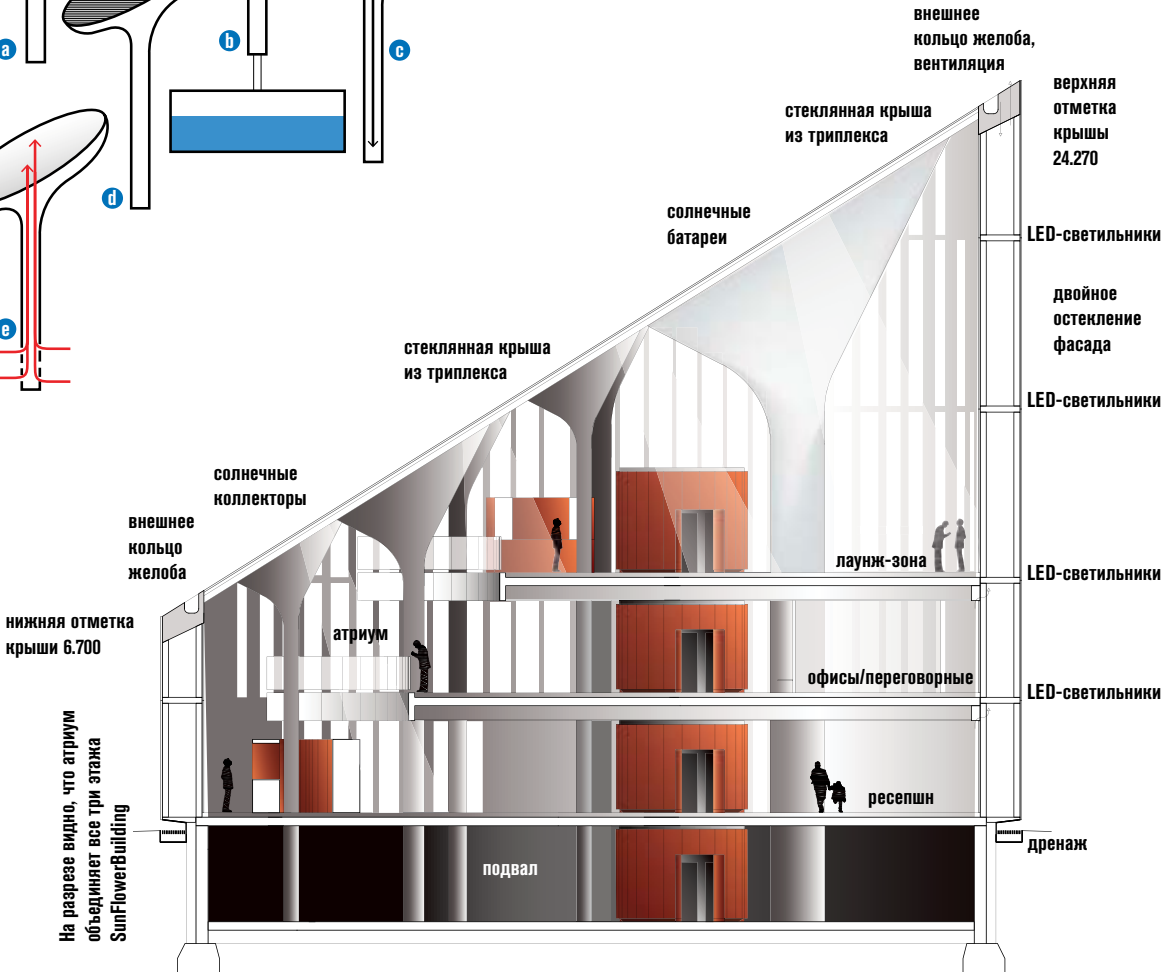

- 1 Стойка ресепшн
- 2 Атриум
- 3 Кухня-кафе
- 4 Лифт
- 5 Библиотека
- 6 Выставочный зал
- 7 Лестница
- 8 Пожарный выход
- 9 Блок (кухня, с/у, гардероб)
- 10 Переговорные
- 11 Рабочая станция
- 12 Конференц зал/лаунж-зона
- 13 Подсобное помещение
- 14 Установка для подогрева, охлаждения и очистки воды
- 15 Комната спринкерного пожаротушения
- 16 Венткамера
- 17 Кладовая
- 18 Комната для хранения велосипедов
- 19 Охрана
- 20 Основная панель управления
- 21 Диспетчерская
- 22 Электрощитовая
- 23 Серверная
- 24 Преобразователь солнечной энергии

Планы 3-х этажей и подвала SunFlowerBuilding

а) фотоэлектрические панели (солнечные батареи) снабжают здание электроэнергией; б) дождевая вода по колоннам-стеблям попадает в подземный накопительный резервуар; в) колонны работают как вентиляционные вытяжки; д) благодаря солнечным тепловым коллекторам происходит нагрев воды в резервуаре; е) но прежде всего колонны-подсолнухи – это конструктивные элементы

Все этажи SunFlowerBuilding соединены между собой атриумом. В сочетании с двойной оболочкой фасада атриум обеспечивает полный цикл естественной вентиляции. Живые растения очищают воздух и обогащают его кислородом

Джианг Джун (Jiang Jun)

ЧП районного масштаба

Клубок противоречий

Строительство «Культурного района Западного Коулуна» (WKCD) впервые появилось на повестке дня правительства Гонконга в 1998 году – год спустя после того, как Великобритания передала этот город Китайской Народной Республике. Работа над данной задачей продолжается уже более двенадцати лет. За это время сменилось два управляющих проектом, было объявлено несколько конкурсов ❶, прошло множество публичных обсуждений. Проект породил долгие и обширные споры. Они не прекратились и после подведения итогов последнего конкурса, прошедшего в марте 2011 года, в котором участвовали ОМА (Нидерланды), Rocco Design Architects Limited (Гонконг) и победившие в итоге Norman Foster and Partners (Великобритания).

Причина этих споров не в последнюю очередь заключается в том, что публика зачастую путает дискуссии на тему городского планирования с дискуссиями об уникальности архитектуры. При этом архитекторов, способных понимать социально-экономический контекст во всей его полноте и в то же время делать качественные проекты, можно пересчитать по пальцам одной руки. О чем и свидетельствуют результаты конкурса, которые будут рассмотрены ниже.

Геополитический контекст

Напомним, что Гонконг – это специальный административный район Китая. Своим статусом город обязан той специфической роли, которую он играл в современной истории Поднебесной. В течение шестидесяти лет после Второй мировой войны Гонконг активно развивался, пользуясь преимуществами своего

положения на стыке двух культур – китайской и западной. Сначала город и материк сосуществовали в рамках политики «одной границы» ❷, затем – идеологии «Одна страна, две системы», выдвинутой в 1980-е годы Дэн Сяопином ❸.

Специфика положения Гонконга объясняет решение правительства Мао Цзэдуна не забирать город у Великобритании после образования КНР в 1949 году. Особый статус делал Гонконг не только крупным торговым и логистическим центром, но и потайным окном, через которое коммунистический Китай мог устанавливать контакты с капиталистическим миром. Данный статус, который не смогли нарушить ни Корейская война, ни «холодная», впоследствии способствовал созданию в КНР особых экономических зон и активному проникновению на материк рыночной экономики. Для Великобритании город также был особой территорией. Империя установила здесь квазирепрезентативную политическую систему, было учреждено правительство Гонконга и введено что-то вроде демократического самоуправления ❹. Пересекаясь и взаимодействуя в Гонконге, восточная и западная цивилизация становились более совместимыми друг с другом.

«Перекресток» и «культурная пустыня»

Существует общепринятое суждение о том, что Гонконг является «интерфейсом» между восточной и западной культурой. Это определение также применимо и к другим азиатским колониальным портам, таким как Сингапур и Мумбай. Упирая на то, что Гонконг является «перекрестком цивилизаций», мы часто забываем о Гонконге как о важном месте контактов между северными и южными регионами Большого Китая, включая Макао и Тайвань. При этом Гонконг как «интерфейс» между Востоком и Западом сегодня уже не так актуален, ведь современный Пекин способен коммуницировать с иностранными державами напрямую.

Другим клише, которое часто используется, чтобы охарактеризовать Гонконг, является утверждение, что этот город – «культурная пустыня». Возникновение данного клише обусловлено прежде всего тем, что западная культура проявила себя здесь лишь в развитой сфере обслуживания и банковской системе, а традиционная китайская – главным образом в фильмах с Джеки Чаном со товарищи. За исключением недавно возникшей международной арт-ярмарки (Art HK), здесь не проводится сколько-нибудь значимых событий в области искусства, фактически город не имеет своего культурного лица.

Однако при этом Гонконг имеет все возможности для превращения в эпицентр художественной и интеллектуальной жизни, по крайней мере регионального значения. В период Культурной революции (1965–1976), собственно, им он и являлся. Власти Гонконга, находившегося под протекторатом Великобритании, предоставляли континентальным китайцам беспрепятственный въезд. Беженцы, использовавшие город как транзитный пункт для эмиграции в Европу, Северную Америку и Австралию, сделали его центром всех чайна-таунов мира. То же можно сказать и о «триадах» ❺. При этом многие интеллектуалы, вынужденные бежать из КНР и Тайваня, рассматривали Гонконг как «культурное убежище». Свобода слова, которой диссиденты пользовались в Гонконге, позволила закрепиться за ним еще одному названию. Город стали именовать «столицей запрещенных китайских книг».

Джианг Джун
архитектор и урбанист,
главный редактор журнала
Urban China, доцент университета Гуанчжоу

Кратко о структуре Гонконга

Центром мегаполиса считается бухта Виктория, к которой примыкают остров Гонконг с юга и полуостров Коулун с севера. Первый когда-то был одним из многих островов в коллекции британских колоний, а второй являлся миниа-турным отростком Китая, выходявшим в бухту. Первый был местом, где располагались такие колониальные институции, как Дом правительства и Университет, а второй служил территорией для размещения китайских поселений, в том числе ныне снесенной легендарной Коулунской крепости (Kowloon Walled City) ❶. Первый стал важнейшим мировым финансовым центром, тогда как второй только собирается «подключиться» к глобальным сетям в качестве центра культуры.

Предпосылки появления WKCD

До начала китайских экономических реформ и перехода Гонконга под юрисдикцию КНР этот город был безусловным финансовым центром региона, демонстрирующим устойчивый

экономический рост. В «нулевых» ситуация изменилась. После финансового кризиса, поразившего в 1997 году страны Юго-Восточной Азии, право называться деловой столицей Китая начал все более активно оспаривать Шанхай. В самом развитом городе КНР, где с 1990 года функционировала фондовая биржа, на рубеже XX и XXI веков начался экономический и строительный бум, в результате которого Шанхайский порт стал крупнейшим в мире по грузообороту (443 млн т грузов/год). Относительно дешевой и квалифицированной рабочей силе, поддержке Пекина, а также низким ценам на недвижимость в Шанхае Гонконг мог противопоставить развитую сферу услуг, сильную правовую систему и большой опыт в банковском деле. Переезд головных офисов многих крупных компаний из Гонконга в Шанхай заставил местную администрацию задуматься об усилении привлекательности города, а также о диверсификации его экономики.

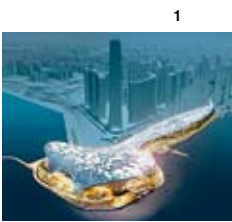
Было решено попытаться счастья на рынке инновационных технологий. Первым проектом

такого рода стал Киберпорт (Cyberport), который был сооружен на территории площадью 24 гектара на берегу Телеграфной бухты, расположенной в южной части острова Гонконг. Реализация проекта, начавшаяся в 1999 году, завершилась в 2008-м. Однако уже в процессе строительства стало ясно, что конкурентно-способным этот кластер не будет – главным образом из-за высоких цен на землю, а следовательно и на недвижимость. К тому же в регионе уже сложились хорошо зарекомендовавшие себя инновационные центры, такие как Сингапур или южно-корейская «Медиа-долина» в Инчхоне.

Как сфера возможных инвестиций и один из векторов диверсификации профиля Гонконга, помимо инноваций, была выбрана культура. Возникла идея строительства культурного центра мирового класса, а в качестве места был выбран Западный Коулун. Будущий «Культурный район Западного Коулуна» (WKCD) займет площадь около 40 га, однако его влияние должно распространиться далеко за пределы границ этого участка. Для Гонконга WKCD призван стать центром, стимулирующим появление и развие разнообразных очагов культуры в других районах мегаполиса. Вопросы, связанные с планированием этой территории, с самого начала следует увязывать с культурной политикой, соответствующей поставленной задаче.

Для КНР WKCD может стать площадкой активных культурных контактов с Гонконгом, Макао, Тайванем, а также с китайской диаспорой, что будет способствовать превращению Гоконга из специального административного в специальный культурный район. Если же говорить о мировом значении проекта, то цель его инициаторов, городских властей, состоит в том, чтобы превратить «Культурный район Западного Коулуна» в своеобразную витрину, не только демонстрирующую многоликую и в то же время единую китайскую культуру, но и способствующую ее экспорту. Все эти задачи высвечивают значение последнего конкурса на проект WKCD, который явился крупнейшей архитектурной инициативой в новейшей истории Дальнего Востока.

Перевод с английского Ивана Третьякова

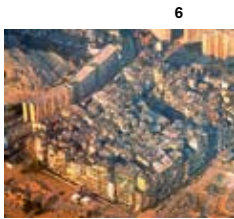
Десять лет назад, в первом конкурсе на застройку WKCD, организованном правительством Гонконга, победил Норман Фостер с проектом огромного стеклянного купола в духе Фуллера. Но в итоге проект был отвергнут ввиду слишком большого масштаба здания, которое по мнению и жителей, и властей оказалось слишком претенциозным. Единая мегаструктура позволила бы горстке магнатов-девелоперов монополизировать строительство знакового ансамбля. Разбить процесс застройки на этапы также оказалось практически невозможно, что грозило огромными экономическими рисками. «Стеклянный купол» не только исключал из процесса множество мелких застройщиков, но и делал культуру побочным продуктом коммерческой инфраструктуры, расположенной под этим гигантским «храмом собственности».

Политика «одной границы» проводилась в Гонконге во время правления династии Цин (1644–1912) и являлась одним из следствий китайского изоляционизма. Гонконг был единственным портом, открытым иностранным торговым судам. Иностранцы не имели права покидать порт и учить китайский язык. Спросом в Китае пользовались лишь русские меха и итальянское стекло, в свою очередь китайские товары (шелк, фарфор, чай и проч.) считались на Западе эксклюзивными предметами роскоши. Соответственно, бо́льший уклон был в сторону китайского экспорта, оплачиваемого драгметаллами. Чтобы компенсировать этот перекоп, Ост-Индская компания стала нелегально импортировать в Китай через Гонконг бенгальский опиум. К 1838 г. оборот составил 2000 т опиума, число регулярно употребляющих наркотик достигло нескольких миллионов китайцев всех сословий, что привело к Первой опиумной войне (1840–1842). В результате поражения Китая Гонконг стал британской территорией.

«Одна страна, две системы» – идеология, выдвинутая в начале 1980-х гг. руководителем Китайской Народной Республики Дэн Сяопином, в соответствии с которой политическая система Китая должна была претерпеть изменения. Дэн Сяопин предложил вариант, при котором существовал бы только один Китай, но при этом такие территории, как Гонконг, Макао и Тайвань могли бы иметь собственные капиталистические экономические и политические системы, в то время как на материке господствовал бы социализм.

Согласно Основному закону, выполняющему роль конституции Гонконга, местные власти сохраняют всю полноту суверенитета над данной территорией, за исключением вопросов обороны и внешней политики. Пока Гонконг был колонией, его губернатора назначала королева Великобритании. После возвращения города под юрисдикцию КНР его возглавляет Главный министр Администрации Гонконга, избираемый особым комитетом, состоящим из 800 человек, число регулярно употребляющих наркотик достигло нескольких миллионов китайцев всех сословий, что привело к Первой опиумной войне (1840–1842). В результате поражения Китая Гонконг стал британской территорией.

Как указывает С. Абдылбаев в статье «Китайские триады», опубликованной на сайте <http://gangsta.nnov.ru>, «“Триада” – это традиционная форма преступного сообщества, которая существует в Китае со II века до н. э. Впервые упоминания о триадах в китайской летописи появились в период царствования императора Цинь Ши-хуанди (221–210 гг. до н. э.), когда маленькие группировки пиратов и работорговцев решили объединиться в три больших сообщества под названием “Тень лотоса”. По мнению исследователей, свое название мафия Поднебесной заимствовала из священного символа китайского общества “небо, земля, человек”, образующих символический треугольник. Окончательно за китайскими триадами это название закрепилось лишь в XVII в. Согласно некоторым дошедшим до наших дней письменным манускриптам, в 1644 г. всадники-кочевники маньчжурской династии Цин захватили Китай и разрушили знаменитый своими боевыми искусствами монастырь Шао-линь. В живых остались лишь трое монахов, ушедших за провизией. Вернувшись, троица увидела только пылающие руины и истыканные стрелами тела товарищей. Эти-то три монаха и основали первую “триаду” – “Союз Земли, Человека и Неба во имя справедливости”».

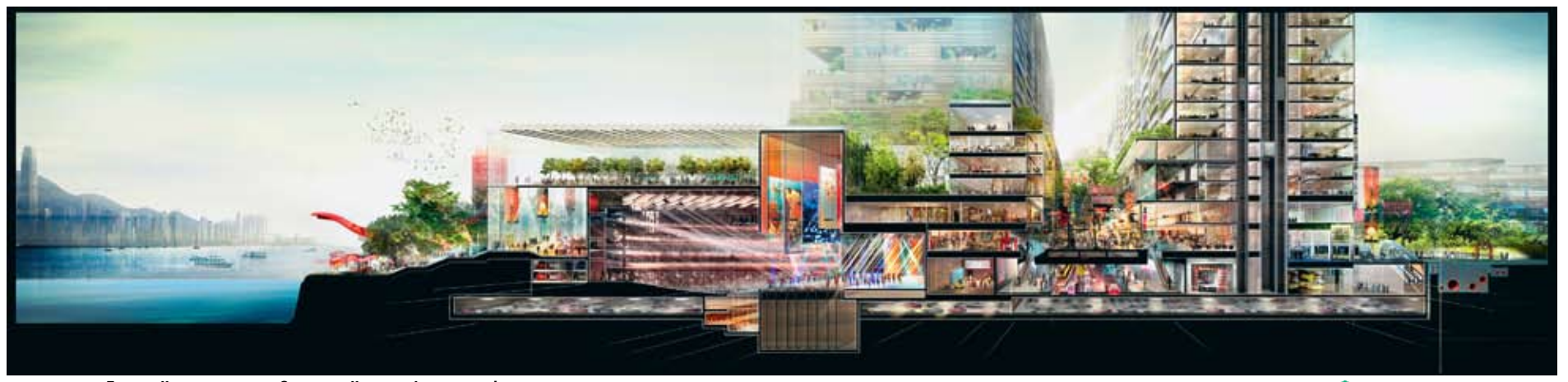
Первые укрепления на этом месте были возведены во времена Империи Сун (960–1279). В 1842–1847 гг. в связи с переходом Гонконга под юрисдикцию Великобритании на их месте была возведена крепость. В 1898 г. территория Коулуна была также передана Великобритании на 99 лет. Однако крепость в состав переданных территорий не вошла, а была захвачена год спустя англичанами, со временем превратившими ее в объект туризма. В 1940 г. крепостные стены были разрушены японцами, которым требовался стройматериал для сооружения военного аэропорта Кай Так (Kai Tak). После капитуляции Японии во Второй мировой войне Китай заявил о своих правах на территорию крепости, где к тому времени проживало 2000 жителей, Британия ответила политикой невмешательства. В результате практически в центре Гонконга возник никем не управляемый анклав, в котором сконцентрировались наркомания, проституция и преступность. Когда в 1959 г.

полиция Гонконга попыталась навести там порядок, выяснилось, что район полностью контролируется «триадами». В результате была проведена тотальная реконструкция района, который практически полностью застроили панельными домами. К 1987 г., когда было принято решение о сносе остатков «Коулунской крепости», ее территорию в 0.03 кв. км населяли 33 тыс. жителей.

31

Градо_проект

32

Проект «Культурный район Западного Коулуна» бюро лорда Фостера в разрезе

В основу планировочного решения лорд Фостер положил типологию городского парка, который находится в западной части WKCD

Сергей Куликов

Градостроительное решение

Участникам конкурса – бюро Foster and Partners, Rocco и OMA – предлагалось разместить на площади порядка 40 га семнадцать культурных объектов, в том числе музей современной культуры M+, «Главную сценическую площадку» (Mega Performance Venue), один «Большой» театр (Great Theater), два «Средних» (Medium Sized Theater) и три «Малых» (Black Box Theaters), а также залы для концертов, камерной музыки и традиционной китайской оперы. Некоторые ограничения решениям архитекторов задавала вытянутая с запада на восток конфигурация участка, протяженность которого в длину составляет около полутора км, а в ширину колеблется от 300 до 600 м.

Проект бюро Фостера представлен под заголовком «Городской парк». Замечая, что все великие города имеют великие парки, Фостер фактически делит участок на две части, расположив в его западной оконечности некое подобие нью-йоркского Центрального парка, где точно размещены «Дом оперы» (Opera House), а также объединенные в одном здании Mega Performance Venue и выставочный зал. Примыкающая к парку смешанная застройка предстает собой два регулярных квартала с прямоугольной сеткой пешеходных улиц. Весь транспорт при этом уведен под землю.

На вытянутом участке Россо Architects создают упрощенный аналог «поточно-функциональной

системы планировки» Николая Милютин. В северной части WKCD находится деловая зона, которая является своего рода буфером между Культурным районом и расположенным над ним деловым кварталом Юнион-сквер (Union Square). В центре участка расположено линейное «культурное ядро» района – мегаструктура с театрами, концертными залами, выставочными пространствами. И наконец у воды, как завещал Милютин, находится парковая зона. Основным недостатком проекта является противоречие между градостроительной ситуацией WKCD и предложенной планировочной структурой: район располагается в зоне сужения транспортного потока, а не служит транзитным пунктом, как положено линейному городу. Предусмотренная Россо ориентация транспортных потоков на восток может превратить Культурный район в культурный тупик, то же относится и к проекту Фостера.

Если предыдущие два проекта отсылают к давно известным типологиям, связанным с градостроительными схемами индустриальной эпохи, то архитекторы бюро Рема Колхааса решили прибегнуть к местным традициям планирования. Учитывая, что в отличие от колониальной части Гонконга на полуострове Коулун до начала XX в. располагались традиционные китайские поселения, фактически не имевшие регулярной планировки, бюро OMA решило скомпоновать

застройку в три разнохарактерных квартала, соединенных парковыми зонами. Все три квартала названы «деревнями»: «Центральная деревня» на западе, «Центральная деревня», где пространства, предназначенные для классической китайской оперы, сочетаются с торговыми заведениями, а также «Восточная деревня», где находится музей современной культуры M+, мегаструктура, напоминающая здание Минавтодора в Тбилиси. Во всех трех кварталах OMA проектирует сложные системы различных микроразделов, отчасти напоминающие хаотически застроенную и густонаселенную китайскую деревню. Камерный масштаб улочек позволяет создать гораздо более разнообразную среду, нежели у Фостера и Россо, а также дает большие возможности для развития малого бизнеса.

Foster+partners

Office for Metropolitan Architecture (OMA) сделал план участка в виде инфограммы, где прописано наполнение Культурного района

OMA

Три «деревни» OMA соединяют парковые зоны. Красным цветом обозначены основные театральные объекты, оранжевым – музей современной культуры M+

Rosco

«Линейный город» Россо, центральным «хребтом» которого является мегаструктура с различными культурно-развлекательными функциями

Екатерина Головатюк

Транспортные потоки в проекте лорда Фостера, как и у других конкурсантов, утоплены под землю

Довольно монотонное решение набережной лорд Фостер разнообразит с помощью озеленения. Насколько это эффективно, видно по скучающим стаффажным пешеходам

Инфраструктура и транспортная доступность

1. Вантовая эстакада, окрывающая Культурный район на запад; 2. Парк в восточной части WKCD соединяется с Коулунским парком озелененным пешеходным переходом.

1

Хотя территория будущего Культурного района относительно неплохо обслуживается общественным транспортом, отсутствие какой-либо очевидной привлекательности для посетителей и недоразвитость пешеходного сообщения внутри участка породили опасения, что WKCD не удастся спроектировать таким образом, чтобы этот значительный по размерам комплекс воспринимался как единое целое.

Фостер и Россо предлагают стандартное, даже механическое решение этой проблемы. Для перехода из WKCD в соседние районы на северной и восточной границах участка предусматриваются пешеходные мосты, для пассажирского сообщения вдоль оси восток-запад архитекторы Россо прокладывают линию трамвая, а Фостер предлагает соорудить хай-тековский фуникулер.

ОМА идет другим путем. Архитекторы бюро Рема Колхааса стремятся создать не только коммуникационные, но и функциональные связи между WKCD и соседними районами. Так, например, «пенал», где расположена экспозиция поп-культуры музея М+, нависает над фланкирующей WKCD с северо-востока Кантон-роад (Canton Rd), врезающаяся в торговый центр «Виктория» (Victoria mall), расположенный на противоположной стороне магистрали. Несколько крытых пешеходных мостов соединяют коммерческие пространства «Центральной деревни» с мега-моллом (Elements shopping mall) в деловом квартале Юнион-сквер на севере Коулуна. Кроме того, все «деревни» в проекте ОМА связаны подземными переходами с близлежащими станциями метро. В результате пешая прогулка

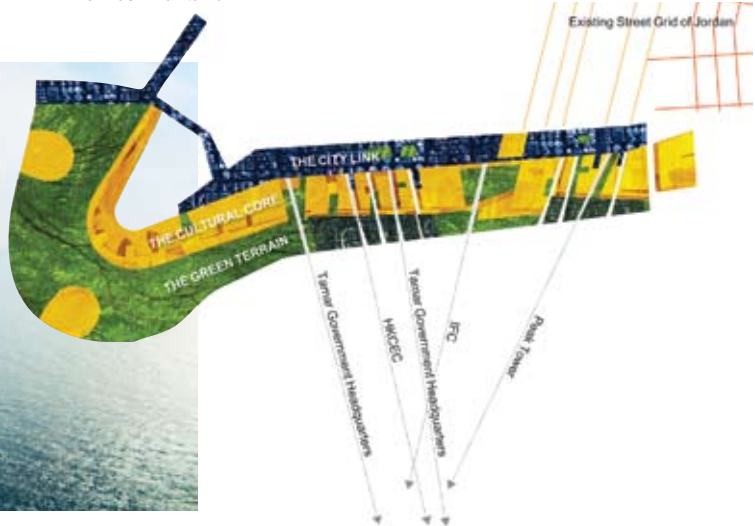
2

из любой точки Культурного района до остановки подземки занимает не более семи минут, что является пределом оптимальной шаговой доступности в условиях одновременно влажного и жаркого климата Гонконга.

Учитывая резкое увеличение трафика после окончания строительства WKCD, все три мастер-плана учитывают строящуюся станцию новой скоростной железной дороги 1. При этом участки Кантон-роад (на востоке) и Остин-роад (Austin Rd, на севере) предлагается утопить под землю, соединив их с многочисленными парковками, расположенными под WKCD. Во всех конкурсных проектах предусмотрена развитая подземная инфраструктура, призванная оттянуть автомобильные потоки, чтобы освободить городской партер для пешеходов и велосипедистов.

В настоящее время западная оконечность Культурного района представляет собой тупик с прекрасным видом на море. Если проекты Фостера и Россо ориентированы в транспортном отношении на восток, то ОМА открывает район на запад, предлагая построить над новым западным въездом монументальную арку, которая держит полуциркульный мост, нависающий над бухтой, где укрываются от тайфунов маломерные суда, и соединяющий стрелку полуострова с деловым кварталом Юнион-сквер.

Проекция сетки существующих улиц на план «Культурного района Западного Коулуна», а также ориентация поперечных разрывов застройки на основные доминанты островной части Гонконга

1
Расположенная на севере участка новая железная дорога, строящаяся по инициативе гонконгского правительства, соединит мегаполис с материковым Китаем, в результате чего WKCD смогут посещать в среднем 10 тыс. человек в час.

1

33

1. Одна из пешеходных улиц, ведущая к набережной вдоль бухты Виктория; 2. Смотровая площадка над заливом в западной части района

2

В западной части Культурного района Фостер разбивает свой Центральный парк, где располагается Дом оперы, чья наплевистая форма заставляет вспомнить Оперу в Пекине Поля Андрё

Трудные сумерки китайских работников культуры в парке WKCD в интерпретации бюро Foster and Partners

1

Екатерина Головатюк

Культурная программа

Гонконг является городом, где базируются несколько театральных трупп, имеющих международное признание (например, экспериментальный театр Zuni), на представления которых в самом городе, однако, ходят лишь малочисленные ценители их творчества. Культурная жизнь мегаполиса находится в спящем состоянии. Чтобы изменить ситуацию, проектное задание, как уже говорилось выше, обязывало участников конкурса спроектировать на территории WKCD пятнадцать театров и два

больших выставочных зала. Чтобы данное количество перешло в качество, каждый из конкурсантов попытался придумать что-то оригинальное.

Одним из ключевых элементов проектного предложения Фостера стала замена нескольких театров на образовательные учреждения, другим – стремление создать смешанную, многофункциональную городскую среду. Крупные театры были спроектированы как изолированные знаковые объекты в западной части района, в то время как менее значи-

2

тельные учреждения культуры встраивались в кварталы плотной застройки, где они совмещались со зданиями коммерческого назначения.

Бюро ОМА предложило создать «специальные зоны» для «производства» культуры, то есть включить репетиционные пространства, художественные студии и лаборатории в проект каждой «деревни». Вместо того чтобы плодить встречающиеся в каждом мегаполисе знаковые объекты «мирового класса», мастер-план ОМА группирует различные сценические и музейные пространства таким образом, чтобы стимулировать активное взаимодействие между ними. Например, Универсальный театр в западной деревне представляет собой комбинацию из разномасштабных сценических пространств, предназначенных

3

для различных театральных жанров – от оперетты до классической китайской оперы. Все эти пространства сгруппированы в общем подиуме, в верхней части которого расположено общее театральное фойе, а в нижней сосредоточены репетиционные залы и мастерские по производству декораций. Музей М+ организован как система продолговатых полос или «пеналов» с универсальными выставочными пространствами, предназначенными для популярной культуры, дизайна, видеоарта и более традиционных форм изобразительного искусства. В целях усиления взаимодействия между разными формами культурной деятельности эти «пеналы» перемежаются с мастерскими и помещениями для образовательных программ, к которым примыкают книжные магазины и гостиничные помещения.

Аналогичным образом, но с большим размахом Россо формирует растянутое по оси восток-запад «культурное ядро», в котором размещаются различные пространства, предназначенные для сценических и прочих искусств, которые комбинируются с открытыми общественными зонами. Культурная и уличная жизнь призваны дополнять друг друга по принципу перекрестного опыления.

1, 3. - Театральная деревня - общий вид, одна из сценических площадей; 2. Мегаструктура музея современной культуры М+

Россо

Схема размещения основных культурных учреждений и общественных пространств

Основное учреждение культуры
Открытые общественные пространства

Естественную флору своего так называемого Центрального парка лорд Фостер населяет искусственной фауной, порожденной фантазией современных художников

Foster+
partners

монотонный характер этой полуторакилометровой линейной мегаструктуры, представляющей собой симбиоз парковых зон и зеленых крыш, накрывающих культурные, торговые и транспортные объекты, не оправдана ничем, кроме следования канонам Миллитоина и, возможно, модернистской образности Бурле Маркса (променада Копакабана в Рио и проч.). Учитывая же то, что, кроме лужаек, авторы не предлагают практически никаких зеленых насаждений, прогулка по набережной превращается в довольно унылое занятие.

Как и в случае с организацией уличной инфраструктуры, где по-новому интерпретируются традиционные китайские типологии, решение зеленых зон в проекте ОМА также представляет собой новое прочтение местных традиций. Учитывая то, что перед нами

Две парковые зоны в проекте ОМА разбиты на ассиметричные участки, напоминающие где-то рисовые поля, где-то фруктовые сады

Сергей Куликов

Ландшафтное решение

Одним из условий конкурсного задания было обустройство масштабных парковых зон, которые должны занимать более трети всей территории «Культурного района Западного Коулуна».

Наиболее консервативно к решению этой задачи подошли

Фостер и партнеры. Руководствуясь примером Манхэттена, они решили разбить на 23 гектарах западной части участка некое подобие Центрального парка, где должна быть сконцентрирована львиная доля всех зеленых насаждений. Большие

парки, с одной стороны, хорошо работают на контрасте с плотной застройкой, которую Фостер разместил в центральной и восточной частях Культурного района, с другой – находясь в центре, играют роль перекрестка многочисленных пешеходных артерий, что делает их оживленными публичными пространствами. Однако, в отличие от Манхэттена и его парка, транспортную доступность Западного Коулуна следует признать весьма относительной – парк Культурного района рискует превратиться в безлюдную зону, которая потребует охраны и дополнительных организационных усилий для того, чтобы ее сделать реально живой.

«Зеленый пояс», предложенный архитекторами Рокко, по сути является парковым расширением набережной и выполняет функцию променада. Однако

условные «деревни», зеленые зоны между ними превращаются в некое подобие сельскохозяйственных угодий, которыми условные «крестьяне» могут пользоваться по собственному усмотрению. Две парковые зоны, именуемые в проекте «парками нового горизонта» (Park of New Horizon) разбиты на ассиметричные ромбовидные участки – где-то рисовые поля, где-то фруктовые сады, где-то огороды, между которыми расположены небольшие водоемы, напоминающие традиционные китайские пруды для разведения рыбы. Это обеспечивает гибкость в организации жизни парка, где можно не только совершать прогулки и любоваться видами, но также выращивать сельскохозяйственные культуры и заниматься рыбной ловлей.

Заключение

Бюро ОМА удалось создать не банальный клон западной урбанизированной территории, а адекватный времени и месту своего рода «загород в мегаполисе». Архитекторы, ведомые Ремом Колхаасом, спроектировали такую среду, которая является и городом, и деревней, и пригородом одновременно. К сожалению, решение жюри не учло этого обстоятельства. Предпочтение отдано более стандартному, а потому и более понятному решению бюро Foster & Partners. Вероятно, успеху лорда Фостера также способствовал его предыдущий весьма успешный опыт работы в Гонконге. Напомним, что здесь построено одно из самых известных зданий архитектора – штаб-квартира Гонконгско-Шанхайского банка, ставшая классикой стиля хай-тек.

«Зеленый пояс» в проекте Рокко представляет собой симбиоз парковых зон и зеленых крыш

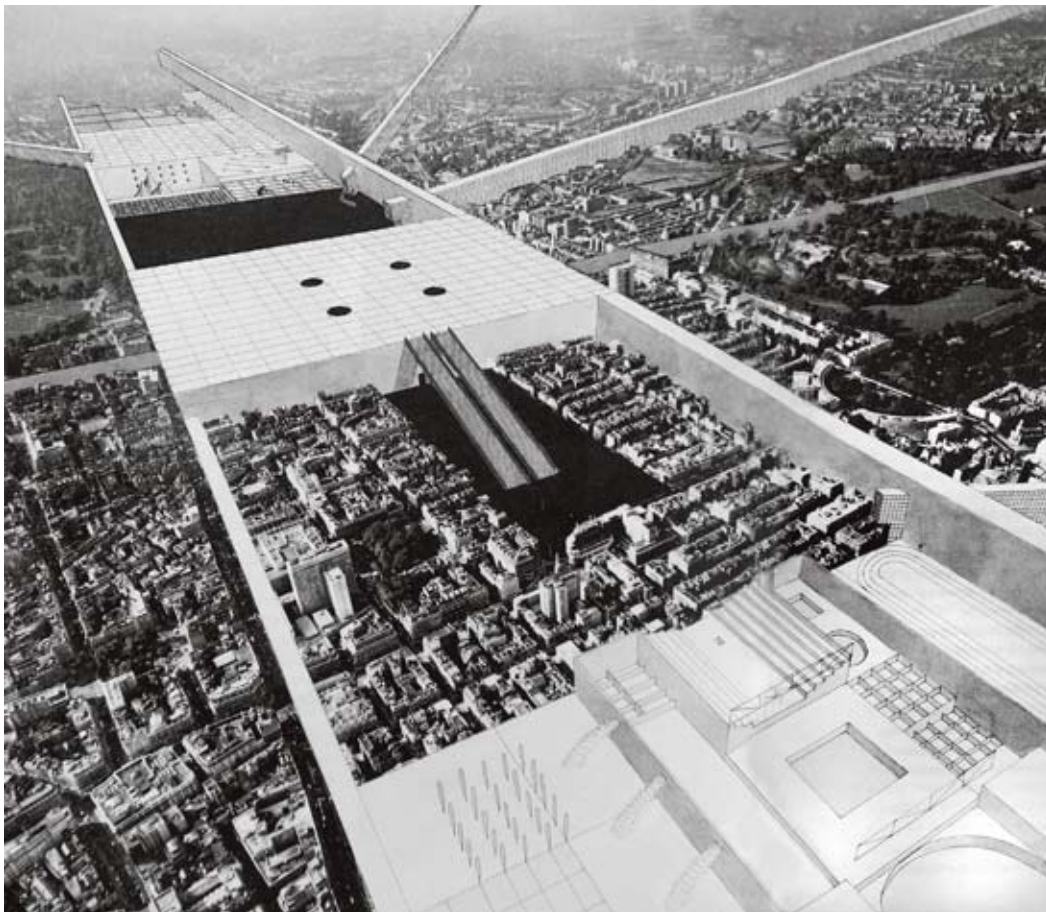

Иллюстрация к дипломному проекту Рема Колхааса «Исход», выполненному в Лондонской школе Архитектурной ассоциации (1972). В выделенной из города полосе живут добровольные узники – беглецы из хаоса капиталистического мегаполиса

Владимир Паперный

rem.ru Колхаас и Россия

Рем Колхаас в окладании презентации во дворе московского Института медиа, дизайна и архитектуры «Стрелка». Фото Владимира Паперного

Про Рема Колхааса столько сказано и написано, что понять, что этот человек на самом деле из себя представляет, почти невозможно. Это тот случай, когда избыток информации только затрудняет понимание. Вот небольшая подборка высказываний о нем:

- Он не просто дизайнер, он мыслитель (Фернандо Ромеро, архитектор);
- Я лично подозреваю, что Колхаас – порядочная сволочь (Андрей Наврозов, журнал «Сноб»);
- Один из самых ярких и ориги-

нальных талантов в современной архитектуре (Картер Браун, *National Gallery of Art*);

- Слишком высокомерен и бескомпромиссен (Мартин Педерсен, журнал *Metropolis*);
- Его идеи сделали его одним из самых обсуждаемых архитекторов задолго до того, как ему удалось осуществить эти идеи на практике (жюри Притцкеровской премии);
- Ему всегда лучше удавалась архитектура, чем социальная критика (Пол Голдберг, журнал *The New Yorker*);

- Он один из немногих архитекторов, способных противостоять кризису современного города (Николай Урусов, газета *The New York Times*).

Детство

Реммет Колхаас родился во время Второй мировой войны в городе Роттердаме, почти полностью разрушенном бомбежками. Через несколько лет семья переехала в Индонезию. Свой восьмой день рождения он отмечал на корабле недалеко от берегов Сингапура. Он на всю жизни запомнил слад-

«Непрерывный монумент» итальянской группы Superstudio (1969) стал одним из прототипов колхаасовского «Исхода»

Дипломный проект Рема Колхааса «Исход»: чтобы попасть в число заключенных в «хорошей» части города, нужно пройти жесткий отбор

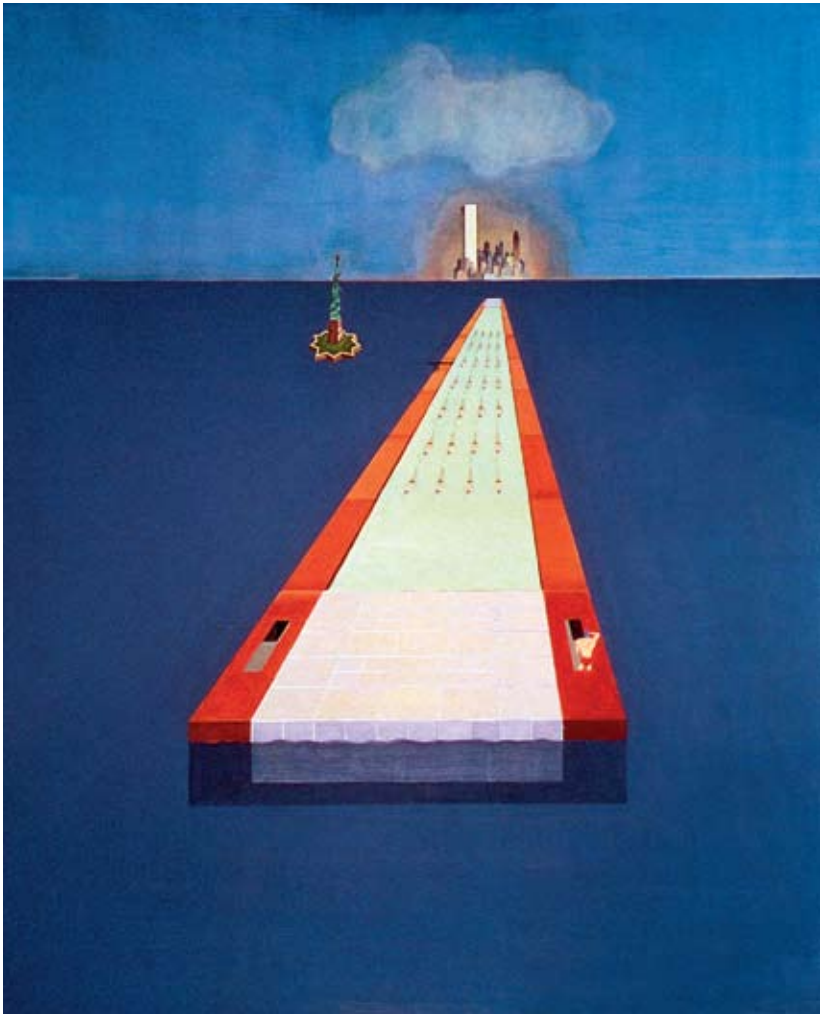
кий одуряющий запах гниения, исходящий с острова, но когда пятьдесят лет спустя наконец попал на него, запаха уже не было. В Индонезии Рем чувствовал себя уютно. Во-первых, взрослые индонезийцы были примерно такого же роста, как и он. Во-вторых, ему нравился ислам. Он попробовал было уговорить родителей сходить в мечеть, но родители-атеисты категорически отказались. Голландский мальчик получал первые уроки глобализма и мирного сосуществования несовместимых идей. Много лет спустя он напишет, что глобализация «астрономически расширяет сферу возможностей», но тут же добавит «к счастью или несчастью». Глобализация, продолжит он, «экспоненциально обедняет архитектурное воображение». Потом добавит: «Она же экспоненциально обогащает архитектурное воображение» ❶. Возможно, именно там, в Индонезии, он приобрел способность удерживать в сознании одновременно тезис и антитезис, не давая им вступать в конфликт.

Школа

Вернувшись в Голландию, семья поселилась в Амстердаме. Рем учился на киносценариста. В 1963 г. стал членом киногруппы 123 Groer, был соавтором сценария фильма «Белый раб. Интриги декадентского уroda» ❷, иногда снимался как актер. Одновременно работал журналистом и дизайнером в газете «Гаагсе

пост» (*Haagse Post*). В 1968 г. поступил учиться в знаменитую (и очень дорогую) школу Архитектурной ассоциации (Эй-Эй) в Лондоне. Чтобы платить за обучение, продолжал писать сценарии. Среди преподавателей были такие звезды, как Питер Кук, Чарльз Дженкс, Билл Боярски, Седрик Прайс, Элиа Зенгелис (впоследствии партнер Рема). Тот факт, что в архитектуру он пришел поздно и в отличие, скажем, от того же Ле Корбюзье или Ивана Леонидова не из живописи, дало удивительную свободу: идеи всегда были первичны, форма – вторична. Позднее, когда Колхаас начал участвовать в серьезных конкурсах, он сделал это своей стратегией: «Если не можешь победить за счет красоты, старайся победить за счет ума» ❸. Стратегия работала не всегда.

Атмосферу в Эй-Эй он описал так: *Школа находится в опьянении от секса, наркотиков и рок-н-ролла; в баре постоянно торчит Дэвид Боуи; рядом с ним кто-то в состоянии экспериментальной истерики, вызванной провидческими проектами Archigram (архитектурным ответом группе «Битлз»), гальванизированный (вроде бы) европейской политикой действия мая 1968 года, опьяненный спонтанным американским LOVE-урбанизмом Woodstock-фестиваля, вдохновленный пеной сплетен об идеях французских интеллектуалов, увлеченный дизайном и антидизайном, высокомерием бесконечных городов*

«Бассейн» – иллюстрация Маделон Фрисендорп к книге Колхааса «Безумный Нью-Йорк» (1978)

Иван Леонидов. Проект планировки и застройки Южного берега Крыма. 1938

Увеселительный парк Кони-Айленд в Нью-Йорке. Фото начала XX в., использованное в качестве иллюстрации к книге Рема Колхааса «Безумный Нью-Йорк»

1
OMA, Rem Koolhaas, and Bruce
Mau, *S,M,L,XL*, New York: The
Monacelli Press, 1995, p. 367.

2
De blanke Slavin. Intriges van
een decadente zonderling,
1969, режиссер Рене Далдер
(Rene Daalder).

3
В разговоре с автором
29 июня 2011 г.

4
Roberto Gargiani, Rem
Koolhaas/OMA, *The
Construction of Merveilles*,
Lausanne: EPFL Press, 2008,
p. 4.

5
OMA, Rem Koolhaas, and Bruce
Mau, *S,M,L,XL*, p. 505.

6
Ibid., p. 7.

7
Ibid., p. 222.

8
Ibid., p. 226.

9
Roberto Gargiani, Op. cit., p. 4.

10
Rem Koolhaas and Gerrit
Oorthuys, 'Ivan Leonidov's Dom
Narkomtjajzprom, Moscow,' in:
Oppositions 2, January, 1974,
pp. 95–103.

11
Ibid., 103.

12
Rem Koolhaas, *Delirious New
York, A Retroactive Manifesto
for Manhattan*, New York:
Monacelli Press, 1978.

13
Ibid., 30.

Superstudio u Archizoom... Конструкция, стандарты, вентиляция? Езжайте в Швейцарию ④.
Вместо Швейцарии Колхаас поехал в Москву.

Май 1968 года

«Мое поколение, – написал он впоследствии, – это поколение мая 1968 года, поколение хорошо информированных интеллектуалов, правильно травмированных тщательно выбранными катаклизмами» ⑤. Май 1968 – это, конечно, парижские баррикады, бои с полицией и лозунги типа «запрещается запрещать». Но как выбирать катаклизмы, чтобы быть правильно травмированным?

Архитектурным аналогом парижских баррикад стала футурология. Итальянцы Адольфо Наталони и Кристиано Торальдо создали группу Superstudio. Андреа Бранци и Джильберто Корретти создали Archizoom. Англичанин Питер Кук с друзьями создали Archigram. Рема в игру не принимали. «Наша школа для творческих людей, – сказал ему Питер Кук, – а не для фашистов вроде тебя». Хотя многие футурологические проекты «старших товарищей» тоже содержали элементы самопародии, идеология группы Archigram оказалась слишком консервативной, чтобы оценить радикально-синтетический стиль мышления Колхааса.

Дипломная работа Рема в Эй-Эй под названием «Исход, или Добровольные узники архитектуры» (1972) сделана под явным

влиянием Superstudio. Достаточно сравнить иллюстрацию к иронической антиутопии Superstudio 1969 года «Непрерывный монумент» с иллюстрацией Колхааса к «Исходу», чтобы увидеть связь.

В «Исходе» Лондон разделен на две части – хорошую и плохую. Чтобы предотвратить исход всего населения из плохой в хорошую, построена стена с колючей проволокой. Все рвутся в хорошую часть, но чтобы попасть туда, надо пройти жесткий отбор. Внутри хорошей части – орнаментальное опьянение, декоративное безумие, передозировка символов» ⑥.

Первая ассоциация, которая приходит в голову, когда читаешь пояснения к проекту, – берлинская стена, построенная за десять лет до «Исхода». Аналогия подтверждается воспоминаниями Колхааса о посещении Берлина, где Рем сделал поразившее его открытие: стена была «душераздирающе красива» ⑦. Красота в архитектуре, пришел он к выводу, «прямо пропорциональна тому ужасу, который она внушает» ⑧.

– У меня впечатление, – говорю я, – что большинство ваших текстов наполовину – самопародии.
– Во всем, что я делаю, – отвечает Рем, – присутствует юмор. Без юмора невозможно мыслить. Кроме того, я полемист. «Исход» – это конфронтация с англо-саксонской серьезностью и прагматизмом. Мне хотелось показать, что работать можно весело.

– То есть вы относились к своему проекту менее серьезно, чем, скажем, Archigram к своим коллажам?

Ответ, как всегда у Рема, неожиданный и загадочный:
– Я был серьезнее, чем они, а они были серьезнее, чем им казалось.

Россия

В 1969 году Геррит Ортхойс, преподаватель истории архитектуры из Делфта, поклонник русского авангарда, радикал, мечтавший о коммунистической революции в Европе и собиравшийся «после революции» расстрелять некоторых своих знакомых, повез Рема в Москву. В Москве Рем познакомился с работами Родченко и теорией дезурбанизма. Именно тогда он понял, как близко связаны между собой кино и архитектура. Позднее Колхаас объяснит: «В сценарии ты должен связывать отдельные эпизоды, удерживать интерес зрителя и компоновать элементы – с помощью монтажа, например. В архитектуре – абсолютно то же самое. Архитекторы соединяют пространственные эпизоды, создавая из них сюжеты» ⑨.

Из конструктивистов больше всего его поразил Иван Леонидов. Рем с учителем начали собирать про него материал. Двенадцать раз ездили в СССР. Мало кто в России тогда интересовался Леонидовым, а эти два голландца все время набредали на затерянные сокровища. Как-то Рем сидел за столом на кухне у вдовы Леонидова. Случайно провел рукой по обрат-

ной стороне стола. Почувствовал какую-то шероховатость. Нагнулся и посмотрел. Оказалось, что для столешницы была использована доска с живописью Леонидова.
– Это был знаменитый проект застройки Южного берега Крыма, – рассказывает Колхаас, – написанный в технике иконописи на доске; что-то напоминающее китайские пагоды на холме.

Модернизм, Восток и православие, сосуществующие в одной столешнице. Типичный глобализм.

Вместе с учителем решили написать книгу о Леонидове. Ортхойс должен был заниматься визуальной частью, Колхаас писать текст. Рем свою часть выполнил, Геррит – нет. Книга так и не была опубликована.

– Обидно, – говорю я.
– Не думаю, что там было что-то очень ценное, – отвечает Рем. – Я тогда слишком мало знал о России. Но статью про леонидовский проект Наркомтяжпрома мы все же опубликовали в журнале *Oppositions* ⑩. Это была более серьезная работа.

Недостаточное знание России подтверждается первой фразой статьи: *Ivan Leonidov was born in Tversk* (имеется в виду хутор Власиха Старицкого уезда Тверской губернии). Самая интересная фраза статьи – последняя: «В любой другой точке это здание выглядело бы нелепо. Любое другое здание в этой точке было бы абсурдно» ⑪.

Первым проектом, который принес Колхаасу международ-

ную известность, стала книга «Безумный Нью-Йорк. Манифест Манхэттена, написанный задним числом» ⑫. Тема России там возникает трижды. Первый раз в главе, посвященной парку аттракционов на острове Кони-Айленд, который Колхаас считает «зародышем Манхэттена, лабораторией, где разрабатывались стратегии и механизмы, которые позднее сформировали большой остров – Манхэттен» ⑬. Максим Горький посетил этот парк в 1907 г. Пролетарский писатель остался недоволен буржуазной системой развлечений (возможно, именно поэтому парк, созданный на берегу Москвы-реки в 1928 г., был потом назван его именем). Статья Горького про Кони-Айленд в журнале *The Independent* называлась «Скука»:

Прозрачный издали, сказочный город встает теперь, как нелепая путаница прямых линий дерева, поспешная, дешевая постройка для забавы детей, расчетливая работа старого педагога, которого беспокоят детские шалости, и он желает даже игрушками воспитывать в детях покорность и смирение. Десятки белых зданий уродливо разнообразны, и ни в одном из них нет даже тени красоты. Они построены из дерева, намазаны облупившеюся белой краской и все точно страдают однообразной болезнью кожи.

«Душу крепко обнимает пламенное желание, – заканчивает Горький свою статью, – живого, красного, цветущего огня, чтобы

он освободил людей из плена пестрой скуки, сверлящей уши и ослепляющей глаза» **14**. Любопытно, что мечта писателя осуществилась: в мае 1911 г. фабрика развлечений сгорела дотла, хотя потом была быстро восстановлена и существует до сих пор.

Позиция Горького, считает Колхаас, – это позиция интеллектуала, который любит массы на расстоянии, вблизи же ему

написан, но я боюсь, что этот портрет может оскорбить чувства большого количества людей. Как ни печально, но я вынужден просить вас заменить лицо Ленина на чье-нибудь другое **15**. Ривера отказался. Через две недели его вежливо попросили слезть с лесов, вручили чек и предложили покинуть помещение вместе со всей командой. Еще через шесть месяцев фреска была

противодействую. К началу 1930-х сама идеология движения была признана подрывной. Студенты решили бежать из сталинской России. В сущности форма бассейна повторяла форму квартала в Манхэттене, поэтому выбор пункта назначения был очевидным. Ранним утром студенты начали плыть в своем бассейне по направлению к Кремлю, рассчитав, что сам бассейн начнет медленно двигаться в сторону Нью-Йорка.

Нью-Йорк, 1976 год. Путешествие заняло около сорока лет. Манхэттен показался им странно знакомым. «Но что это? – не могли понять они. – Неужели коммунизм, от которого они бежали сорок лет назад, достиг наконец США? Откуда эта грубость нравов и стандартность одежды?» Нью-йоркские архитекторы тоже не были в восторге от появления русских конструктивистов, потому что были в тот момент заняты борьбой с модернизмом. Тем не менее они решили вручить коллегам медаль, на которой было выгравировано: «Легкого пути от земли к звездам не существует». Внимательно рассмотрев медаль, один из русских конструктивистов воскликнул: «Мы ведь только что прибыли из Москвы». Все конструктивисты снова прыгнули в свой бассейн, и каждый занял исходную позицию. В этот момент прямо перед Дворцом социальной помощи стальной бассейн конструктивистов столкнулся с плотом Медузы и вошел в него как нож в масло. Оптимизм победил пессимизм **18**.

Здесь, как и в истории с фреской Диего Риверы, интересно отсутствие политической позиции. Автор не за тех и не за других. Персонажи сказки – маленькие фигурки, которые Колхаас передвигает по придуманному пространству. Это рисованный мультик, архитектурная притча, лишенная морали.

В следующей книге Колхааса тема России тоже не осталась без внимания. Книга называется *S,M,L,XL*, и в ней 1344 страницы. На странице 823 – история Дворца Советов с подзаголовком «Виртуальная архитектура. Сказочка на ночь». Начало такое: «Это история Вавилонской башни без Вавилонской башни... раздутая до безумных размеров копия свадебного торта, сверху фигурки жениха и невесты, слившиеся в гигантскую статую Ленина, вечно указывающего путь вперед». В предыдущей книге фигура Ленина была уничтожена капиталистами. В этой Ленин рождается в качестве своего рода андрогина.

Попав в 1970-х гг. в Москву, Рем не мог отказать себе в удовольствии поплавать в котловане Дворца Советов под несуществующим Лениным («Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть...», – как сказал Маяковский). В разведке, пишет Колхаас, «большие русские женщины в белых халатах шлепают посетителей по голым задницам, подгоняя их в заросшие плесенью, плохо пахнущие душевые кабинки» **19**. Запахи, как мы

заметили в случае с Сингапуром, играют важную роль в восприятии Колхаасом среды.

«Когда плывешь в морозный день, – продолжает он, – волосы замерзают, превращаясь в ледяной шлем. Вода при этом настолько теплая, что поднимающийся пар делает окружающее неразличимым. Куда плыть? Неожиданно натыкаешься на пару, занимающуюся любовью – то ли им куда больше пойти, то ли нечем больше заняться» **20**.

Можно, конечно, придирается к неточностям: Дворец Советов, например, назван монументом Третьему Интернационалу, а превращение его в бассейн отнесено к сталинской эпохе, но это неважно. Рем Колхаас, не знающий русского языка, суть дела уловил точно и даже провидчески: «В безветренные ночи пар, поднимающийся из бассейна, приобретает форму храма Василия Блаженного – как Благовещные виртуальной архитектуры».

Параноидально-критический метод

Книга «Безумный Нью-Йорк» начинается вполне академическим исследованием истории Манхэттена. В 1807 г. вся неосвоенная территория острова была разбита на 2028 одинаковых прямоугольных кварталов – геометрическая сетка для будущего строительства. Колхаас видит в этой абстрактной сетке недальновидность коммерческих интересов. Но мне кажется, что есть более простое объяснение – модернистская страсть к геометрической упорядоченности. Эту страсть, через сто лет после создания нью-йоркской сетки, опишет Андрей Белый в романе «Петербург». Важный государственный чиновник Аблеухов мечтает, «чтобы сеть параллельных проспектов, пересеченная сетью проспектов, в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов: по квадрату на обывателя... После линии более всех симметричностей успокаивала его фигура – квадрат» **21**.

Персонаж книги Колхааса, отчасти напоминающий Аблеухова, – Ле Корбюзье, пытающийся продать свой «Лучезарный город» в Париже, Москве и Нью-Йорке, описан с нескрываемой иронией: «Ле Корбюзье напоминает мне принца, разъезжающего по свету с хрустальной туфелькой в надежде, что она кому-то придется впору» **22**.

Гораздо большее сочувствие вызывает у Колхааса прибытие в Нью-Йорк, в том же 1935 г., другой европейской знаменитости, Сальвадора Дали. Чтобы поразить американцев, Дали задумал сойти на берег, держа в руках 15-метровый батон белого хлеба. Но повару на корабле удалось испечь батон всего в два с половиной метра. Разговаривая с репортерами, Дали все время вертел в руках этот батон, но никто не обратил на него никакого внимания.

Ле Корбюзье в ответ на непонимание его идей, безуспешно пытается вдолбить эти идеи в головы нью-йоркцев. Дали, столкнувшись

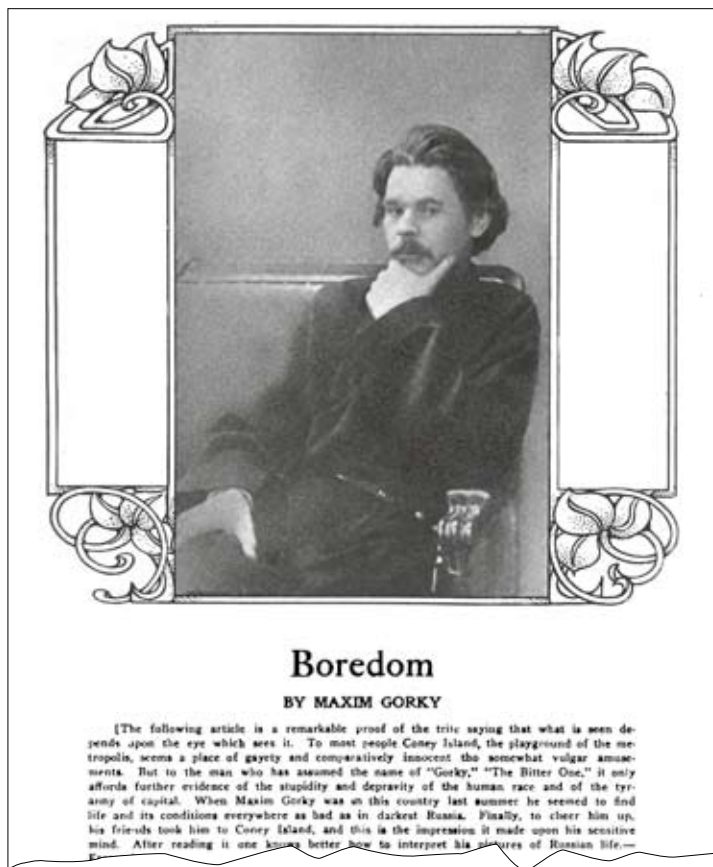
с провалом своей сюрреалистической шутки, стремится понять Нью-Йорк и перестроиться, что в конце концов приводит к успеху. Реакция Дали и его параноидально-критический метод гораздо ближе Колхаасу, чем реакция Ле Корбюзье. Сам Сальвадор Дали описал свой метод так: «Спонтанный метод иррационального знания, основанный на объективизации безумных ассоциаций и интерпретаций» **23**. Для художника-сюрреалиста такой метод вполне подходит, но в устах архитектора, который собирается строить реальные здания, подобные заявления вызывают недоумение. Некоторые обвиняют Колхааса в сознательной провокации с целью саморекламы. Я думаю, что это особая форма юмора. Напомню уже процитированные слова Рема: «Без юмора невозможно мыслить... работать можно весело».

Везде, где есть выбор между весельем и скукой, Колхаас на стороне веселья, и это один из секретов его успеха – ни среди его текстов, ни среди концептуальных проектов, ни среди построек не найдешь скучных.

«Стрелка»: Институт медиа, архитектуры и дизайна

Идея «Стрелки» родилась в Венеции. Собравшиеся на архитектурной Биеннале 2008 года друзья – создатель «Афиши» Илья Осолков-Ценципер, владелец ЖЖ и «Евросети» Александр Мамут, создатель проекта Yota Сергей Адоньев, архитекторы Олег Шапиро и Дмитрий Ликин – говорили о том, какое ужасное впечатление производят дизайн и архитектура в России. – Жизнь архитектора в России чрезвычайно герметична, – объяснял позднее Олег Шапиро, – к этому приложили руку не только власти, но и сами архитекторы, их удивительным образом отталкивает любой не местный опыт. Люди, которые уезжают за границу получать образование, чаще всего там, к сожалению, и остаются. Обмена нет вообще. Русская архитектурная школа осталась изолированной. Какие есть способы вовлечения? Совместная работа, общая деятельность – только так передается настоящий опыт, и теоретический, и практический. – Надо создать международную школу, – предложил Илья. – Мы будем учить людей бесплатно. – Нам понравилась его идея, – вспоминает Александр Мамут, – и мы просто дали денег.

Обучение будет вестись на английском языке, – решили все, – пора выходить в большое плавание. Илья отправился в Лондон уговаривать Рема Колхааса возглавить школу. Выбор был очевиден: парадоксальный мыслитель, блестящий концептуалист, архитектурная суперзвезда (хотя терпеть не может этого слова), работал во многих странах, преподает в Гарварде, хорошо знает русский авангард, который, как известно, основа всей современной архитектуры. – Вы человек занятой, – говорю я Рему, – вас рвут на части, ваше

Страница из журнала *Independent* (1907) с портретом Максима Горького и статьёй «Скука», в которой русский писатель жалуется на скуку и критикует парку аттракционов на Кони-Айленде в 1911 г.

хочется заткнуть нос. Признаться в своей брезгливости он не может, поэтому придирается к мелочам, например, к облупившейся белой краске. Плебейское веселье Кони-Айленд для Колхааса гораздо привлекательнее, чем «англо-саксонское» занудство Горького.

Столкновение коммунизма с капитализмом стало темой другого раздела книги – «Кремль на Пятой авеню», где Колхаас подробно рассказывает историю уничтоженной фрески Диего Риверы в вестибюле здания Рокфеллер-центра в Нью-Йорке. В 1932 г. Нельсон Рокфеллер пригласил Пикассо, Матисса и Риверу создать фреску. В это время, пишет Колхаас, и семейство Рокфеллеров, и советское политбюро старались привлечь известных художников к украшению монументальных сооружений, утверждая свое культурное превосходство. Соцреализм и капитализм, считает Колхаас, в этот момент стали почти неразличимы.

Пикассо и Матисс отказались. Ривера, когда узнал, что он должен предать эскиз для утверждения, и что архитектор настаивает на черно-белой гамме, тоже сначала отказался. Рокфеллер как опытный бизнесмен сумел найти компромисс, и Ривера принялся за работу. Все шло хорошо, пока Диего не получил следующее письмо от Нельсона: *Вчера я зашел в здание № 1 посмотреть, как продвигается работа, и заметил, что вы добавили портрет Ленина. Он мастерски*

уничтожена. Капитализм победил коммунизм. «Кремль, – пишет Колхаас, – снова стал вестибюлем для лифтов» **16**.

Самое интересное в этом рассказе – отсутствие ярко выраженных симпатий и антипатий. Рем не за красных и не за белых, его увлекает драматический сюжет. Много лет спустя, когда мы с ним окажемся в вестибюле гостиницы «Украина-Рэдиссон» в Москве, Рем радостно воскликнет: «Смотрите, как интересно, в этом интерьере постмодернизм вступил в борьбу со сталинским интерьером, в результате оба уничтожили лучшее, что было у другого, и от обоих осталось самое худшее» **17**.

Книга «Безумный Нью-Йорк» заканчивается сказкой, хотя с таким же успехом ее можно было бы назвать басней, кино-сценарием или произведением концептуальной архитектуры. Она называется «История бассейна» и в публикациях обычно сопровождается иллюстрациями, сделанными тогдашней женой Колхааса, Маделон Фрисендорп. Вот эта история в моем вольном, сильно сокращенном пересказе.

Москва, 1923 год. В то время, как другие изобретали летающие города, сферические театры и искусственные планеты, один студент-архитектор изобрел плавающий (sic!) бассейн. Друзья студента обнаружили, что если все они будут одновременно плыть в одну сторону, сам бассейн будет двигаться в противоположную, ведь действие равно

В Россию Колхааса привела давняя любовь к русскому авангарду, а так же тот факт, что здесь до сих пор иногда берутся осуществлять утопии. На фото Рем в качестве преподавателя института «Стрелка»

время на вес золота. Почему вы решили потратить столько времени и сил на институт «Стрелка»?

Разговор происходит в восемь утра в вестибюле гостиницы «Балчуг». Колхаас успел поплавать в бассейне и, наверное, сидел бы сейчас с мокрыми волосами, если бы на голове у него сохранилась роскошная шевелюра его молодости.

– Для меня преподавание, – отвечает Колхаас, – это способ приобрести новые знания. Сидя у себя в офисе, это сделать невозможно. Россия для меня особенное место, страна поразительной истории и поразительных талантов.

Европа, несмотря на всю свою активность, по существу никуда не движется, в ней нет содержания, одна форма. В России – наоборот, здесь, как мне кажется, бесконечный запас содержания.

Самое необычное в этой школе – запрет на проектирование, не случайно слово дизайн в названии стоит последним. Главная проблема современной архитектуры, считает Рем, – люди начинают проектировать, не успев начать думать. Поэтому все годичное обучение на «Стрелке» состоит в том, что можно было бы назвать предпроектным анализом. Для студентов, многие из которых уже были практикующими архитекторами до поступления в эту школу, такой подход оказался одновременно шокирующим и открывающим. «Я стала по-другому относиться и к себе, и к окружающему миру, – сказала мне одна студентка, – более спокойно что ли, с исследовательским интересом и последовательностью».

– Я никогда не участвовал в проекте, – подводит итог Рем, – который до такой степени был бы лишен коммерческого начала. Такое учреждение сегодня невозможно ни в Европе, ни в США. В России уцелело что-то, чего в других странах уже нет.

«Сколково»

Главное из того, что уцелело в России, – неискоренимая страсть к утопиям. Одной из таких утопий стал инноград «Сколково». То, что спроектировал Рем и его архитектурное бюро OMA (Office for Metropolitan Architecture) для «Сколково», тоже пока утопия.

Колхаас знаменит своими неосуществленными проектами не меньше, если не больше, чем постройками. Вот некоторые из неосуществленных проектов:

- Парк де ла Виллет (Parc de la Villet), Париж, 1982;
- Большая библиотека (Très Grande Bibliothèque), Париж, 1989;
- Концертный зал (Performing Arts Center), Майами, 1994;
- Генеральный план города Йокогама (Yokohama Master Plan), 1992;
- Галерея Тейт Модерн (Tate Modern), Лондон, 1994;
- Пристройка к Музею современного искусства (MoMA Charette), New York, 1997;
- Реконструкция окружного музея искусств (LACMA), Лос-Анджелес, 2001;
- Город ООН (UN City), Нью-Йорк, 2001;

• Офисное здание (23 East 22nd Street), Нью-Йорк, 2008.

В России пока не осуществлен ни один из проектов Колхааса (если не считать «Стрелки»). Не совсем ясен статус проекта реконструкции Эрмитажа. Возможно, состоится реконструкция ресторана «Времена года» в ЦПКиО имени Горького (того самого Горького, который жаждал пожара на Кони-Айленд). Не приняты проекты:

- «Балтийская жемчужина», Петербург, 2005;
- Газпром-сити, Петербург, 2006;
- Апраксин двор, Петербург, 2007;
- 75-й квартал Хорошево-Мневников, Москва, 2007.

Работа со «Сколково» началась с градостроительного конкурса. Главным автором мастер-плана иннограда, выполненного ОМА стал партнер Колхааса Рейнир де Грааф. Он специализируется на проблемах проектирования экоустойчивых структур и больше всего знаменит своим предложением по созданию экологически чистой Европы «Дорога в 2050 год» (*Roadmap 2050: A Practical Guide to a Prosperous, Low-Carbon Europe, 2010*). Учитывая многочисленные заявления руководства «Сколково» о важности экологии, выбор де Граафа в качестве руководителя проекта становится понятным.

Де Грааф описывал градостроительный проект так: «Это трансформируемая система, дающая архитекторам-участникам возможность создавать индивидуальные территории, здания и пространства. Ценность нашего плана именно в том, что он дает возможность интегрировать идеи разных авторов»²³. Проект стал одним из двух финалистов конкурса, но в конце концов был отвергнут Градостроительным советом. Победителем стал проект французской компании AREP.

Впрочем, и ОМА не осталась внакладе. Колхаасовской компании доверили проектирование гостевой зоны – фактически центральной площади иннограда, расположенной между комплексами технопарка и университета. Проект ОМА был представлен Градостроительному совету «Сколково» 2 декабря. Посредине гостевой зоны должен стоять куб под названием «Скала» (Rock) со срезанными углами, причём стоять он должен как раз на одном из срезанных углов. Куб прорезан многочисленными дырками разной формы, из-за чего голландский проект отчасти напоминает голландский сыр. Рейнир де Грааф описал проект так: «В «Скале» будут находиться магазины, гостиница, кинотеатр, кафе и рестораны, выставочный зал, а также несколько вестибюлей, по которым можно будет свободно прогуливаться... Мы пришли к выводу, что нужно создать эффект именно скалы, даже застывшей лавы. Так, например, на поверхности будет много маленьких окон. Предполагается, что это будут настоящие окна, через которые свет будет попадать внутрь. Это их утилитарная функция. С точки зрения дизайна

эти маленькие хаотичные окна будут создавать ощущение особой фактуры»²³.

Решение ОМА вызвало резкое отторжение у члена Градсовета, архитектурного критика Григория Ревзина. «Я понимаю, – сказал он, – что можно эффектно вводить в заблуждение руководство фонда и руководство страны, которые хотят видеть ОМА в проекте. Но я поражаюсь авантюризму де Граафа и Колхааса, которые позволяют себе показывать это профессиональному совету. В этом проекте нет содержания, авторы не знают, в чем функция их здания. Я отказываюсь это обсуждать».

Я думаю, что архитекторы ОМА поставлены в трудные условия, они действительно не очень ясно представляют себе функцию здания, но это скорее проблема заказчика, который тоже пока не совсем четко понимает, кому все это нужно. Поэтому на данном этапе «Скалу» надо воспринимать как элегантную архитектурную фантазию, что-то вроде проектов Этьена-Луи Булле. У того шар, у этих куб. Окончательно суждение о проекте можно будет вынести только, когда куб будет построен. Или когда станет ясно, что он никогда не будет построен и займет свое место в списке знаменитых, неосуществленных, оказавших влияние на мировую архитектуру проектов Колхааса и его студии ОМА.

Колхаас и Россия

Несмотря на огромный интерес друг к другу, полного взаимопонимания между Ремом Колхаасом и Россией пока достичь не удалось. Процесс сближения, начавшийся в конце 1960-х, пока вывел только на одну строительную площадку – ресторан «Времена года».

Тем не менее основания для оптимизма есть. Парадоксальные идеи Колхааса завоевывают популярность в России. Сотрудница «Стрелки» Анастасия Смирнова перевела на русский язык «Безумный Нью-Йорк». Книга выходит в 2012 году. Первый выпуск «Стрелки» – 35 молодых талантливых архитекторов и дизайнеров, 28 из которых россияне – находится под большим впечатлением от идей и личности Рема. «Жизнь, – как сказала мне одна из выпускниц, – делится на жизнь до встречи с Ремом и после встречи с Ремом».

Можно надеяться, что рано или поздно мечта Гоголя, чтобы Москва «вдруг возросла и выбросилась на воздух смелым переломленным сводом или изверглась какою-нибудь башней-гигантом», осуществится – с помощью одного из самых интересных архитекторов современности.

SKOLKOVO INNOVATION CENTER. LEARN MORE AT MIPIM EXHIBITION

DOME

Microclimate environment where outdoor activities can take place all year long
art galleries, retail
40 000 m²

Construction completion — 2015
Central Zone
Planning District Z1

District Curators:
Kazuyo Sejima [SANAA, Ltd],
Reinier de Graaf [Office for Metropolitan
Architecture (O.M.A.) Stedebouw B.V.]

PLATEAU

Offices, retail, sport facilities, entertainment
48 700 m²

Construction completion — 2017
Planning District D4

District Curators:
Yuri Grigoryan [Project Meganom, LLC],
Stefano Boeri [Stefano Boeri Architetti, SRL]

SBERBANK

Offices, laboratories, lecture rooms,
sport facilities, retail
70 000 m²

Construction completion — 2014
Planning District D1

District Curators:
David Chipperfield [David Chipperfield
Architects Ltd],
Sergey Tchoban [SPEECH Tchoban &
Kuznetsov]

UNIVERSITY

Auditoriums, laboratories, sport facilities, retail
195 000 m²

Construction completion — 2014
Planning District D3

District Curator:
Pierre de Meuron [Herzog &
de Meuron Basel, Ltd]

TECHNOPARK

Laboratories, Common Use Centers,
collaboration areas, retail
146 000 m²

Construction completion — 2013
Planning District D2

District Curators:
Jean Pistre [Valode & Pistre Architectes],
Mohsen Mostafavi [Harvard Graduate
School of Design]

ROCK

Commercial, residential, hospitality,
retail, entertainment
70 000 m²

Construction completion — 2015
Central Zone
Planning District Z1

District Curators:
Kazuyo Sejima [SANAA, Ltd],
Reinier de Graaf [Office for
Metropolitan Architecture (O.M.A.)
Stedebouw B.V.]

